АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам
VI Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 30 сентября 2015 г.

В десяти частях
Часть VII

ЭПИЦЕНТР

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
С 56

Современные тенденции развития науки и технологий : сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции 30 сентября 2015 г.: в 10 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – № 6, часть VII. – 148 с.

С 56

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам VI Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 сентября 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по социологии и юриспруденции.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

УДК 001
ББК 72

ISSN 2413-0869

© Коллектив авторов, 2015
© ИП Ткачева Е.П. (АПНИ), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» **5**

Димухамедов И.К. ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА 5

Димухамедов И.К. РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА КАЗАНИ 10

Налетова Д.В., Окатов А.В. РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНКОФОНИЯ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 14

Перевозчикова Л.С., Радугин А.А. СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА – АКТУАЛЬНАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА 17

Позднякова Е.М. СТАНОВЛЕНИЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 21

Сизиков В.П., Разумов В.И. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИО-ПРИРОДНОЙ СИСТЕМЫ И ВЫСТРАИВАНИЯ ТИПА ОБЩЕСТВА 25

Храмова Е.Ю., Берсенева Н.В. АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ 38

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ» **42**

Богданов С.Д., Стурза К.И. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ 42

Большаков А.П. РОЗЫСК ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 44

Ботоева Ч.К. ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ 48

Ботоева Ч.К. ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ 52

Брунер Т.Ю. ФОРМЫ И ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА 57

Булгаков В.В., Богданова Е.В., Лисицына А.Н. ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ 59

Вишневецкая И.Н. ПРАВОКОНКРЕТИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ 64

Галиева Г.Р., Курбангалиева А.М., Юсупов Т.З. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 67

Галкин А.Ю. УСЛОВИЯ О КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ ПО ДОГОВОРАМ НА ВЫПОЛНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 71

Диденко А.А. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ КОММЕРЧЕСКИХ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ 73

Дудченко А.Ю. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ 75

Зиндуль П.С. ВОПРОСЫ РЕГИСТРАЦИОННОГО РЕЖИМА НЕДВИЖИМОСТИ: ПРИНЦИП ВНЕСЕНИЯ ПРОТИВ ПРИНЦИПА ПРОТИВОПОСТАВИМОСТИ 77

Иванова Ю.В., Зоткин С.Ф. ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ 81

Кирпа А.С. К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ 84

Клюев А.А. ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА, НО НЕ ПРИЗНАВАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В НОРМАХ АРТИКУЛА ВОИНСКОГО 1715 ГОДА 89

Коломейченко Е.А., Крепак С.В. ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИИ 94

Красина М.Н., Никова М.А., Карпенкова Т.В. ЛАТИНСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОНИМАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ДРУГИХ НАУК 98

Лукьянчикова Е.Ф. МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 104

Макогон И.В. ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ 109

Никабадзе Н.Н. К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ 113

Раскина Т.В. К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ 116

Таилова А.Г. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ САНКЦИЙ 128

Таилова А.Г. КОНЦЕПЦИЯ «ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» 130

Уваров А.А. ОСОБЕННОСТИ ОТКРЫТОГО АУКЦИОНА КАК ФОРМЫ ТОРГОВ 132

Халиков Р.М. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА 134

Шайдуров И.В. ПОНЯТИЕ ПРИНОСЯЩЕЙ ДОХОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ 138

Якименко П.И., Беланова Г.О. РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ 140

ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Димухамедов И.К.
магистрант специальности «Государственное и муниципальное управление»,
Казанский национально-исследовательский технологический университет,
Россия, г. Казань

В статье рассматриваются вопросы обеспечения правопорядка для стабильного социально-экономическом развития региона в целом.

Ключевые слова: органы внутренних дел, муниципальное образование, криминогенная обстановка, профилактика преступлений, борьба с коррупцией, противодействию экстремизму и терроризму, профилактика детской безнадзорности и беспризорности.

Работа органов внутренних дел г.Казани в течение 2014 года была направлена на дальнейшее совершенствование оперативно-служебной деятельности, обеспечение общественного порядка и безопасности, повышение доверия горожан к органам внутренних дел, на реализацию решений Коллегий МВД РФ и МВД по РТ.

В целом криминогенная обстановка в городе находится под контролем. Результатом проведенных мероприятий стало сохранение положительной тенденции снижения общего количества преступлений. В прошлом году зарегистрировано 18712 преступлений, в текущем – 17824, на 4,7% или 888 фактов меньше (рис. 1).

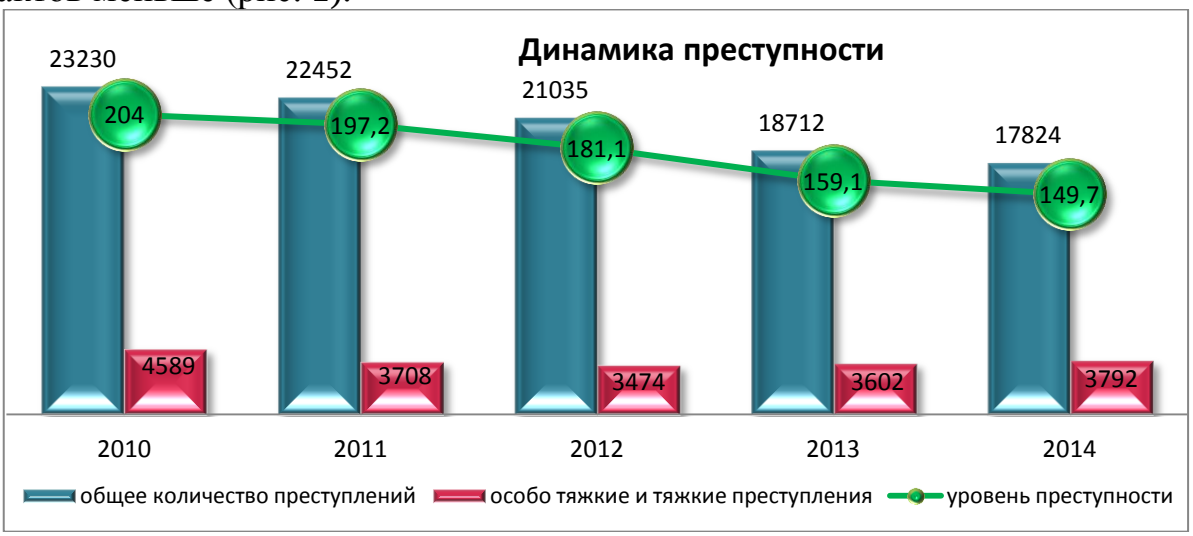

Рис. 1

Уровень преступности за последние пять лет снизился на 54,3 пункта, с 204 до 149,7 преступления на 10 тысяч населения, а по сравнению с прошлым годом – на 9,4 преступления.

В городе сократилось количество зарегистрированных фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (УПТВЗ), с 210 до 194. На

уровне 2013 года осталось количество зарегистрированных убийств – 75 фактов. Процент расследованных убийств составил 80,3%, УПТВЗ – 90,1%.

Таблица

Динамика преступности (по видам)

ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	2013	2014	+-/+-%
Убийства	75	75	-
Тяжкие телесные повреждения	210	194	-7,6
Изнасилования	32	43	+34,4
Разбои	161	133	-17,4
Грабежи	628	576	-8,3
Кражи	8561	8086	-5,5
в т.ч. из квартир	216	236	+9,3
Мошенничества	2229	2615	+17,3
Неправомерное завладение АМТ	272	234	-14,0
Хищения АМТ	165	152	-7,9
Хулиганства	49	39	-20,4
Связанные с наркотиками	1363	1568	+15,0
Оружие	194	179	-7,7
Совершено в общественных местах	9844	9789	-0,6
в т.ч. на улицах	5892	4996	-15,2
Совершено в нетрезвом состоянии	1675	1977	+18,0
Совершено ранее судимыми лицами	1920	1945	+1,3
Совершено несовершеннолетними лицами	442	338	-23,5

Количество зарегистрированных изнасилований увеличилось с 32 до 43 фактов. Рост количества преступлений данной категории произошел за счет выявленных в ходе расследования уголовных дел дополнительных эпизодов преступной деятельности подозреваемых.

Зарегистрировано 12044 преступления против собственности, что на 323 факта меньше, чем в прошлом году (12367). Расследовано 3677 преступлений данной категории, процент расследованных составил 30,8%, что на 1,3% больше, чем в 2013 году (29,5%).

Снизилось количество корыстно-насильственных преступлений: разбойных нападений – на 17,4%, со 161 до 133 фактов, и грабежей – на 8,3%, с 628 до 576. Показатель раскрываемости данных видов преступлений составил 80,7% при расследовании разбоев и 55,9% – грабежей, что превышает показатели 2013 года: 75,9% и 53,6% соответственно.

Значительную долю преступлений против собственности по-прежнему составляют кражи. Вместе с тем число фактов тайного хищения имущества сократилось на 5,5%, с 8561 до 8086, при этом процент расследованных увеличился на 1,1%, с 23,4% до 24,5%, а остаток нераскрытых преступлений снизился на 8,1%. Этому в немалой степени способствовало усиление проводимой органами внутренних дел г.Казани профилактической работы. Управлением МВД России по г.Казани активно использовались возможности средств массовой информации для профилактики преступлений.

Повышенное внимание уделялось организации профилактики, раскрытия и расследования хищений и угонов транспортных средств. Результатом проведенных мероприятий стало снижение количества угонов автомототранспортных средств на 14%, с 272 до 234, и краж АМТ – на 7,9%, со 165 до

152 фактов. Процент расследованных угонов составил 69,3%, что на 1,3% выше АППГ, краж автомашин – 29,6%, на 4% выше АППГ (25,6%).

Несмотря на увеличение количества зарегистрированных мошенничеств на 17,3%, с 2229 до 2615 фактов, в том числе социального характера на 33,3%, с 405 до 540 фактов, раскрываемость данного вида преступлений по сравнению с итогами окончания 2013 года увеличилась и составила 38,4%.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел является противодействие преступным посягательствам в сфере экономики, борьба с коррупцией.

Сотрудниками полиции на постоянной основе проводятся мероприятия по выявлению и пресечению фактов незаконной организации и проведения азартных игр.

За 12 месяцев текущего года пресечена деятельность 917 незаконных игорных заведений. За совершение административных правонарушений в суды города направлено 983 административных материала по статьям 14.1.1.и 14.1. ч.1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, из них в отношении физических лиц – 928, должностных лиц – 30, юридических лиц – 25. Наложено штрафов на общую сумму свыше 7 миллионов рублей.

Всего за 12 месяцев изъято 22440 единиц игрового оборудования.

В ходе проводимых мероприятий по пресечению незаконной игорной деятельности возбуждено 3 уголовных дела, два из которых направлены в суд, по одному – ведется расследование.

За 12 месяцев 2014 года окончено расследованием 552 преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, за совершение которых к уголовной ответственности привлечено 528 человек. Еще 853 человека привлечены к административной ответственности. Из незаконного оборота изъято более 80 килограмм наркосредств, большую часть которых составляют синтетические наркотики. Перекрыто 13 каналов их поставки, 1 из которых – международный (из Китая).

Организация эффективной работы по противодействию экстремизму и терроризму, своевременному предупреждению, выявлению и пресечению преступлений данной категории, перекрытию каналов финансирования экстремистских и террористических организаций по-прежнему остается в числе приоритетных задач Управления МВД России по г.Казани.

За 12 месяцев возбуждены уголовные дела по 13 преступлениям экстремисткой направленности, в том числе по фактам возбуждения ненависти либо вражды по признакам расы и национальности – 11.

К административной ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций привлечено 3 человека. По материалам, собранным сотрудниками полиции, прокуратурой г.Казани вынесено 20 предостережений.

В рамках месячника «Экстремизму-Нет!» в сентябре 2014 года проведены лекции по линии противодействия молодежному экстремизму в 9 учебных заведениях г.Казани.

На постоянной основе осуществляется мониторинг оперативной обстановки в городе по линии экстремизма, ситуации, складывающейся в среде национальных общин и диаспор.

За 12 месяцев 2014 года сотрудниками Управления МВД России по г.Казани совместно с сотрудниками УФМС РФ по РТ были проведены 3 оперативно-профилактические операции по проверке соблюдения миграционного законодательства и законности пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан: первая – в период с 15 по 25 января, вторая – с 12 по 30 мая, и третья, поделенная на два этапа, с 20 по 29 октября и с 19 по 28 ноября. В рамках проведенных мероприятий составлено 1752 административных протокола за нарушение законодательства в сфере миграции.

Одним из основных направлений деятельности полиции является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

За истекший период в г.Казани проведено значительное количество культурно-массовых и общественно-политических мероприятий.

Для улучшения оперативной обстановки в общественных местах и на улицах ежедекадно проводится анализ, на основе которого выявляются наиболее криминогенные участки территории города. Проведенные мероприятия способствовали снижению числа преступлений, совершенных в общественных местах и на улицах города.

За прошедший период зарегистрировано 9789 преступлений, совершенных в общественных местах г.Казани, что на 0,6% меньше АППГ (9844). Снизилось количество таких видов преступлений как: убийств – на 10,5%, с 19 до 17 фактов; УПТВЗ – на 1,1%, с 91 до 90; разбоев – на 9,2%, со 109 до 99; грабежей – на 3,6%, с 525 до 506; хулиганств – на 19,1%, с 47 до 38; краж – на 1,4%, с 5594 до 5516.

Процент расследованных преступлений данной категории составил 31,1%, что на 0,3% выше прошлогоднего показателя (30,8%).

Зарегистрировано 4996 уличных преступлений, что на 896 или 15,2% меньше, чем за 12 месяцев 2013 года (5892). Снизилось количество совершенных на улицах города следующих видов преступлений: убийства – на 25%, с 16 до 12 фактов; УПТВЗ – на 8,6%, с 81 до 74; разбои – на 23,2%, с 82 до 63; грабежи – на 19,5%, с 447 до 360; хулиганства – на 24,4%, с 41 до 31; кражи – на 11,6%, с 2842 до 2511; мошенничества – на 11,7%, с 317 до 280.

Процент расследованных преступлений, совершенных на улицах города, составил 29,1%, что превышает показатель 2013 года – 28,8%, в том числе тяжких и особо тяжких – 50%.

В сфере особого внимания полиции профилактика правонарушений среди несовершеннолетних и оказание помощи детям, находящимся в сложной жизненной ситуации.

Основной упор делается на выявление неблагополучных семей и работу с детьми, склонными к девиантному поведению.

Только в текущем году поставлены на учет 1315 подростков, совершивших преступления и административные правонарушения. Всего на учете состоят 1364 подростка.

Совместно с педагогическими коллективами и социальными службами сотрудники полиции проводят работу по выявлению неблагополучных семей и осуществляют комплекс профилактических мероприятий. В этом году на учет поставлено 1079 неблагополучных семей, а всего их насчитывается – 1391.

За истекший период подростками совершено 338 преступлений, на 23,5% меньше, чем в прошлом году (442). Удельный вес преступности несовершеннолетних также снизился по сравнению с прошлым годом с 6,4% до 4,9%.

В течение года Управлением МВД России по г.Казани во исполнение Закона Республики Татарстан от 04.10.2010 №71 «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в РТ» инициировано 624 рейда, в ходе которого в запрещенных законом местах выявлено 1332 подростка. К административной ответственности привлечено 1325 родителей, а также лиц, их заменяющих, и 9 должностных лиц.

В целях профилактики детской безнадзорности и беспризорности за 12 месяцев 2014 года проведено 458 рейдов. В результате с улиц города были доставлены 700 несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, из них: безнадзорных – 684, беспризорных – 12, попрошаек – 4, которые были помещены в республиканские приюты и больницы (рисунок 2).

Рис. 2

За последние 5 лет произошло значительное снижение количества преступлений, совершенных ранее судимыми лицами (рисунок 3).

Рис. 3

Одной из причин совершения преступлений в ряде случаев является употребление спиртных напитков.

По сравнению с прошлым годом количество преступлений, совершенных лицами, находящимися в нетрезвом состоянии, увеличилось на 18% (с 1675 до 1977).

В целях соблюдения законодательства в сфере оборота и потребления алкогольной продукции сотрудниками полиции с начала года инициированы 942 проверки различных питейных заведений[1].

С учетом складывающейся экономической ситуации самое пристальное внимание уделено выявлению преступлений, связанных с расходованием бюджетных средств, в том числе выделяемых на реализацию национальных проектов.

Список литературы

1. Официальный портал мэрии Казани [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kzn.ru/

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА КАЗАНИ

Димухамедов И.К.
магистрант специальности «Государственное и муниципальное управление»,
Казанский национально-исследовательский технологический университет,
Россия, г. Казань

В статье рассмотрена транспортная инфраструктура муниципального образования и её роль в социально-экономическом развитии данного региона.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, муниципальное образование, автоматизированная система управления транспортом, безопасность дорожного движения, информационные табло.

В предыдущие годы в рамках подготовки к проведению Универсиады-2013 проделана большая работа по развитию транспортной инфраструктуры. В 2014 году особое внимание уделялось повышению качества транспортного обслуживания населения г. Казани и повышению безопасности пассажирских перевозок.

На сегодня жители г. Казани обслуживаются 4 видами внутригородского пассажирского транспорта: автобусами, трамваями, троллейбусами и метро.

Транспортная сеть состоит из 62 автобусных маршрутов, на которых эксплуатируются 806 единиц подвижного состава, 11 специальных (сезонных) автобусных маршрутов на 36 единиц, 11 троллейбусных маршрутов на 159 троллейбусов и 6 трамвайных маршрутов на 79 трамваев. В г. Казани функционирует одна линия метрополитена, состоящая из 10 станций.

Всего в 2014 году городским пассажирским транспортом перевезено 256,2 млн. пассажиров, что на 1% меньше, чем в 2013 году (рис. 1).

В г. Казани из 321 тыс. граждан льготных категорий более 280 тыс. получили льготные транспортные карты. Ежемесячно пополняется около 130 тыс. льготных транспортных карт, совершается более 7 млн. поездок.

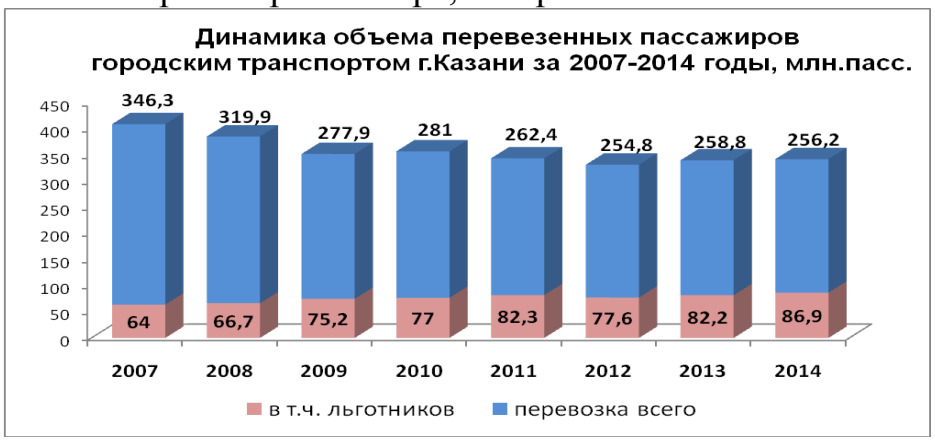

Рис. 1

Автобусы. Наибольший объем перевозок осуществлялся автобусами – 73,5% (более 188 млн. пассажиров). На долю муниципальных унитарных предприятий приходится 65,1% объема автобусных перевозок. Самым крупным перевозчиком в г. Казани является МУП «ПАТП-2», которое осуществляет около 26,8% всех пассажирских перевозок в городе (рис. 2).

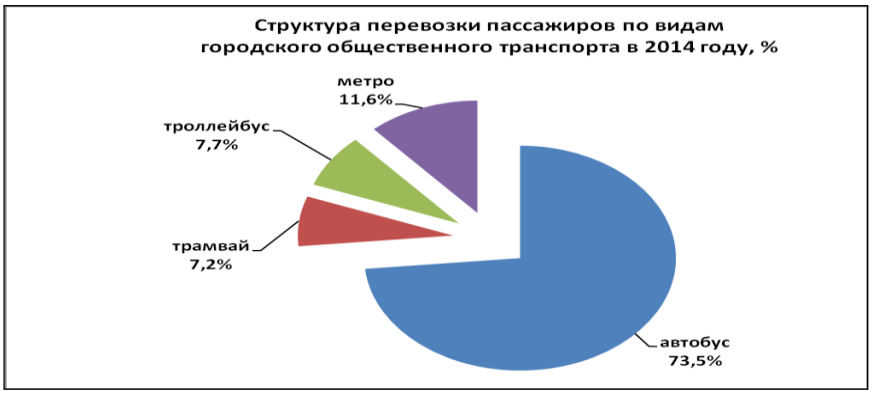

Рис. 2

Сегодня на городских автобусных маршрутах используются комфортабельные низкопольные автобусы единого красного цвета, которые соответствуют передовым стандартам качества, с двигателем экологического стандарта не ниже «Евро-3», «Евро-4», оснащенные пандусами и аппарелями для лиц с ограниченными возможностями.

Возраст эксплуатируемого в городе автобусного парка не превышает 5 лет. Всего приобретено 524 автобуса, в том числе 190 автобусов большой вместимости марки НефАЗ, 265 автобусов большой и средней вместимости марки МАЗ и 69 автобусов малой вместимости марки ПАЗ.

На сегодня Казань – единственный город в России, в котором около 95% парка автобусов низкопольные, обеспечивающие транспортную доступность и комфорт пожилым людям и лицам с ограниченными возможностями.

В соответствии с Государственной программой Республики Татарстан «Развитие рынка газомоторного топлива в Республике Татарстан на 2013 –

2023 годы», утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 26.04.2013 №283, дальнейшее обновление в течение 3-4 последующих лет (по мере износа подвижного состава) планируется осуществлять с заменой на автобусы на газомоторном топливе.

Городской электрический транспорт. Городским электрическим транспортом перевезено около 68 млн. пассажиров, или 26,5% от общего объема перевозок.

Трамваи. Трамваями перевезено 18,4 млн. пассажиров, или 7,2% от общего объема перевозок.

В 2014 году в г. Казань поступили 10 новых усовершенствованных односекционных трамваев, имеющих просторный салон, откидную аппарель для инвалидов, удобное место для водителя.

С учетом обновления подвижного состава в 2014 году 37% трамваев в г. Казани – низкопольные.

К текущему году реконструированы трамвайные пути и контактные сети протяженностью 7 км.

Троллейбусами перевезено 19,8 млн. пассажиров, или 7,7% от общего объема перевозок.

В 2014 году приобретено 12 новых троллейбусов, имеющих откидную аппарель для инвалидов.

С учетом обновления подвижного состава в 2014 году 55% троллейбусов – низкопольные.

Метро. Метрополитен г. Казани – это одна линия на 10 станций, на которой эксплуатируются 14 поездов на 47 вагонов.

Для повышения качества обслуживания до 24.00 продлена работа Казанского метрополитена. Также до 23.30 продлена работа одного трамвайного маршрута и трех троллейбусных маршрутов. Они охватывают значительную часть территории города.

Что касается автобусов, то в полном объеме все маршруты и подвижной состав работают до 20.00. С 20.00 до 22.00 часов идет постепенное уменьшение их количества с увеличением интервалов движения. Затем до 23.00 на 33 наиболее популярных маршрутах продолжают работать 96 автобусов. Несмотря на низкий пассажиропоток, соблюдение этого режима жестко контролируется через систему спутниковой навигации.

Автоматизированная система управления транспортом (АСУ-Т).

На сегодня весь подвижной состав городского пассажирского транспорта работает в автоматизированной системе диспетчерского управления, которая представляет перевозчику данные, позволяющие контролировать выполнение рейсов, их регулярность и скоростной режим. В 2014 году к данной системе подключен весь троллейбусный парк.

Для повышения качества обслуживания в рамках АСУ-Т на всем подвижном составе осуществляется информирование пассажиров на трех языках (татарском, русском и английском) посредством автоинформаторов в автономном режиме, без участия водителя.

Информационные табло. В целях повышении комфортности общественного транспорта в 2014 году на крупных пассажирообразующих пунктах установлены 195 электронных табло, в том числе 47 – на всех остановках одного трамвайного маршрута. В рамках реализации Республиканской программы «Доступная среда» установлены 26 табло с кнопочным вызовом. Кроме того, в автобусах функционируют 152 системы звукового информирования слабовидящих людей. Также в городе запущена интернет-программа «Яндекс Транспорт», на которой отображается движение любого автобуса и троллейбуса.

АСУДД. Благодаря внедрению автоматизированной системы управления дорожным движением (АСУДД) с применением адаптивных методов управления решается задача обеспечения приоритетного пропуска городского общественного транспорта. В адаптивном режиме работает 87 перекрестков.

В целях повышения безопасности дорожного движения в г. Казани в 2014 году установлено 5187 дорожных знаков (из них 2083 знаков пешеходного перехода) и 22 светофора.

С целью фиксации дорожно-транспортной обстановки весь подвижной состав пассажирских автотранспортных предприятий и организаций, осуществляющих пассажирские перевозки в г. Казани, оборудован видеорегистраторами. Также видеорегистраторами оснащены 208 троллейбусов и 107 трамваев. Установка видеорегистраторов позволила сократить количество дорожно-транспортных происшествий по вине водителей пассажирского транспорта.

Серьезным направлением по улучшению движения на улично-дорожной сети является разработка Комплексной схемы организации дорожного движения г. Казани, которая выполняется в рамках реализации проекта «Сокращение выбросов парниковых газов от автомобильного транспорта в городах России» совместно с Программой развития Организации Объединенных Наций [1].

Задачи на 2015 год.

Основное внимание уделяется повышению качества и культуры обслуживания населения. Для этого в 2015 году предусматривается решение следующих основных задач:

1. Завершение разработки Комплексной схемы организации дорожного движения г. Казани;

2. организация единого парковочного пространства;

3. приобретение подвижного состава;

4. развитие системы информирования населения о работе городского пассажирского транспорта на базе АСУ-Т;

5. увеличение количества маршрутов, функционирующих в АСУДД;

6. организация безопасности дорожного движения.

Список литературы

1. Официальный портал мэрии Казани [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kzn.ru/

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНКОФОНИЯ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА[1]

Налетова Д.В.
аспирант, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Окатов А.В.
доцент кафедры теоретической и прикладной социологии,
канд. социол. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Гражданское общество – показатель стабильности и уверенности в будущем любой развитой страны и любого активного общества. В современных условиях гражданское общество – это составляющая часть не только одной страны, но и всего глобального мира, а также культурно-лингвистического пространства. В статье рассмотрено франкофонное пространство как элемент современного гражданского общества, история его развития и взаимовлияния.

Ключевые слова: гражданское общество, международная организация Франкофония, неправительственные организации, глобализация.

Современные международные организации – один из элементов мирового гражданского общества. Рассмотрим процесс развития гражданского общества на франкофонном пространстве через призму зарождения франкофонии, в частности международной организации «Франкофония» (далее – МОФ). МОФ является неотъемлемой частью современной системы международных отношений. Она помогает развитию интеграционных процессов как между франкоговорящими государствами и правительствами, так и странами, которые не используют французский язык как государственный или родной, но которые связаны с франкофонами долгой историей сотрудничества, партнерства и дружбы.

В наши дни МОФ – это политическое объединение 80 государств мира, которое способствует развитию и укреплению многосторонних отношений между правительствами в политической, экономической, социальной и культурной сферах, в частности, созданию и укреплению демократии, предотвращению, регулированию и разрешению конфликтов, а также интенсификации диалога между культурами и цивилизациями [5]. Сегодня мы можем наблюдать за процессом становления ее новых идеалов, характерных для мира, который существует в эпоху глобализации [7].

Как международный институт, МОФ относится к новой категории акторов на международной арене, которые, например, Ж. Розно характеризует таким термином, как «акторы вне суверенитета» [6]. Одновременно такие ак-

[1] Исследование осуществлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации. Грант № МК-6359.2015.6, проект «Современное гражданское общество сквозь призму классических социологический теорий», 2015 год.

торы обладают реальной властью и мнением, к которому прислушиваются. Они способствуют появлению новых критериев политической легитимности в мировой политике, таких как эффективность политических действий, их результативность, а также моральных ценностей, которые являются стержнем идеологии МОФ, которая признает влияние на государства извне лишь «мягкой силой» [4].

Понятие «франкофония» возникло в 1880 г., после выхода в свет книги Онезима Реклю «Франция, Алжир и колонии». Автор, заинтересованный темой французской колониальной экспансии, приветствовал колониальную деятельность Франции и особенно подчеркивал роль лингвистического фактора в этом процессе [10]. Именно поэтому он ввел в оборот неологизм «франкофония», чтобы описать культурные и языковые сообщества, в число которых как раз и входили Франция и ее колонии [2].

Уже с конца XIX в. движение «франкофонии» предпринимало немалое количество попыток для создания единой организованной системы по продвижению и реализации своей задачи. Одновременно происходило развитие гражданского общества на франкофонном пространстве, начало которому было положено еще в годы Французской буржуазной революции. Теперь же данное явление распространялось и на другие франкоязычные территории, в особенности страны Африканского континента и Северной Америки, в частности, на территории французской Канады.

Начиная с 1883 г. была создана сеть французских альянсов (Национальная ассоциация для пропаганды французского языка в колониях и за границей во главе с французским дипломатом Полем Камбон), которая распространила свое влияние на все континенты, образовав к XX в. более 1200 союзов [2]. Так, например, в 1906 г. была создана Международная федерация в защиту культуры и распространения французского языка, а в 1937 г. была учреждена другая неправительственная организация, Международная ассоциация франкоязычных писателей. Но до середины XX в. утверждению альянса как сильного защитника и проповедника французского языка и культуры препятствовали различные внешние факторы, прежде всего, Первая и Вторая мировые войны [1].

Только после проведения Ялтинской конференции и подписания договора с Японией стало возможным продолжать реализацию создания единой организации франкоговорящих государств. Поэтому реальной традиционной ячейкой франкофонной международной структуры многие историки и политологи считают Международную ассоциацию франкоязычных журналистов и прессы (AIJPLF), созданную в 1950 г. в г. Лимож, во Франции [10]. Объединение представляло собой совершенно новое общественное объединение, вышедшее на уровень международного представительства.

Усиление роли гражданского общества способствовало быстрому развитию мировой системы франкофонии. В 1954 г. канадскими франкофонами был учрежден Союз французской культуры, в 1955 г. – Сообщество государственных радиостанций на французском языке, переименованное в 1978 г. в Международный совет радио- и телевещания. В 1961 г. был основан Между-

народный институт по защите прав французского языка, в 1967 г. в Люксембурге учредили Международную ассамблею франкоязычных парламентариев, а в 1969 г. – Международную федерацию французских учителей.

Как мы видим, основной упор делался именно на неправительственные организации, призванные повысить главные показатели жизнедеятельности демократических государств: уровень жизни населения, уровень культуры и грамотности, уровень развития и должного функционирования основных институтов гражданского общества.

В 1961 г. в Монреале была создана ассоциация университетов, использующих французский язык (AUPELF), которая существует и поныне, являясь одним из основных институтов МОФ. Сегодня это учреждение именуется Университетским Агентством Франкофонии (AUF). Его работа ведется согласно 5 научным программам, включающих сотрудничество с другими языками мира, поддержку языковых центров, содействие в создании правового государства и демократии, поддержание научных лабораторий и новых технологий в области образования, а также адаптацию обучения и научных исследований к потребностям страны [3].

Как выразился в своем недавнем выступлении ректор Университетского Агентства Франкофонии, Б. Секилини: «УАФ – это, прежде всего, инструмент обмена и солидарности, который совместно с Институтом дистанционного инженерного образования, основанного в 2012 г., призван развивать общественное мышление, чтобы оно, в свою очередь, определяло на долгие годы политику нашего агентства и Франкофонии в целом» [8].

Конечно, одновременно развивались и объединения, носящие политический характер. Например, самая старая межправительственная организация франкофонии, Конференция министров национального образования франкоязычных государств, появилась еще в 1960 г. [9].

И все же мы можем с уверенностью утверждать, что первоначально сама по себе идея франкофонии должна была быть свободной от влияния со стороны государства, так как она была призвана решать в первую очередь социально-культурные проблемы нового франкоязычного гражданского общества. Именно поэтому многие страны-участницы организации, в том числе и Франция, всеми средствами пытались оттянуть момент создания политической организации под названием «Международная организация Франкофония», боясь обвинений в неоколониализме и гегемонизме.

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что и сегодня, являясь межправительственным политическим актором современного глобального мира, Франкофония остается сильным защитником и проводником гражданского общества. Наряду с четко-организованной политической структурой (Конференция глав государств и правительств франкоязычных стран, Конференция министров Франкофонии, Постоянный Совет Франкофонии и др.) до сих пор живы и автономно действуют неправительственные органы МОФ (например, международный канал TV5, Университет Сенгора), которые и сегодня являются неоспоримым символом развития и сохранения гражданского франкоязычного общества.

Список литературы

1. Deniau X. La francophonie [Текст]. – Paris, 1992.
2. Francophonie et les relations internarionales // l'Agence universitaire de la Francophonie [Текст]. – Paris, 2009
3. Le Marchand V. La francophonie [Текст]. – Toulouse, 2006.
4. Massart-Piérard F. La Francophonie, un nouvel intervenant sur la scène internationale [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cairn.info/revue-internationale-de-politique-comparee-2007-1-page-69.htm#no5
5. Qui sommes-nous? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.francophonie.org/Qui-sommes-nous.html
6. Rosenau J. N. Turbulence in World Politics : A Theory of change and Continuity [Текст]. – New York / London, Princeton University Press, 1990.
7. Wolton D. L'identité francophone dans la mondialisation [Текст]. Paris, 2006.
8. Выступление Б. Секилини, Тунис, 30 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ific.auf.org/article40.html
9. Косенко С.И. Политика и система франкофонии в эпоху глобализации // Вестник МГИМО университета [Текст]. – 2011. – №2.
10. Чернов И.В. Международная организация Франкофония: лингвистическое измерение мировой политики [Текст]. – СПб., 2006.

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА – АКТУАЛЬНАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Перевозчикова Л.С.
заведующая кафедрой философии, социологии и истории, доктор философских наук, доцент, Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Воронеж

Радугин А.А.
профессор кафедры философии, социологии и истории, доктор философских наук, профессор, Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Воронеж

В статье, с социально-философских позиций, рассматривается фундаментальная особенность информационного общества – информация, анализируется на какой же основе формируются в информационном обществе сетевые сообщества, каковы их отличительные особенности и предлагается авторская дефиниция данного вида социальности.

Ключевые слова: информация, информационное общество, интерфейсы, коммуникации, сеть, сетевые сообщества, социальность, ценности, смыслы.

В современной постмодерновой цивилизации, по сравнению с премодерновой и модерновой, существенным образом изменился характер общения и социального взаимодействия. Значительную роль в этом общении и взаимодействии играет техника: компьютеры, «мобильники» и т.д. Технически опосредованное общение является как средством межличностного общения («один другому»), так и формой массовой коммуникации («один многим»), и, даже, «многие многим». На основе этого общения в различных сфе-

рах общественной жизни формируются сетевые сообщества. Сетевые сообщества являются новой, наиболее динамичной формой социальности, формирующееся в информационном обществе и оказывающем значительное влияние на различные сферы его функционирования. На какой же основе формируются в информационном обществе сетевые сообщества, и каковы их отличительные особенности? Для ответа на эти вопросы, прежде всего, необходимо прояснить, в чем состоит особенность информационного общества.

«Информационное общество» в гуманитарной литературе характеризуют как современную стадию развития общества. С точки зрения К. Комара, «информационное общество» можно рассматривать как эволюционное продолжение индустриального общества, в котором наиболее быстрыми темпами растут секторы, связанные с созданием и потреблением информации [2, с. 47]. Информация является главным продуктом, основным товаром и высшей ценностью культуры данного общества. Смысловая емкость понятия «информация» многозначна и многофункциональна и позволяет успешно истолковывать различные феномены. Информация функционирует как сообщение, как среда, и как важнейший и неисчерпаемый вид сырья. В современном мире сформировалась индустрия производства разнообразного информационного содержания. Информационные технологии играют существенную роль в функционировании мировых рынков капитала и труда, науки и образования. В современном мире формируется глобальная информационная инфраструктура, в которой обмен информацией вообще не имеет каких-либо границ. На основе всего вышесказанного информация признается важнейшим стратегическим ресурсом общества. Информация обеспечивает связь разных уровней и ракурсов общественного взаимодействия и коммуникаций, обеспечивая становление нового типа социальности.

С социально-философских позиций, информационное общество – это, прежде всего, общество с развитой технически и технологически опосредованной коммуникацией. Исследователи отмечают, что одной из фундаментальных характеристик информационного общества является активное внедрение технически и технологически опосредованной социальной коммуникации, которое, дополняя общее пространство коммуникации новыми возможностями, вводит также и новые факторы, оказывающие влияние на становление нового типа социальности. Характеризуя особенность данного феномена, американский социолог М. Кастельс писал: «…особенность технологически опосредованной коммуникации состоит в создании и поддержании сообществ большого масштаба, в которых недостаток физического присутствия означает, что рамки сообщества формируются не столько между людьми, которые взаимодействуют рутинно и напрямую, но, скорее, между людьми, которые идентифицируются с общим символическим порядком, элементы которого передаются участникам через технологии массовой коммуникации» [1, с.130-131]. Этот «общий символический порядок», передаваемый через технологическое посредничество массовых коммуникаций, представляет собой, в том или ином варианте, «интерфейс», пользовательскую среду, сопрягающую участников коммуникации через технологические возможности

конкретного проекта, будь-то социальные сети, системы автоматизированного обслуживания, информационно-технологическое обеспечение производственной и коммерческой деятельности. В этом процессе социальной коммуникации одним из ключевых обстоятельств является то, что технология и техника как ее конкретное выражение, становясь посредником в тех социальных процессах, которые раньше предполагали участие людей, встраиваются в цепочки социального. Однако техника не остается простым посредником в социальных взаимодействиях. Можно сделать предположение о том, что формируя структуру и качество этих взаимодействий, весь комплекс технических посредников порождает «технологическую и техническую социальность», представляющую собой системное свойство группы людей, проявление которого достигается не через органическое структурирование информационных потоков внутри данной группы ее участниками, а через готовые технологические решения, заранее заданные интерфейсами. Таким образом, структура социальной коммуникации становится обусловленной той или иной информационной технологией, воплощенной в тех или иных технических средствах. Отмечая данную особенность типа социальности в информационном обществе, отечественный исследователь данной проблемы Н.С. Рыбаков, подчеркивал, что «информационное общество по типу социальности оказывается продолжением вещной зависимости со всеми вытекающими отсюда последствиями, но с одним важным отличием: посредником в отношениях между субъектами здесь становится не вещь, а информация. Для этого общества характерны отношения информационной зависимости. Сохраняя формальную структуру отношений вещной зависимости, они оказываются принципиально отличными от них, чувственно-сверхчувственная вещь впрямую замещается идеально-семантическим феноменом, который принципиально недоступен чувственному восприятию. Субстанция этих отношений радикально иная по своей природе» [3, с. 524-525].

Данные особенности информационного общества позволяют конструировать Сеть как измерение социальной реальности. Базовой структурной особенностью Сети как измерения социальной реальности является ее строение, которое включает в себя узлы, связи, сетевое ядро. При этом любому из узлов сети может быть назначена роль сетевого ядра, что может сближать сеть, основанную на параллельных связях узлов с иерархической структурой традиционного типа, в которой структурообразующие связи являются, по большей части, последовательными и вертикальными. Однако ключевой характеристикой Сети является именно отсутствие единого, раз и навсегда заданного ядра, что делает сетевую структуру гораздо более устойчивой и способной к продолжению функционирования даже после утраты большого количества своих элементов, которыми являются связи и узлы. Другие связи и другие узлы берут на себя функции утраченных, и сетевая структура остается в стабильном состоянии. При этом, Сеть как измерение социальной реальности гораздо шире, чем определенным образом организованная совокупность индивидов и личностей. Иными словам, в информационном обществе формируется новый тип социальной коммуникации, основанный на сетевом

принципе. Этот тип коммуникации порождает новый паттерн социальности, основанный на индивидуализме. Суть «сетевого индивидуализма» состоит в том, что формируется сложно структурированная совокупность сообществ построенных на сетевом принципе и состоящих из относительно автономных индивидов. В отличие от предшествующей модели социальности, имевшей централизованную иерархическую структуру, сетевой принцип организации подразумевает не последовательную соподчиненность звеньев социальной иерархии, восходящую к высшей инстанции, а параллельную включенность составляющих сети в процессы, сосредоточенные вокруг определенного сетевого ядра, которое может, в свою очередь, являться узлом сети более крупного масштаба. Этот принцип воплощается во всех сферах функционирования информационного общества – от экономических, политических, духовных процессов и до повседневного общения.

В заключении уточним, что мы понимаем под термином «сетевое сообщество» и каковы основания для его формирования. В социологии термин «сообщество» используется для обозначения группы людей, которые участвуют в социальном взаимодействии и общении между собой и другими членами группы в одном пространственно временном промежутке.

С точки зрения социальной философии, в основе формирования сетевых сообществ лежат ценности и смыслы. Ценности формируются в субъектно-объектных отношениях, они выражает смысловую позитивную значимость объекта для субъективного бытия. Причем объект может находиться в пространстве природного мира, мира культуры, или в виде различных форм внеприродного, иллюзорного, создаваемого фантазией бытия. Таким образом, в ценностях наиболее важным, существенным является отношение значимости.

Ценности выступают важным связующим звеном между обществом и внутренним миром личности. На основе базовых ценностей формируются культурные смыслы. Смысл соотносит любое явление, любой предмет с человеком: если нечто лишено смысла, оно перестает существовать для человека. С точки зрения психологии, осмысленная ценность приобретает для человека значимость личностного смысла. В современной психологии и этике широко оперируют понятием «личностные ценности». Личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект самоопределился. Конструктивная роль личностных ценностей наиболее явно выступает при интерпретации «моральных решений» и процессов личностной регуляции принятия решений (интеллектуальных, поведенческих и т.д.). В них субъект реализуется на уровне целостного Я, предполагающего сознательный и ответственный выбор не только в плане внешне заданных альтернатив, но и в плане достигнутого потенциала саморегуляции, как внутренней динамики движения мотивов, целей и смыслов. Личностные ценности являются специфической формой функционирования смысловых образований в личностных структурах. На основе вышеизложенного мы предлагаем следующее определение: сетевое сообщество – форма социальности информационного

общества, формирующаяся в виртуальном пространстве в результате коммуникационных процессов на базе общности смыслов и ценностей.

Список литературы

1. Кастельс, М. Интернет Галактика: размышления об Интернете, бизнесе и обществе [Текст] / М. Кастельс. – Оксфорд : Оксфорд Юниверсити Пресс. – 2001. – 304 с.

2. Комар, К. От постиндустриального к постмодернистскому обществу [Текст] / К. Комар. – Оксфорд : Блэквелл Паблишинг, 2005. – 289 с.

3. Рыбаков, Н.С. Трансформация социального // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции [Текст] / науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 524-525.

СТАНОВЛЕНИЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Позднякова Е.М.
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье анализируются специфика функционировании российских НКО, доказывается, что их проблемы во многом закономерны и естественны для становления данного социального института не только в России, но и в мире.

Ключевые слова: общество, НКО (некоммерческие организации), российское общество, некоммерческий сектор.

Конец 20-начало 21 века для России является периодом кардинальных перемен, затронувших большинство сфер жизнедеятельности общества. Существующие на тот момент институты социальной поддержки были не способны работать в сложившихся условиях, так как были основаны на идеологии. В результате чего увеличилось число некоммерческих организаций. Определение понятия некоммерческой организации дается в ст.2 ФЗ «О некоммерческих организациях» – некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками.

Появление сектора некоммерческих организаций раскрывается в качестве институционального выражения новых видов общественно-значимой деятельности. Обладая изначально неэкономическим характером устремлений человека, реализуемых в различных видах целенаправленной деятельности, некоммерческие организации удовлетворяют объективные потребности социума в конкретных видах как социальной, так и экономической активности, способствуя построению гражданского общества, социальной защите населения, а также устойчивому развитию российской экономики в целом [1, С. 39].

Законодательство о некоммерческих организациях в Российской Федерации начало складываться как система лишь в 1990-х годах. С принятием части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, вступившего в силу

1 января 1995 года, нормы о некоммерческих организациях были сведены в единый раздел «Некоммерческие организации» (глава 4, статьи 116-123), где представлен перечень видов некоммерческих организаций, в том числе тех, которые могут заниматься благотворительностью; туда же включены основные характеристики гражданско-правового статуса разных видов НКО, порядок получения и использования ими имущества и прочие нормы. Помимо этого, к основополагающим в этой сфере нормативно-правовым актам, следует отнести – федеральные законы от 19.05.1995 г. №82-ФЗ «Об общественных объединениях и от 12.01.1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Отражая развитие некоммерческого сектора, в последние годы был принят целый ряд дополнительных федеральных законов, развивающих базовое законодательство и регламентирующих деятельность различных видов НКО, –такие, как законы «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О потребительской кооперации(потребительских обществах и союзах) в Российской Федерации» и другие [2, С. 47-49].

Третий сектор обладает серьезным экономическим потенциалом. Некоммерческие организации активно работают в области социальной защиты населения, в сфере науки и образования, культуры и искусства и других. Однако необходимо отметить, что деятельность некоммерческого сектора в современной России имеет ряд существенных особенностей по сравнению с деятельностью некоммерческих организаций в развитых странах Запада и с деятельностью некоммерческих организаций в дореволюционной России.

Во-первых, если в развитых странах Запада некоммерческий сектор возник в рамках социализации рыночной экономики, то в России становление некоммерческого сектора в значительной степени связано с разгосударствлением государственного сектора, что предопределяет наличие значительного числа государственных некоммерческих организаций, активно лоббирующих свои интересы в конкурентной борьбе с негосударственными за потребителей и государственные финансовые ресурсы.

Во-вторых, некоммерческая, и в том числе, благотворительная деятельность в нашей стране более многообъектна и значительно более четко выражена ее социальная направленность. В дореволюционный период благотворительная активность в области социальной защиты была менее значительной по сравнению с меценатством в сфере театра, музыки, живописи.

В-третьих, среди источников некоммерческой деятельности в России преимущественные позиции занимают не столько добровольные пожертвования и государственная финансовая помощь, сколько доходы от собственной коммерческой деятельности. Такое положение дел обусловлено, с одной стороны, общемировыми тенденциями развития третьего сектора, а с другой – специфическими условиями России – частная благотворительность не носит массового характера, а соответствующая правовая и финансовая поддержка со стороны государства также явно недостаточна, в следствии чего

собственная коммерческая деятельность становится важнейшим источником финансирования уставных задач некоммерческой организации.

Четвертая особенность заключается в том, что уровень государственной поддержки некоммерческого сектора в нашей стране значительно ниже, чем тот, который в целом характерен для Западной Европы и США на современном этапе экономического развития.

Пятой особенностью является разобщенность некоммерческих организаций, слабая взаимосвязь и сотрудничество между ними, неразвитость взаимной информации, полезной для получения поддержки со стороны общественного мнения. Необходимо развивать сотрудничество на основе полного равноправия, взаимного уважения интересов, свободного выбора решений и действий.

Недостаточный уровень поддержки третьего сектора со стороны государственного и коммерческого секторов экономики затрудняет процесс развития некоммерческого сектора в России, а также существенно сокращает возможность использования преимуществ некоммерческого механизма хозяйствования в целях развития национальной экономики в целом и отраслей социальной сферы в частности [3, с. 155].

Опыт функционирование некоммерческих организаций в странах Запада и России позволяет доказать, что демократические принципы социально-политического управления в обществе обеспечивают наиболее благоприятные условия функционирования третьего сектора экономики, являются оптимальной формой его саморазвития. При этом конкурентная рыночная среда в гармонии с компетентным государственным управлением не только не препятствует, но создает оптимальные условия для реализации некоммерческой инициативы. Свобода для предпринимательской и некоммерческой деятельности в рамках правого поля позволяет осуществлять отбор экономически и социально эффективных видов и форм деятельности, жизненно необходимых для обеспечения прогрессивного развития общества в условиях новой цивилизационной парадигмы, ориентирующей не только на расширение свободы выбора индивида, но и на обеспечение материальных и общественных условий такой свободы.

Несмотря на сложившиеся условия можно выявить ряд слабых мест, делающих сектор уязвимым. Во-первых, проявляется тенденция организаций некоммерческого сектора и ее доноров направлять свои усилия на удовлетворение нужд небольших групп населения. Во-вторых, некоммерческий сектор ограничен в возможности накапливать солидные финансовые ресурсы, необходимые для производства и распределения общественных благ и услуг. В-третьих, некоммерческие организации не имеют возможности привлекать к своей миссии профессиональный персонал, они могут надеяться только на то, что специалисты высокого класса, разделяя ценности организации, будут согласны работать только на некоммерческой основе. В-четвертых, незначительные финансовые ресурсы организации, принципиальная независимость от государства и бизнеса делает некоммерческую организацию малопривлекательной для общественности и граждан. Компенсация

данного недостатка порой подталкивает организацию к совершению уступок в отношении власти и предпринимательства, что лишает ее автономии и потере самого духа миссии.

Указанное позволяет сделать вывод об объективной необходимости сотрудничества НКО с бизнесом и государством для достижения максимально эффективных результатов при совместной деятельности в социально-значимых областях. Интеграция преимуществ каждого сектора, как с позиции аккумулирования ресурсов, так и с позиции установления демократических ценностей, ведет к многократному возрастанию экономического и социального эффектов.

Таким образом, взаимоотношения некоммерческого сектора с государственным должны строиться на основе принципа социального партнерства, который предполагает выполнение третьим сектором обязательств перед государством и обществом в целом в обмен на их поддержку.

Процесс становления системы некоммерческих организаций в России требует времени. В настоящее время мы не можем констатировать факт наличия сложившейся системы некоммерческих организаций. Это связано как с временным фактором, так и с историческим, который заключается в отсутствии навыка создания такого рода организаций. Основное большинство организаций находятся на стадии формирования как организационно-управленческого механизма, так и системы финансирования. Причём последнее является для них первоочередной задачей, на решение которой и направлены основные усилия и ресурсы, к сожалению, за счёт снижения интенсивности в работе, направленной на достижение заявленных целей.

Прогнозируя тенденции развития некоммерческих организаций, отметим, что некоммерческие организации отражают интересы всех социальных групп, в том числе тех социальных групп, которые нуждаются в помощи со стороны общественности и государства.

По нашему мнению на данный момент основной проблемой НКО действующих на территории РФ, является недостаточная степень развития. Но, опираясь на мировой опыт, можно говорить о том, что организации некоммерческого характера проходили эту стадию практически во всех странах.

Список литературы

1. Гражданское общество в современной России. М., 2006. –С. 39.
2. Резник, Ю.М. Гражданское общество как идея [Текст] / Резник Ю.М. // Социально-гуманитарные знания. – 2002 – №4.– С. 47–49.
3. Гаврилова, Н.М. Становление и развитие некоммерческого сектора в переходной экономике России: Анализ опыта отечественного и зарубежного опыта [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / Н.М. Гаврилова./ – И.А. Авдеева. – Москва, 1998. – 155 с.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИО-ПРИРОДНОЙ СИСТЕМЫ И ВЫСТРАИВАНИЯ ТИПА ОБЩЕСТВА

Сизиков В.П.
доцент кафедры высшей математики, канд. техн. наук, доцент,
Омский государственный университет путей сообщения, Россия, г. Омск

Разумов В.И.
заведующий кафедрой философии, доктор филос. наук, профессор,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск

С привлечением системной методологии в ранге ДИС-технологии осуществлён системный анализ социо-природной системы и выстраивания типа общества. На примере моделей в ранге когнитивной ячейки, описывающих социо-природную систему и выстраивание типа общества, выявлены качественные особенности и различия результатов при организации первой через индустриализацию и простое воспроизводство, а второго – через секуляризацию и теократизацию.

Ключевые слова: воспроизводство, ДИС-технология, индустриализация, институт власти, менталитет, ресурс, связь, секуляризация, социо-природная система, социальный режим, среда, теократизация, тип общества, турбулентность.

Введение. Данная работа является продолжением [1–6] апробаций ДИС-технологии, которой присущи одновременно качества системной методологии, языка программирования на уровне оболочки экспертных систем и аппарата имитационного моделирования. ДИС-технология позволяет быстро получать на качественном уровне то, что обычно требует долгих исследований, проведения затратных и экологически вредных экспериментов. В данной работе это демонстрируется на примерах системного анализа социо-природной системы и выстраивания типа общества.

В [2] предлагалась модель в ранге когнитивной ячейки – частного случая динамической информационной системы (ДИС), через которую раскрывался системный статус турбулентности. Эта модель использована в [5] при анализе прописанных Р. Коллинзом модернизаций общества, где выделены четыре их фактора: бюрократизация, демократизация, индустриализация (И*), секуляризация (С*) [7, с. 264–293]. А теперь с использованием ДИС-технологии и учётом процесса информационного функционирования (ПИФ) ячейки выясняется, когда и чем может быть предпочтительно простое воспроизводство как альтернатива И*, а также теократизация (Т*) как альтернатива С*.

Пара базовых моделей воспроизводства. Обе модели являются когнитивной ячейкой H [2], объединяющей пару триад. Одна триада G с вершинами v_0 – среда, v_1 – ресурсы, v_2 – воспроизводство и кругооборотом информационного ресурса по циклу $v_0 \to v_1 \to v_2 \to v_0$ отражает ресурсную составляющую воспроизводства, а другая U с вершинами v_0, v_3 – связи, v_2 и допол-

нительно возможным кругооборотом информационного ресурса по циклу $v_0 \to v_3 \to v_2 \to v_0$ – связную составляющую.

Для запуска ПИФ у ячейки H задаётся некоторое распределение активов r_i и пассивов q_i по вершинам v_i, уровни трансформации λ_i пассива в актив в v_i и относительные проводимости $f_c(v_j,v_i)$, $f_d(v_i,v_j)$ контролирующего и ведущего ребра, проводящих ресурс от v_i к v_j (i,j=0,1,2,3). Общий объём ресурса в ячейке принимается за 1 – условную единицу. В первой модели полагается, что все рёбра обеспечивают взаимодействие и используются формулы: $f_d(v_i,v_j)=a_{ij}(r_j+q_j)$, $f_c(v_j,v_i)=b_{ij}(r_j+q_j)$, $0 \le a_{ij}=(a_i a_j)^{0,5} \le 1$, $0 \le b_{ij}=(b_i b_j)^{0,5} \le 1$ – постоянные взаимодействия, $0 \le a_i \le 1$, $0 \le b_i \le 1$ – постоянные мотиваций взаимодействия, вообще говоря, свои в каждой вершине v_i (i,j=0,1,2,3). Ограничимся случаем, когда все $a_i=a$ и все $b_i=b$. Кроме того, a, b и все $0 \le \lambda_i \le 1$ считаем неизменными в конкретном ПИФ. Итак, есть 6 свободных параметров λ_i (i=0,1,2,3), a, b, и надо определяться, как от их значений зависит режим ПИФ ячейки H и каковы его особенности, в главном, в вершине v_0 – среде, получающей результаты воспроизводства. Воспроизводство здесь является расширенным, и вершина v_2 представляет И*.

Во второй модели вершина v_2 представит простое воспроизводство. При этом выходящие из v_2 рёбра являются стационарными, имеют фиксированные проводимости, которые обозначим, соответственно, d_{20}, c_{20}. Дополнительно будет решаться вопрос о выборе допустимых для них значений, и таких, чтобы в ПИФ у v_0 возможно больше проявлялся актив. Так каждому варианту первой модели для сравнения сопоставится соответствующий вариант второй.

Основные режимы воспроизводства. Как в [2, 5], берём минимальную серию экспериментов с первой моделью, приводя графики ПИФ первыми на каждом рисунке. Ввиду симметричности модели, ограничимся естественными случаями, когда $\lambda_1 \ge \lambda_3$, и актуально считать $\lambda_0+\lambda_1+\lambda_2+\lambda_3=1$. Итак, берём: $a=b=1$ и, соответственно: $\lambda_0=\lambda_1=\lambda_2=\lambda_3=0{,}25$ (рис. 1); $\lambda_0=\lambda_2=\lambda_3=0{,}1$, $\lambda_1=0{,}7$ (рис. 2); $\lambda_0=0{,}05$, $\lambda_1=0{,}5$, $\lambda_2=0{,}15$, $\lambda_3=0{,}3$ (рис. 3); $\lambda_0=0{,}15$, $\lambda_1=0{,}5$, $\lambda_2=0{,}05$, $\lambda_3=0{,}3$ (рис. 4); $\lambda_0=0{,}45$, $\lambda_1=0{,}3$, $\lambda_2=0{,}05$, $\lambda_3=0{,}2$ (рис. 5); $\lambda_0=0{,}45$, $\lambda_1=0{,}3$, $\lambda_2=0{,}15$, $\lambda_3=0{,}1$ (рис. 6); $\lambda_0=0{,}05$, $\lambda_1=0{,}3$, $\lambda_2=0{,}45$, $\lambda_3=0{,}2$ (рис. 7); $\lambda_0=0{,}15$, $\lambda_1=0{,}3$, $\lambda_2=0{,}45$, $\lambda_3=0{,}1$ (рис. 8); $\lambda_0=\lambda_1=\lambda_2=\lambda_3=0{,}25$, но $a=1$, $b=0{,}05$ (рис. 9) и $a=0{,}05$, $b=1$ (рис. 10).

Второй на каждом рисунке – соответствующий график ПИФ для второй модели. Для максимальности актива в v_0 берём $c_{20}=d_{20}$. Проводя эксперименты, получаем: $c_{20}=d_{20}=0{,}29$ (рис. 1); $c_{20}=d_{20}=0{,}18$ (рис. 2); $c_{20}=d_{20}=0{,}2$ (рис. 3); $c_{20}=d_{20}=0{,}1$ (рис. 4); $c_{20}=d_{20}=0{,}15$ (рис. 5); $c_{20}=d_{20}=0{,}35$ (рис. 6); $c_{20}=d_{20}=0{,}24$ (рис. 7); $c_{20}=d_{20}=0{,}29$ (рис. 8); $c_{20}=d_{20}=0{,}08$ (рис. 9); $c_{20}=d_{20}=0{,}14$ (рис. 10).

Наконец, на некоторых рисунках добавляется ещё третий график ПИФ для второй модели, но с подкорректированными значениями c_{20}, d_{20}.

На каждом графике по 4 полосы под вершины v_0, v_1, v_2, v_3, считая сверху. В каждой полосе ряд 1 отражает изменение актива, а ряд 2 – пассива.

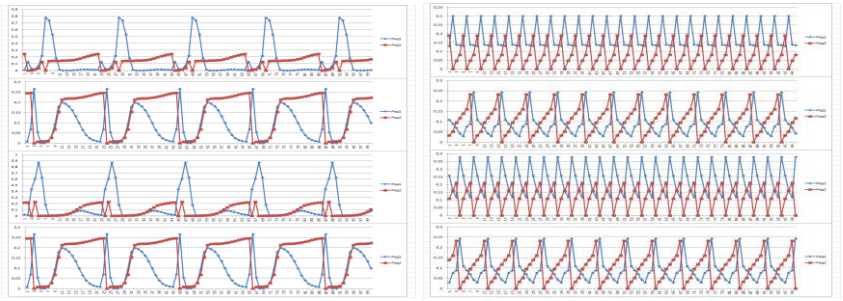

Рис. 1. При равноправных элементах

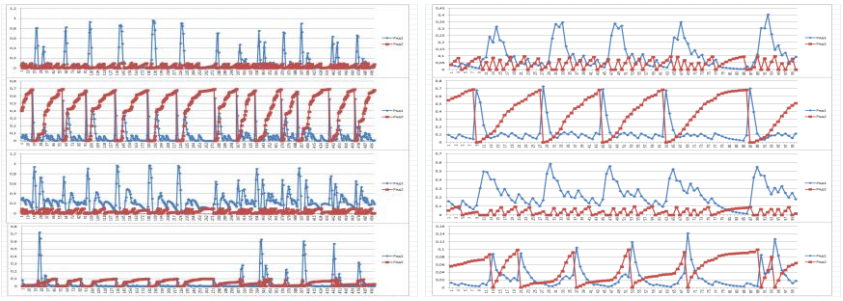

Рис. 2. При очень дорогом ресурсе

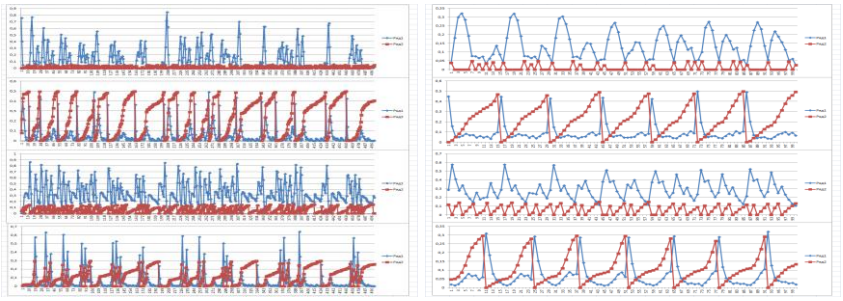

Рис. 3. При избытке тормозов в связях и простой среде

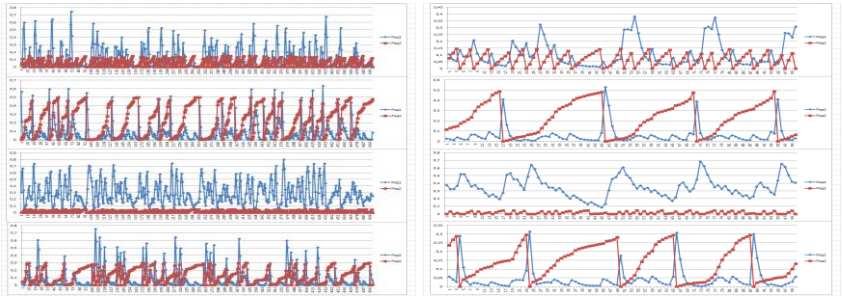

Рис. 4. При избытке тормозов в связях и непростой среде

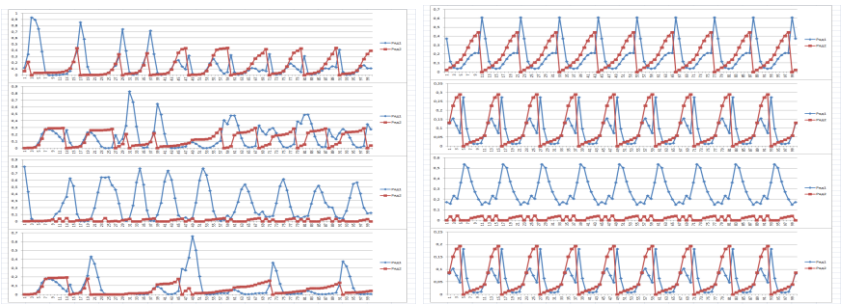

Рис. 5. При избытке тормозов в среде и непростых связях

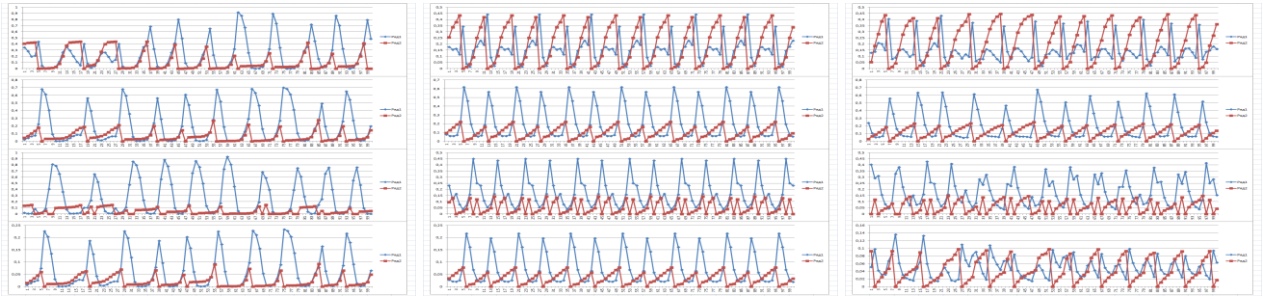

Рис. 6. При избытке тормозов в среде и простых связях

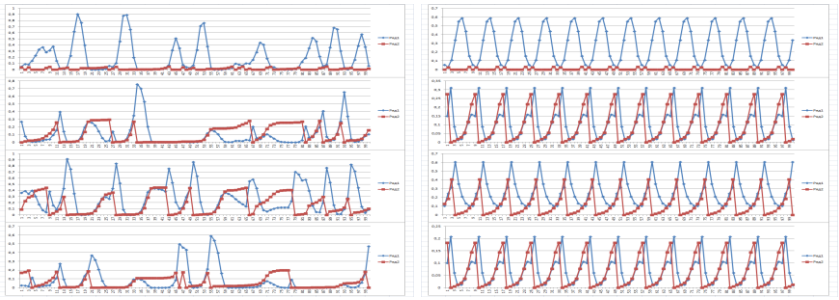

Рис. 7. При избытке тормозов в воспроизводстве и непростых связях

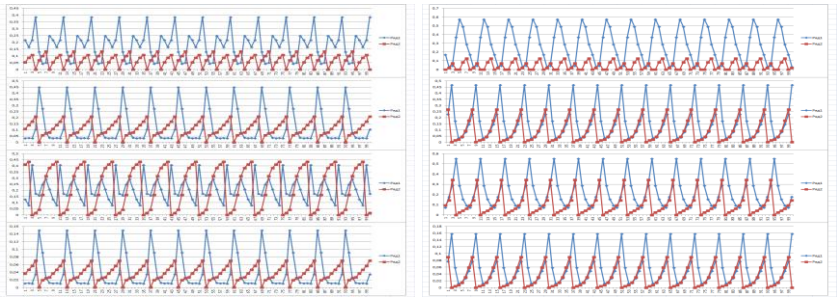

Рис. 8. При избытке тормозов в воспроизводстве и простых связях

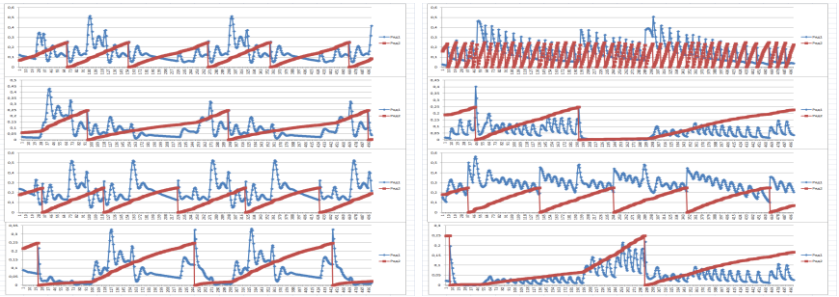

Рис. 9. При ослабленной работе пассива в системе воспроизводства

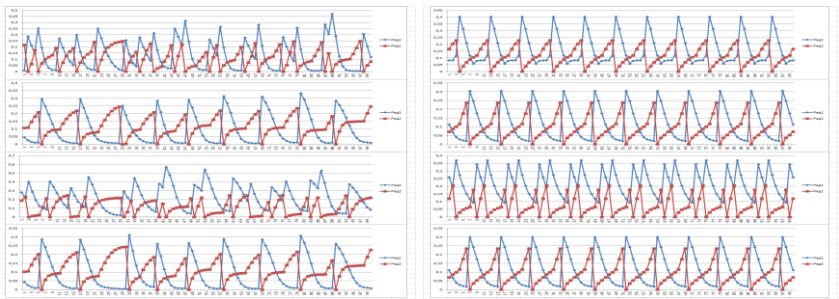

Рис. 10. При усиленной работе пассива в системе воспроизводства

Качественные особенности и сравнения режимов по воспроизводству. Обратим внимание, что на первых графиках рисунков 1, 6, 8, 10 и вторых у рисунков 1, 5–8, 10 поведение ПИФ в вершинах v_1 и v_3 (вторая и чет-

вёртая полосы, считая сверху) почти копируют друг друга, отличаясь, в главном, лишь амплитудой, а на втором графике рисунка 1 ещё и сдвигом по фазе. Так, по теореме 1.4 из [8] в условиях взаимодействия в значительной части случаев ПИФ ячейки ведёт себя как ПИФ триады, получаемой объединением вершин v_1 и v_3 в одну. Но много чаще копии нет, а качественное сходство есть.

Кроме того, снабжение активом всех вершин на вторых рисунках, как правило, выглядит настолько ровным, что предстаёт не хуже, чем на первых. При этом как бы нет «ущемлённых» вершин, явное преобладание пассива над активом наблюдается разве что в v_1 и v_3 на рисунках 2–4.

Таким образом, на качественном уровне простое воспроизводство выглядит более превосходящим в деле обеспечения активами потребительской среды, чем основанная на взаимодействии расширенное воспроизводство, т.е. И*. При простом воспроизводстве все звенья – ресурсы, связи, среда и само воспроизводство – задействованы регулярно, эффективно, почти как по законному расчёту. Однако почти всюду замечается учащение перемен в ПИФ на вторых графиках по сравнению с первыми, да и амплитуды актива на вторых графиках, несмотря на его превосходство над пассивом, часто меньше чем на первых. Эти моменты указывают на возможные перегрузки при простом воспроизводстве и на то, что сами его производственные показатели не деле не велики. Попробуем проконтролировать это через анализ количественных данных, в том числе и о типах движения как составляющих ПИФ [1, 4–6].

Количественные особенности и сравнения режимов по воспроизводству. Для каждого графика приведём: средний показатель проявления актива и пассива в v_0; это же для вращательного движения, по сути, интеллекта последовательно в v_0, v_1, v_2, v_3; это же для теплового движения последовательно в v_0, v_1, v_2, v_3. Такую группу из трёх типов данных расположим последовательно для первого и второго графиков каждого рисунка. Кроме того, учитывая относительную малость данных, условимся приводить их в процентах от условной единицы.

Рисунок 1: 15,66, 8,96; 0,61, 0,31, 0,11, 0,31; 0,04, 0,05, 0,03, 0,05 (первый); 17,33, 7,95; 1,43, 1,01, 1,54, 1,01; 0,56, 0,19, 0,38, 0,19 (второй график).

Рисунок 2: 26,48, 3,95; 0,58, 0,35, 0,11, 0,1; 0,36, 0,008, 0,04, 0,07 (первый); 10,92, 4,17; 1,16, 0,42, 0,36, 0,18; 0,7, 0,01, 0,45, 0,03 (второй график).

Рисунок 3: 29,89, 6,7; 0,31, 0,47, 0,18, 0,34; 0,7, 0,03, 0,14, 0,1 (первый); 13,05, 1,15; 0,6, 0,78, 0,67, 0,51; 1,87, 0,05, 0,5, 0,07 (второй график).

Рисунок 4: 27,92, 1,55; 0,99, 0,42, 0,14, 0,3; 0,52, 0,03, 0,41, 0,07 (первый); 10,68, 6,49; 1,04, 0,45, 0,12, 0,44; 0,25, 0,02, 0,25, 0,05 (второй график).

Рисунок 5: 24,41, 1,51; 0,95, 0,33, 0,15, 0,2; 0,09, 0,03, 0,24, 0,03 (первый); 18,87, 18,7; 0,49, 0,66, 0,17, 0,44; 0,03, 0,03, 0,48, 0,02 (второй график).

Рисунок 6: 30,01, 4,64; 0,52, 0,16, 0,18, 0,5; 0,06, 0,08, 0,1, 0,03 (первый); 16,52, 18,19; 1,98, 0,19, 1,23, 0,07; 0,15, 0,15, 0,96, 0,05 (второй график).

Рисунок 7: 26,81, 20,97; 0,21, 0,61, 0,4, 0,46; 0,67, 0,09, 0,04, 0,1 (первый); 28,34, 0,72; 0,37, 0,91, 1,22, 0,61; 0,9, 0,08, 0,33, 0,05 (второй график).

Рисунок 8: 21,34, 22,22; 0,66, 0,4, 1,27, 0,13; 0,61, 0,23, 0,07, 0,08 (первый); 28,14, 4,36; 1,07, 0,75, 1,43, 0,25; 0,52, 0,24, 0,6, 0,08 (второй график).

Рисунок 9: 21,37, 12,82; 0,1, 0,05, 0,08, 0,04; 0,001, $4\cdot10^{-4}$, $9\cdot10^{-4}$, $3\cdot10^{-4}$ (первый); 14,7, 11,85; 0,54, 0,03, 0,02, 0,04; 0,05, $3\cdot10^{-4}$, $2\cdot10^{-4}$, $3\cdot10^{-4}$ (второй график).

Рисунок 10: 22,6, 10,28; 0,06, 0,02, 0,04, 0,02; 0,02, 0,005, 0,02, 0,005 (первый); 16,42, 11,31; 0,04, 0,03, 0,6, 0,03; 0,008, 0,006, 0,29, 0,006 (второй график).

Итак, согласно данным по активу и общему объёму ресурса в v_0, почти во всех случаях первенство держит первый график, имея актива в v_0 свыше 15%. Лишь в случаях 1, 7, 8, первый график уступает второму. Однако в ряде случаев возможен избыток в показателях интеллекта и тепла, которые не должны превышать, соответственно, 1/54 и 1/27 – максимально достижимых их средних величин в вершине на принципах взаимодействия. Проведём по этим моментам дополнительный анализ данных на вторых графиках.

Так, в случаях 1, 7 и 8 нет избытка в показателях интеллекта и тепла, т.е. эти случаи вполне актуальны по обращению к простому воспроизводству. Избыток оказывается лишь в случае 6 с интеллектом в v_0, представляющей среду, несмотря на то, что в этом случае второй график уже уступает первому по активу в v_0. Здесь имеем случай, когда потребительская среда не является вполне адаптивной. Чтобы среда имела шанс быть адаптивной, надо будет принять максимум $c_{20}=d_{20}=0{,}33$, при котором показатель актива в v_0 убавится до 14,88, оставляя, конечно, первенство за первым графиком. На рисунке 6 приведён третий, явно менее стройный, график ПИФ для нового случая.

Строго говоря, учтённые факты ещё не означают отсутствия перегрузки в текущем времени. Перегрузки не будет, если показатель интеллекта в любой момент времени не превысит величины стабильного вращательного движения, а показатель тепла – теплоёмкости. Эти условия почти везде чуть нарушаются, и для устранения этого необходимо уменьшать величину мотивации актива *a*.

Таким образом, исходя из анализа количественных данных, надёжность в опоре на простое воспроизводство имеется лишь в случаях 1, 7 и 8, где, по сути, основная власть принадлежит воспроизводству (превосходство λ_2). При этом серьёзное превосходство демонстрирует случай 8, где власть воспроизводства (λ_2) дополняется относительно неплохой властью (λ_0) потребительской среды. В остальных случаях, в том числе при властной потребительской среде (превосходство λ_0), надёжнее прибегать к И*.

Пара базовых моделей выстраивания типа общества. Здесь триада *G* с вершинами v_0 – менталитет, v_1 – опора, v_2 – социальный режим даёт не управляемое выстраивание типа общества с кругооборотом ресурса по циклу $v_0\to v_1\to v_2\to v_0$. Добавление вершины v_3 – института власти даёт триаду *U* из вершин v_0, v_3, v_2 с дополнительно возможным кругооборотом ресурса по циклу $v_0\to v_3\to v_2\to v_0$. Так получается модель уже управляемого через v_3 выстраивания типа общества в ранге когнитивной ячейки *H*.

На условиях взаимодействия у модели есть 6 свободных параметров λ_i (i=0,1,2,3), a, b, и надо определяться, как от их значений зависит режим ПИФ ячейки H и каковы его особенности, прежде всего, в вершине v_2 – социальный режим. Ответственная за опору вершина v_1 в этом случае представит С*. А во второй модели вершина v_1 будет представлять Т*. Все рёбра при v_1 в этом случае будут работать стационарно, имея фиксированные проводимости, которые обозначим, соответственно, d_{01}, d_{12}, c_{01}, c_{12}. Дополнительно будет решаться вопрос о выборе допустимых для них значений, и таких, чтобы у вершины v_2, представляющей социальный режим, возможно больше было ресурса, прежде всего, актива. Так каждому избранному варианту первой модели будет сопоставляться для сравнения соответствующий вариант второй.

Основные режимы выстраивания типа общества. Вновь выбираем минимальную серию экспериментов с первой моделью, приводя графики ПИФ первыми на каждом рисунке: a=b=1 и, соответственно: λ_0=λ_1=λ_2=0,3, λ_3=0,1 (рис. 11); λ_0=λ_1=λ_2=0,05, λ_3=0,85 (рис. 12); λ_0=0,08, λ_1=0,6, λ_2=0,22, λ_3=0,1 (рис. 13); λ_0=0,03, λ_1=0,3, λ_2=0,07, λ_3=0,6 (рис. 14); λ_0=0,22, λ_1=0,08, λ_2=0,6, λ_3=0,1 (рис. 15); λ_0=0,07, λ_1=0,03, λ_2=0,3, λ_3=0,6 (рис. 16); λ_0=0,6, λ_1=0,08, λ_2=0,22, λ_3=0,1 (рис. 17); λ_0=0,3, λ_1=0,03, λ_2=0,07, λ_3=0,6 (рис. 18); λ_0=λ_1=λ_2=0,3, λ_3=0,1, но a=1, b=0,08 (рис. 19) и a=0,05, b=1 (рис. 20). Здесь также при выстраивании типа общества сочтено актуальным условие λ_0+λ_1+λ_2+λ_3=1, но с несколько иными группами значений λ_i (i=0,1,2,3), чем при анализе воспроизводства.

Вторым на каждом рисунке приводится соответствующий график ПИФ для второй модели. Для максимальности ресурса в v_2 весь актив из v_1 передаём v_2, беря d_{12}=c_{12}=1, а d_{01}, c_{01} подбираем максимально допустимыми: d_{01}=c_{01}=0,86 (рис. 11, 15, 17), d_{01}=c_{01}=0,11 (рис. 12), d_{01}=c_{01}=0,88 (рис. 13), d_{01}=c_{01}=0,37 (рис. 14), d_{01}=c_{01}=0,35 (рис. 16), d_{01}=c_{01}=0,27 (рис. 18), d_{01}=c_{01}=0,89 (рис. 19, 20).

Наконец, в ряде мест приводится третий график ПИФ для второй модели с подкорректированными значениями d_{01}, d_{12}, c_{01}, c_{12}.

На каждом графике по 4 полосы под вершины v_0, v_1, v_2, v_3, считая сверху. В каждой полосе ряд 1 отражает изменение актива, а ряд 2 – пассива.

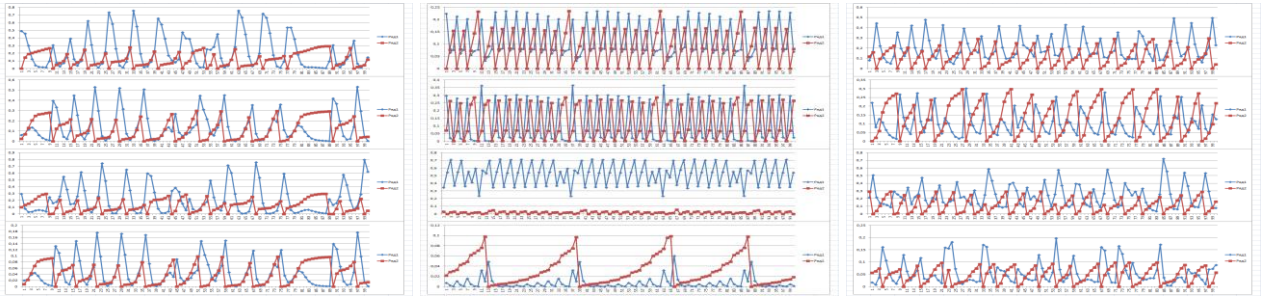

Рис. 11. При умеренном управлении

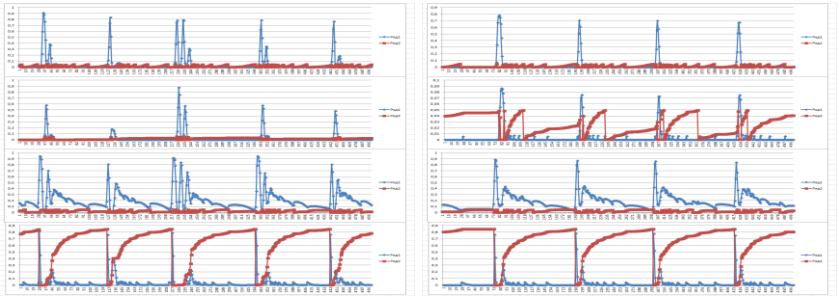

Рис. 12. При мощном управлении

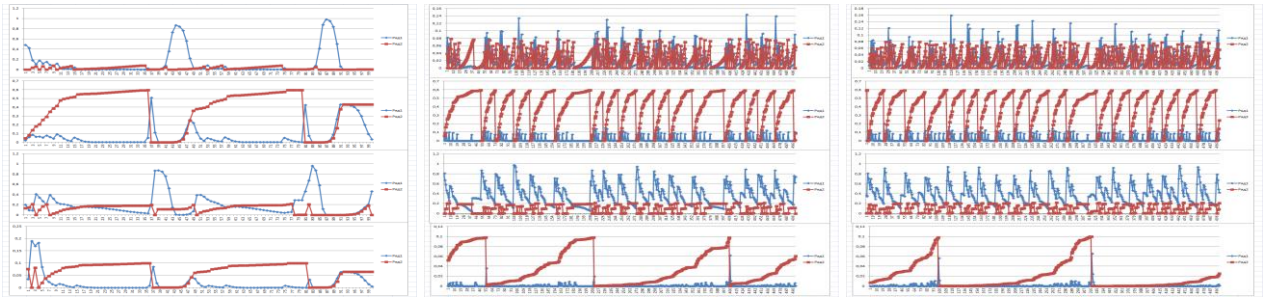

Рис. 13. При избытке тормозов в недоступном слабому прямому управлению элементе в *G*

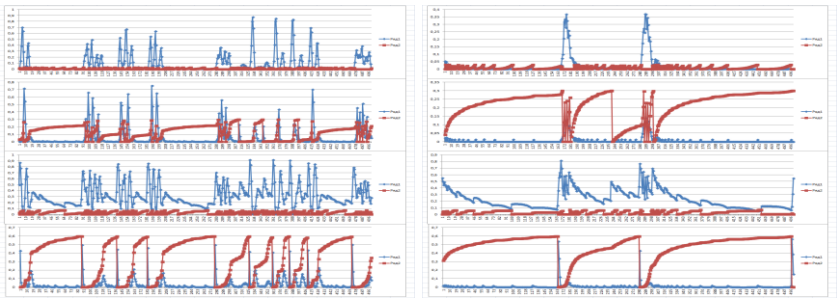

Рис. 14. При избытке тормозов в недоступном сильному прямому управлению элементе в *G*

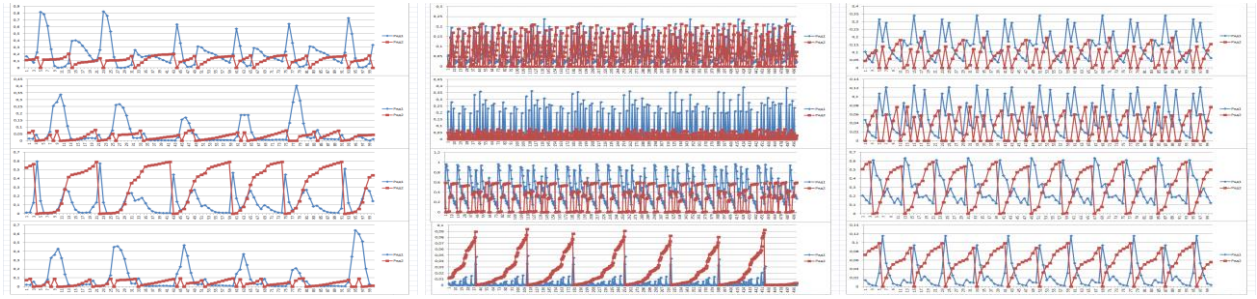

Рис. 15. При избытке тормозов в доступном слабому прямому управлению элементе в *G*

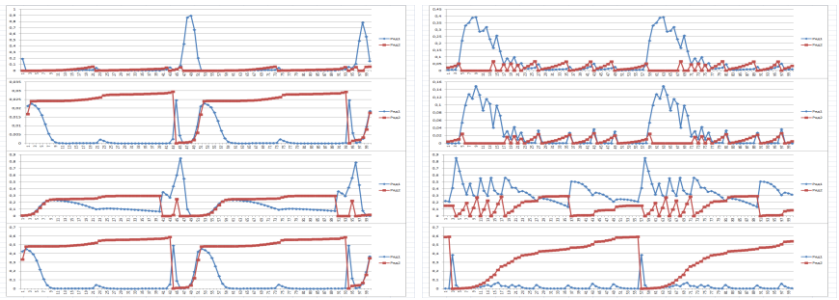

Рис. 16. При избытке тормозов в доступном сильному прямому управлению элементе в *G*

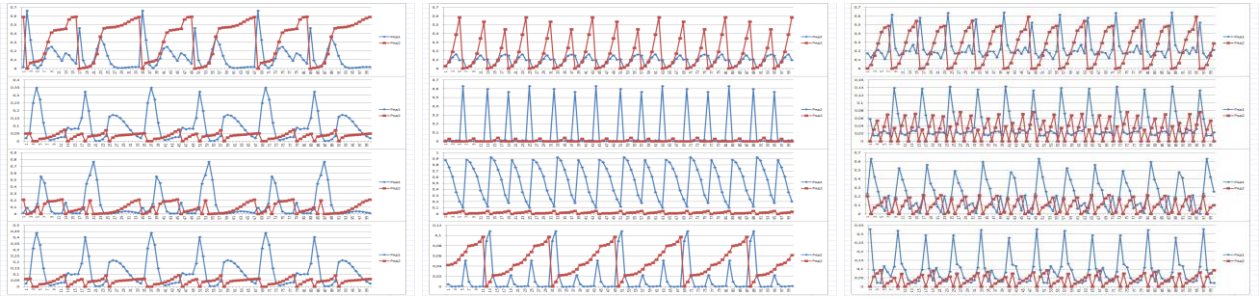

Рис. 17. При избытке тормозов в наблюдаемом при слабом управлении элементе в G

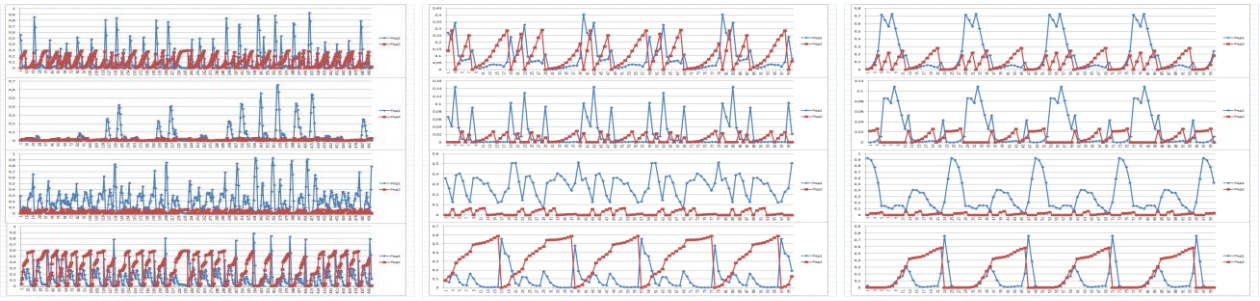

Рис. 18. При избытке тормозов в наблюдаемом при сильном управлении элементе в G

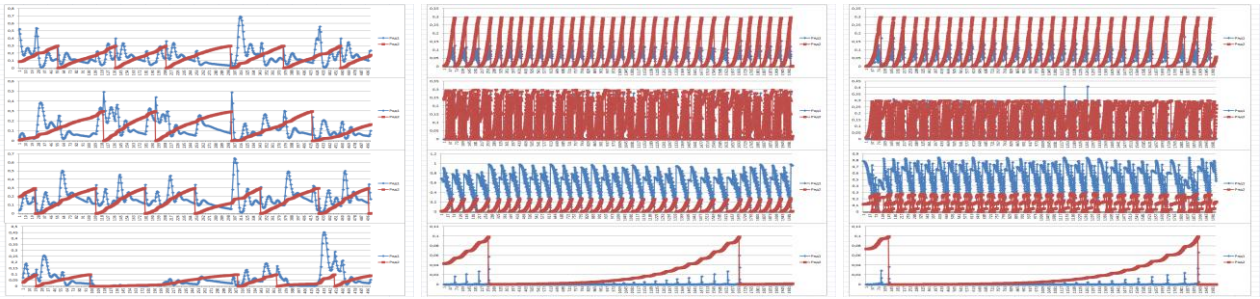

Рис. 19. При ослабленной работе пассива при выстраивании типа общества

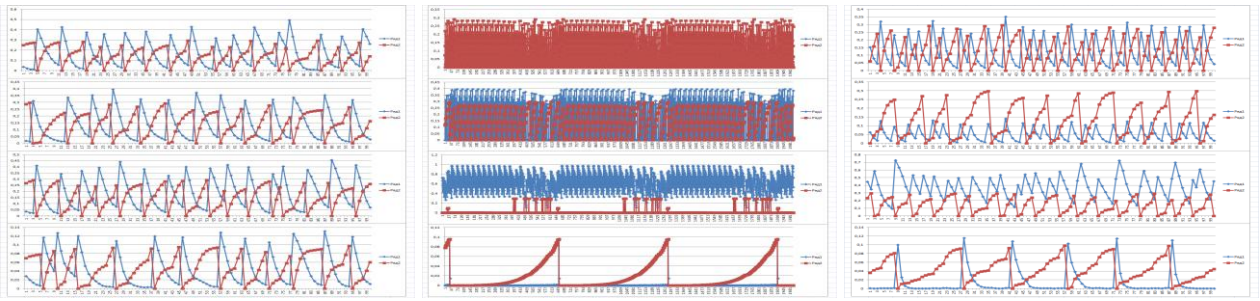

Рис. 20. При усиленной работе пассива при выстраивании типа общества

Качественные особенности и сравнения режимов по выстраиванию типа общества. Видно, что на первых графиках рисунков 11, 16 и 17 поведение ПИФ в v_1 и v_3 (вторая и четвёртая полосы, считая сверху) почти копируют друг друга, отличаясь, в главном, лишь амплитудой. Этот факт на продолжительных этапах есть и на первых графиках рисунков 12–15, 18, 20. Всё это следствие теоремы 1.4 из [8]. Вторые графики сходства в поведении ПИФ у v_1 и v_3 не дают, здесь у v_3 явно преобладает пассив над активом, причём такое на вторых графиках выражено ярче, чем на соответствующих первых. Но этого на вторых графиках требовала сама цель обеспечения переброски от v_0 к v_2 как можно большего объёма ресурса через v_1, ущемляя этим v_3.

Почти на всех первых графиках в ПИФ у v_2 явно прослеживается перевес актива над пассивом, причём это выражено ярче там, где управление яв-

ляется относительно сильным, т.е. велико λ_3. Не менее ярко этот перевес выражен на вторых графиках, но это продиктовано самой целью выбора d_{01}, d_{12}, c_{01}, c_{12}. Наконец, явно видно, что характерная частота изменений в ПИФ у v_1 почти на каждом втором графике выше, чем на соответствующем первом. Причём это касается изменений и актива, и пассива.

Таким образом, в условиях взаимодействия, т.е. при опоре на С*, можно надёжнее и тоньше управлять выстраиванием типа общества, чем при опоре на Т*. При этом институт власти, по сути, задаёт в ранге своей копии поведение ПИФ в вершине v_1, представляющей С*, а Т* действует напрямую как конкурент институту власти в перехватке ресурса. Но насыщение социального режима активом при Т* достижимо больше, чем при С*. В принципе, при Т* можно, не теряя указанного превосходства, слегка убавить значения d_{01}, d_{12}, c_{01}, c_{12}, обеспечив этим как приток ресурса к институту власти, так и резервы для собственной «подпитки» Т*. Так что в целом Т* служит серьёзной альтернативой С*. Однако такой успех стоит Т* труда на очень высоких частотах, а это, в частности, повышает риск её перегрева. Поэтому проконтролируем выявленный успех через анализ количественных данных, в том числе и о типах движения как составляющих ПИФ [1, 4–6].

Количественные особенности и сравнения режимов по выстраиванию типа общества. Для каждого графика приведём: средний показатель проявления актива и пассива в v_2; это же для вращательного движения, по сути, интеллекта последовательно в v_0, v_1, v_2, v_3; это же для теплового движения последовательно в v_0, v_1, v_2, v_3. Такую группу из трёх типов данных расположим последовательно для первого и второго графиков каждого рисунка. Кроме того, учитывая относительную малость данных, условимся приводить их в процентах от условной единицы.

Рисунок 11: 22,86, 10,34; 0,75, 0,61, 0,55, 0,27; 0,34, 0,15, 0,24, 0,1 (первый); 52,15, 1,9; 4,66, 8,16, 0,1, 0,2; 4,66, 1,74, 0,9, 0,008 (второй график).

Рисунок 12: 20,66, 2,21; 0,23, 0,02, 0,03, 0,08; 0,16, 0,02, 0,04, $3\cdot10^{-4}$ (первый); 18,05, 2,5; 0,23, 0,1, 0,02, 0,06; 0,18, 0,25, 0,18, $7\cdot10^{-5}$ (второй график).

Рисунок 13: 27,55, 10,09; 0,51, 0,62, 0,19, 0,19; 0,42, 0,02, 0,1, 0,11 (первый); 39,2, 10,62; 1,15, 2,16, 0,05, 0,03; 0,92, 0,05, 0,03, 0,001 (второй график).

Рисунок 14: 30,02, 2,97; 0,19, 0,21, 0,07, 0,32; 0,54, 0,05, 0,11, 0,006 (первый); 25,54, 2,71; 0,2, 0,83, 0,02, 0,05; 0,55, 0,29, 0,27, 10^{-4} (второй график).

Рисунок 15: 12,39, 32,14; 0,24, 0,29, 0,9, 0,38; 0,15, 0,1, 0,04, 0,13 (первый); 44,89, 30,33; 3,17, 1,5, 0,2, 0,09; 2,08, 3,92, 0,03, 0,01 (второй график).

Рисунок 16: 17,5, 19,55; 0,2, 0,02, 0,06, 0,33; 0,09, $6\cdot10^{-4}$, 0,02, 0,01 (первый); 34,62, 13,75; 0,68, 0,31, 0,39, 0,4; 1,36, 2,47, 0,22, 0,002 (второй график).

Рисунок 17: 13,99, 8,59; 0,78, 0,08, 0,83, 0,1; 0,01, 0,06, 0,12, 0,08 (первый); 54,51, 2,15; 7,6, 0,51, 0,02, 0,11; 2,35, 7,43, 0,21, 0,02 (второй график).

Рисунок 18: 21,24, 2,49; 0,97, 0,03, 0,23, 0,53; 0,21, 0,02, 0,41, 0,02 (первый); 29,55, 2,13; 2,29, 0,58, 0,1, 0,47; 0,78, 1,84, 0,89, 0,02 (второй график).

Рисунок 19: 17,96, 14,87; 0,13, 0,08, 0,13, 0,05; 0,001, $7\cdot10^{-4}$, 0,001, 0,001 (первый); 59,99, 8,62; 0,43, 3,38, 0,006, 0,003; 0,01, 0,62, 0,001, $2\cdot10^{-5}$ (второй график).

Рисунок 20: 19,9, 13,57; 0,06, 0,04, 0,05, 0,01; 0,02, 0,009, 0,01, 0,004 (первый); 65,62, 2,69; 3,37, 0,85, $9\cdot10^{-4}$, $7\cdot10^{-4}$; 1,96, 0,11, 0,007, $3\cdot10^{-5}$ (второй график).

Итак, согласно данным по активу и общему объёму ресурса в v_2, почти во всех случаях первенство держит второй график, причём в случаях 11, 17, 19 и 20 актива в v_2 оказывается свыше 50%. Лишь в случаях 12 и 14, где $\lambda_1+\lambda_3=0,9\approx1$, второй график уступает первому.

Наилучший показатель по активу в v_2 у второго графика в случае 20. При этом наиболее высокие показатели по интеллекту и теплу приходятся на вершину v_0, представляющую менталитет. Правда, показатель тепла здесь явно меньше 1/27 – максимально достижимой его средней величины в вершине на принципах взаимодействия, т.е. угроз для перегрева нет. А показатель интеллекта всё же превышает 1/54 – максимально достижимую его среднюю величину в вершине на принципах взаимодействия. Этот момент означает, что менталитет в данном варианте не может быть вполне адаптивным, его нужно будет в корне менять после почти каждой перемены в социальном режиме. Чтобы менталитет имел шанс быть адаптивным, надо будет принять максимум $d_{01}=c_{01}=0,29$, при котором показатель актива в v_2 составит всего 37,51. Но и это много лучше, чем у первого графика. Кроме того, при новых данных меньше станет и показатель тепла, т.е. угроз для перегрева не возникнет. И на рисунке 20 приведён третий график ПИФ для нового случая. В частности, в нём явно эффективнее, чем до корректировки, идёт работа на месте института власти. Аналогично избыток интеллекта в v_0 имеется в случае 18, для устранения чего придётся принять максимум $d_{01}=c_{01}=0,14$. На удивление оказывается, что это привело, наоборот, к небольшому росту показателя актива в v_2, доведя его до 31,17. Такой локальный эффект связан с нецелым числом укладок характерного периода ПИФ в интервал для снятия статистики из-за относительно большого значения $\lambda_0=0,3$. Впрочем, подрос, а не убавился, и показатель тепла в v_1, оставшись, правда, много меньше критического уровня 1/27. И на рисунке 18 приведён третий график ПИФ для нового случая.

Среди передовиков по активу в v_2 у второго графика оказывается также случай 17. В отличие от случая 20 здесь избыток не только интеллекта в v_0, но и тепла в вершине v_1, представляющей основу. Но обоих этих избытков не будет, если взять $d_{01}=c_{01}=0,18$. При этом показатель актива в v_2 составит всего 21,35, что, однако, намного больше, чем на первом рисунке. Аналогично имеем в случае 15, где придётся принять $d_{01}=c_{01}=0,35$, что показатель актива в v_2 понизит до 29,06, оставив его много больше, чем у первого графика. И на рисунках 17 и 15 приведены третьи графики ПИФ для обоих новых случаев.

Второе место по активу в v_2 занимает второй график в случае 19. Но здесь избыток интеллекта приходятся на вершину v_1, представляющую основу, ввиду чего нужно будет принять $d_{12}=c_{12}=0,6$. Однако это не очень изменит

показатель актива в v_2, он составит 54,26, что много лучше, чем у первого графика, и угроз для перегрева не возникает. Аналогично имеем в случае 13. Здесь необходимо будет принять $d_{12}=c_{12}=0{,}81$, что, как и при случае 18, даже увеличит показатель актива в v_2 до 39,92, оставив его вновь много лучше, чем у первого графика. И на рисунках 19 и 13 приведены третьи графики ПИФ для новых случаев.

А в случае 11 избыточными оказываются показатели по интеллекту сразу в v_0, v_1 и по теплу в v_0. Здесь необходимо будет принять сразу $d_{01}=c_{01}=0{,}24$ и $d_{12}=c_{12}=0{,}45$, что понизит показатель актива в v_2 до 23,78, оставив его всё же больше, чем у первого графика. На рисунке 11 приведён третий график ПИФ для нового случая. Наконец, избытка показателей интеллекта и тепла изначально нет в случае 16, т.е. корректировку тут делать не надо. И второй график здесь существенно превосходит первый по показателю актива в v_2.

Здесь также почти во всех случаях есть моменты с перегрузками тепла и интеллекта, хотя в среднем всё прекрасно. Для устранения таких локальных перегрузок необходимо уменьшать величину мотивации актива a.

Таким образом, согласно анализу количественных данных, использовать Т* при выстраивании типа общества никогда не хуже, чем С*. Исключение составляют лишь случаи, когда основа и институт власти вместе поглощают почти весь информационный ресурс, практически не оставляя потенциала для менталитета и социального режима. Но и в этих условиях выигрыш С* над Т* по показателю актива в социальном режиме меньше 20%, тогда как выигрыш Т* над С* в ряде случаев превышает 200%.

Заключение. Итак, понимание воспроизводства связывается с действием таких факторов как ресурсы, торможение процессов (воспроизводства), наличие связей. Простое воспроизводство в социуме допустимо при условии прекращения роста числа индивидов, но даже в этом формате оно более чувствительно к действию ограничивающих факторов в сравнении с воспроизводством расширенным. Инструментом для перехода к расширенному воспроизводству выступает И*.

Анализ результатов проведённых экспериментов подтверждает известный тезис о росте потребностей по мере их удовлетворения тем, что именно потребление инициирует развёртывание И*. В целом анализ моделей играет важную роль в понимании связей между обществом (одним из видов социумов) и природой. Полученные результаты, во-первых, дают материал к развитию социальной теории [9], во-вторых, полученные модели и численные результаты могут оказаться полезными для анализа конкретных ситуации и узких, проблемных мест во взаимодействиях общества и природы.

Далее, выстраивание типов общества уместно связывать, в том числе, с анализом противоречия между тенденциями С* и Т* в обществе. Начало XXI в. убедительно демонстрирует не только рост роли религиозных идей в устройстве современных обществ, но и достаточно масштабные опыты создания теократических государств. В работе анализ указанных тенденций показал, что их противостояние имеет место в любом обществе, но ход процес-

сов в любом конкретном обществе определяется также рядом других факторов, таких как: менталитет, социальный режим, турбулентность.

Задача типологии общества включается в более масштабную задачу систематизации социосистем, тем не менее, полученные результаты позволяют соотносить и учитывать взаимные влияния менталитета, С*, социального режима, Т*, турбулентности. Выполненные модели и проделанные численные эксперименты позволяют предпринимать анализы конкретных ситуаций. Особый интерес может вызвать изучение фактора турбулентности, поскольку его аналогами в обществе выступают различные общественные волнения и разрушения сложившихся социальных структур.

Список литературы

1. Сизиков, В.П. Модель и анализ взаимодействия протона и электрона на базе ДИС-технологии [Текст] / В.П. Сизиков // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: Сб. науч. тр. по матер. VI Междун. науч.-прак. конф. в 6 ч. – Белгород : ИП Петрова М.Г., 2015. – Ч. III. – С. 118–125. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

2. Сизиков, В.П. Турбулентность: системный статус и управление [Текст] / В.П. Сизиков // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: Сб. науч. тр. по матер. IX Междун. науч.-прак. конф. в 6 ч. – Белгород : ИП Петрова М.Г., 2015. – Ч. II. – С. 129–137. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

3. Сизиков, В.П. Трещины и дислокации: системный статус и управление [Текст] / В.П. Сизиков // Современные тенденции развития науки и технологий: Сб. науч. тр. по матер. II Междун. науч.-прак. конф. в 7 ч. – Белгород : ИП Ткачёва Е.П., 2015. – Ч. II. – С. 137–144. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

4. Сизиков, В.П. Системный анализ совершенства мышления [Текст] / В.П. Сизиков, Т.Ю. Круковская // Современные тенденции развития науки и технологий: Сб. науч. тр. по матер. III Междун. науч.-прак. конф. в 6 ч. – Белгород : ИП Ткачёва Е.П., 2015. – Ч. V. – С. 106–115. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

5. Сизиков, В.П. Системный анализ модернизаций в обществе [Текст] / В.П. Сизиков, В.И. Разумов // Современные тенденции развития науки и технологий: Сб. науч. тр. по матер. IV Междун. науч.-прак. конф. в 6 ч. – Белгород : ИП Ткачёва Е.П., 2015. – Ч. III. – С. 139–147. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issledo.ru.

6. Разумов, В.И. Системный анализ роли истории [Текст] / В.И. Разумов, В.П. Сизиков. – Вестник Омского университета. – 2015. – № 2 (76). – С. 83–89.

7. Коллинз, Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности [Текст] / Р. Коллинз. – Пер. с англ. Послесл. Н.С. Розова. – М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.

8. Разумов, В.И. Приложения информационных основ синтеза систем: ДИС-развёртки и парадигма закона. Монография / В.И. Разумов, В.П. Сизиков. – Электронное издание № 33934. – № гос. регистр. 0321304636, ФГУП НТЦ «Информрегистр». – Омск. 2014.

9. Разумов, В.И. Специфика объекта и метода социальной теории / В.И. Разумов, В.П. Сизиков. – Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. X. – Вып. 3–4 (42–43). – С. 107–117.

АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ

Храмова Е.Ю.
магистрант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Россия, г. Санкт-Петербург

Берсенева Н.В.
канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается эволюционирование теоретических исследований социально-трудовых конфликтов. Проведенные исследования показывают, что конструктивное разрешения трудовых конфликтов не только способствует формированию нового уровня взаимопонимания и сотрудничества, но и помогает преодолению препятствий на пути экономического, социального и духовного развития коллектива.

Ключевые слова: социально-трудовой конфликт, трудовые отношения, инновационные исследования, управление социально-трудовыми конфликтами.

Не смотря на то, что существует большое количество исследований, посвященных теме трудовых конфликтов, проблема их конструктивного разрешения не теряет своей актуальности и по сей день. Даже, если учесть тот факт, что в большинстве своем конфликты в трудовых коллективах являются нормой, нельзя отрицать их деструктивные проявления, если они игнорируются или процедуры по их разрешению не применяются должным образом.

Так А.В. Дорин к негативным последствиям социально-трудовых конфликтов относит: усиление настроений враждебности; падение мотивации к труду; свертывание деловых контактов; ухудшение взаимопонимания; умышленное и целенаправленное деструктивное поведение; разрушение положительной социальной идентичности; фактические потери времени, отвлечение от работы; запутывание каких-то проблем [2, с. 139].

По мнению многих ученых из разных областей науки конфликт является необходимым и, более того, обязательным фактором в развитии трудовых отношений. Конструктивное разрешение социально-трудовых конфликтов дает возможность не только для формирования нового уровня взаимопонимания и сотрудничества, но и возможность для преодоления препятствий на пути экономического, социального и духовного развития коллектива.

Обособленное изучение социально-трудовых конфликтов, как отдельной области знаний, зародилось на основе работ, посвященных конфликтологии, таких выдающихся ученых, как Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг, Й. Галтунг, Л. Крисберг и др. Они рассматривали социальный конфликт как естественный и неустранимый компонент общественной жизни человека, проявляющийся во всех сферах его деятельности, в том числе и

трудовой. По их мнению, конфликт может приводить к социальной интеграции и, обеспечивая выход враждебности, усиливать социальную солидарность, выполняя важнейшие функции сохранения социальных отношений и социальных систем.

В западной литературе можно выделить работу американских исследователей Д. Каца и Р. Кана «Социальная психология организаций». Результатом проведенных исследований Р. Каном было установлено, что из всех обследованных работников 88 % находятся в условиях явного конфликта.

Советские социологи также внесли большой вклад в изучение многообразия конфликтов. Особенно активно трудовые конфликты изучались в условиях нэпа (1924 – 1929 гг.). Результаты исследований представлены в брошюре П.О.Гриффина и М.И.Могилевского «Трудовые конфликты и порядок их разрешения». Социологи отмечали разнообразие социально-трудовых конфликтов этого периода, формами которых являлись забастовки, стачки, крестьянские восстания, бунты, погромы и другие форм борьбы за свои права. Особое значение исследователи уделяли изучению стачек, забастовок и трудовых споров.

По словам А.Я. Анцупова, существовавшие в 20-е годы статистические материалы по трудовым конфликтам стали доступны для управленческого персонала, что позволяло анализировать происходящие в сфере труда процессы и принимать своевременные меры по разрешению противоречий.

Начиная с 1930 г. социологические исследования трудовых конфликтов и споров прекращаются. После того как XVIII съезд партии в 1939 г. объявил о социально-политическом единстве советского общества, его развитие стало рассматриваться как бесконфликтное [1, с. 56].

К проблеме изучения конфликтов в трудовых отношениях социологи вернулись во второй половине 60-х годов. В период 1973-1981 гг. наблюдается повышение интереса к изучению трудовых конфликтов в связи со скачкообразным ростом промышленных производств. Начиная с 1989 г. ученые активно изучают социально-трудовые конфликта, уделяя особое внимание его предотвращению, разрешению и минимизации деструктивных последствий.

В.Н. Шаленко в своей работе «Управление трудовыми конфликтами на российских предприятиях в условиях становления социального партнерства» разделил весь комплекс конфликтологических проблем в трудовых отношениях, изучаемых отечественными специалистами на три группы.

Первая группа: работы А.Я. Анцупова, Е.В. Александровой, С.Ю. Барсуковой, В.И. Герчикова, Н.В. Гришиной, С.И. Ериной, Ф.М. Бородкина, Л.А. Гордона, А.К. Зайцева, Ю.Д. Красовского, В.О. Рукавишникова. И.Д. Ладанова, С.Ф. Фролова, А.М. Кацвы, А.И. Кравченко, Ю.В. Платонова, В.И. Сперанского, Е.И. Степанова, П.Н. Шихирева, В.М. Шепеля, где разработаны теоретические проблемы управления трудовыми конфликтами. В имеющихся публикациях авторы определяют структуру, функции и процесс трудовых конфликтов, в том числе и в постсоветский период, раскрывают специфику конфликтного сознания и поведения субъектов (индивидуальных и групповых). Значительный вклад в исследование социально-

трудовых конфликтов внесли зарубежные авторы такие как: М. Альберт, Г. Бомер, Г. Браун, Дж. Боумен, И. Бэтстоун, М. Вебер, П. Гудштейн, Р. Дарендорф, М. Дойч, Я. Зеленевский, А. Корнхаузер, Л. Крисберг, У. Мастенбрук, М. Мескон, Х. Минцберг, К. Томас, Д. Тьёсволд, Ф. Фюрстенберг, Ф. Хедоури и др., создавших оригинальные концепции по социологии и психологии трудовых отношений в организации.

Ко второй группе относятся разработки социологических и методологических аспектов проблемы, заключающейся в обосновании принципов анализа конфликтов в трудовых отношениях и построении адекватного понятийного аппарата для их изучения. К ним относятся работы Н.Ф. Антипова, В.И. Герчикова, В.А. Давыденко, Б.Ю. Кагарлицкого, Е.Д. Катульского, Ю.Д. Красовского, С.Г. Пушкаревой, К.В. Решетниковой, В.О. Храмова, А.К. Назимовой, Е.Л. Шершневой, А.И. Пригожина, А.Н. Асадова, Ю.В. Платонова, В.И. Сперанского, А.К. Зайцева. В своих работах они анализируют факторы и причины социально – трудовых конфликтов, их объекты и субъекты, выявляют типичные механизмы и инновационные модели и стили конфликтного поведения участников, рассматривают эффективные методы их разрешения. Примером инновационных исследований является модель ценностно-нормативного конфликта «традиционализма» и «рационализма» в сфере трудовых отношений Е.Л. Шершневой и Ю. Фельдхоффа; концепция механизма института власти в возникновении трудовых конфликтных ситуаций, концепции конфликта акционирования предприятий А.К. Зайцева, В.И. Герчикова; социально – психологическая теория конфликта «руководитель – подчиненные», как типа организационного поведения Ю.Д.Красовского.

Третья группа включает публикации 90-х годов: В.Н. Амелина, А.Н. Асадова, Н.С. Данакина, Л.А. Дятченко, П. Ковачека, А.С. Козлова, В.Н. Кудрявцева, М.М. Лебедевой, В.К. Липинского, П.А. Лунева, Н. Малиевой, Е.Н. Науменко, М.И. Негодиевой, Л.А. Петровской, С.Г. Пушкаревой, А.В. Соловьева, В.А. Соснина, В. Тарасова, Л.Б. Филонова, А.Н. Чуликова. В работах этих авторов рассматриваются экономические, организационные, правовые, социально-психологические аспекты предупреждения и профилактики, диагностики и прогнозирования трудовых конфликтов, что в совокупности, по мнению авторов, определяется понятием «управление» трудовыми конфликтами.

Особое внимание уделяется формированию у субъектов конфликта культуры спора, соблюдения требований и процедур ведения коллективных переговоров, создания специализированных конфликтологических служб и структур в организациях [3].

В.Н. Шаленко в своей работе также отмечает, что анализ эволюции теоретических исследований конфликта показал, что в 60-х годах обществоведы ограничивались общетеоретическими рассуждениями о характере и причинах неантагонистических противоречий и локальных нетипичных конфликтных ситуаций в рамках гармоничных социальных отношений. В конце 70-х и на протяжении 80-х годов ученые проводили исследования межлич-

ностных и внутригрупповых конфликтов лишь в отдельных трудовых коллективах. При этом доминировал акцент на межличностном конфликтном взаимодействии работников и социально-психологических факторах его возникновения, а внутриличностные конфликты практически не изучались. Лишь в связи с провозглашением политики «перестройки», стимулировавшей реальный переход от советского тоталитарного строя к демократическому рыночному обществу, открылись практические возможности для развертывания конфликтологических исследований в области экономики, производства и труда, что, несомненно, сказалось на качестве и широте научного исследования и практического освоения «поля» трудовой конфликтологии в целом [3].

Список литературы

1. Анцупов А.Я. Конфликтология: учеб. для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 539 с.

2. Дорин А.В. Экономическая социология: учеб. пособ. /А.В. Дорин. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1997. – 254 с.

3. Katz D., Kahn R. The Social Psychology of Organizations./ D.Katz, R.Kahn. 1967.

4. Шаленко В.Н. Управление трудовыми конфликтами на российских предприятиях в условиях становления социального партнерства: дисс. докт. социол. наук / В.Н. Шаленко. – М, 2001. – 451с.

5. Шаленко В.Н. Трудовые конфликты: методология, теория и управление. /В.Н. Шаленко. М., 2008. Рец. Сергеев С.А.; Социология управления. Учебник для магистратуры. М., 2008. Рец. Тихонов Л.Б.) // Социологические исследования. 2009. №5.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Богданов С.Д.
курсант, Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург

Стурза К.И.
преподаватель кафедры административной деятельности ОВД,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, Санкт-Петербург

В статье проводится анализ поручений высших должностных лиц Российской Федерации в сфере государственных закупок за счет бюджета в свете необходимости добиться эффективного расходования выделенных на эти цели средств и максимальной ориентации на возможности отечественных производителей.

Ключевые слова: государственные закупки, государственный заказ, государственный контракт, отечественный производитель, эффективность расходования бюджетных средств.

В период, когда Россия столкнулась с санкциями со стороны США, стран Европейского Союза и некоторых других стран особое значение приобретает эффективное расходование средств, выделяемых из бюджета страны на осуществление государственных функций в целом и в сфере государственных закупок в частности. Не секрет, что в указанной сфере есть еще много проблем. Этим и объясняется повышенное внимание со стороны руководителей Российской Федерации к вопросам эффективности государственных закупок. Так, например, на совещании по развитию микроэлектроники, состоявшемуся 29 сентября 2015 года, Президент России В. В. Путин заявил, что электронная продукция, современная компонентная база используются практически повсеместно: в быту, на производстве, в медицине, в образовании, в военной и космической сфере.

Речь идёт о спросе со стороны государства на поставки микроэлектронной промышленности и продукции в банковский сектор, здравоохранение, транспорт, связь, а также для оборота регистрационных документов. То есть по тем направлениям, где госорганы выступают регулятором и способны предъявить высокий спрос.

Координация этого масштабного заказа должна осуществляться на уровне Правительства, в профильной Комиссии по использованию информационных технологий. При этом обращаю внимание Правительства: государственный заказ должен ориентироваться именно на отечественного производителя. Прошу министерства и ведомства обеспечить всё необходимое для соблюдения этого условия [1].

В свою очередь Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев отметил, что по оценкам Минэкономразвития, объем закупок крупнейших компаний с государственным участием превышает 14 триллионов рублей в год, конечно, мы заинтересованы в том, чтобы выделяемые ресурсы расходовались наиболее экономно и рационально и в первую очередь на развитие наших отечественных предприятий. Несмотря на то что в последнее время ситуация начинает улучшаться проблем в этом направлении еще много. Прежде всего, это значительное завышение цен, по которым государственные компании закупают товары и услуги. Иногда они в разы превышают рыночную стоимость. В прошлом году почти половина государственных закупок была сделана у единственного поставщика. Предлагаемые меры по реформированию закупок позволят ежегодно экономить до 20% от выделяемых средств [2].

Если сравнить нарушения законодательства в сфере государственных закупок, которые преобладали еще год – два назад [3] то необходимо отметить, что имеют место новые способы обеспечить недобросовестным заказчикам преференции аффилированным с ними подрядчикам. На первое место в этом направлении выходит такой способ формирования потребности в государственной закупки как «маскировка» условий предлагаемого к заключению государственного контракта под конкретного зачастую единственного поставщика. Это достигается путем излишних мелких и очень конкретных требований к потенциальному участнику торгов, что-либо существенно уменьшает число потенциальных исполнителей (конкурентов), либо вообще делает невозможным участие в торгах «чужих» подрядчиков.

В этой связи не потеряли своей актуальности такие способы защиты от нарушения законодательства как общественный контроль в сфере госзакупок, разработка типовых государственных контрактов на однородные по сути закупки [4], но в тоже время в дополнение к указанным выше мерам защиты государственных интересов можно назвать и такие как:

- во-первых, организация подавляющего большинства государственных закупок посредством проведения электронных аукционов;

- во-вторых, законодательное урегулирование имеющихся в настоящее время разногласий в области организации работ электронных площадок в части их ответственности перед государственными заказчиками, размещающими на них свои аукционы;

- в-третьих, унификация наименований однородных закупок с целью сделать невозможным путем различных формулировок заданий привязать государственный контракт к конкретному и чаще всего единственному поставщику или исполнителю.

Список литературы

1. Путин В.В. Стенограмма совещания по развитию микроэлектроники, состоявшемуся от 29 сентября 2015 года. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/50397.

2. Медведев Д.А. Стенограмма совещания о повышении эффективности расходов государственных корпораций и компаний с государственным участием. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://government.ru/news/19837/#sel

3. Стурза, К.И. Анализ нарушений законодательства в сфере размещения заказов для государственных нужд [Текст] //Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – 2012. – №1. – С.100-103.

4. Стурза, К.И. К вопросу о защите интересов государственного заказчика при размещении заказов, заключении и исполнении государственных контрактов [Текст] //Мир экономики и права – 2012. – №7. – С. 39-44.

РОЗЫСК ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Большаков А.П.
доцент кафедры предварительного следствия, кандидат юридических наук,
Волгоградская академия МВД России, Россия, г. Волгоград

В статье анализируется борьба с преступностью экстремистской направленности в России за последние годы, отмечается как усиление экстремистской деятельности, так и улучшение деятельности правоохранительных органов в этом направлении, приводятся меры оптимизации розыска лиц экстремистской направленности через сеть Интернет, указываются наиболее оптимальные меры борьбы с экстремизмом.

Ключевые слова: экстремизм, розыск лиц, объекты розыска.

В настоящее время экстремизм создает предпосылки для разработки механизма противодействия его проявлений в общественном сознании граждан, осуществляется выработка определенных устоев для противостояния этому злу. По мнению отдельных ученых, [3] в последнее десятилетие в России наметилась тенденция экстремизации массового сознания, что нашло отражение в распространении нетрадиционной религиозности, неонацистских и националистических движений и, как следствие, – в росте числа преступлений, сопряженных с экстремизмом.

Выступая на заседании Совета Федерации в апреле 2013г., Генеральный прокурор России Юрий Чайка в своем докладе «О состоянии законности и правопорядка в РФ за 2012 год», отметил, что за последние 9 лет в несколько раз возросло число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности [1]. По официальным данным в 2004 году было зарегистрировано 130 экстремистских преступлений, а в 2012 – уже 696. Эксперты Центра «СОВА», такой рост связывают, прежде всего с тем, что правоохранительные органы гораздо активнее, чем в прошлом занимаются мониторингом социальных сетей на предмет наличия в них экстремистских высказываний, видео- или аудироликов, статей, картинок и прочего. Такие правонарушения легко выявлять и раскрывать, ведь социальные сети крайне популярны среди молодежи, а том числе – ультраправой, а при регистрации пользователи вводят личные данные, которые администраторы сетей легко предоставляют правоохранительным органам. Этот тезис хорошо иллюстрируется статисти-

кой по количеству приговоров за совершение подобных правонарушений. Если в 2004 году приговоров за пропаганду ненависти было только 3, то в 2012 их стало не менее 82 [4].

Стоит отметить, что не все лица, совершившие такие преступления, привлекаются к уголовной ответственности. Причины здесь самые различные. Во-первых, это сокрытие лица (лиц) сразу после совершения им (ими) преступления. Во-вторых, сокрытие лица, (подозреваемого, обвиняемого) и применения к нему меры пресечения, не связанной с лишением свободы. В том или ином случае работникам правоохранительных органов приходится осуществлять розыск таких лиц.

Перед тем как воспользоваться правовым механизмом для объявления в розыск лица, уклоняющегося от следствия, следователь должен убедиться и получить объективные данные о том, что подозреваемый или обвиняемый в таких преступлениях, действительно скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам. Следователь должен исключить несчастный случай с ним, смерть, нахождение в больнице, арест по другому уголовному делу и другие обстоятельства. С этой целью лицо, производящее предварительное следствие, имеет право давать письменные поручения органам дознания о производстве следственных и иных процессуальных действий, а также требовать от органов дознания содействия в проведении отдельных следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление места пребывания лица.

Действительно, по делам экстремистской направленности, своевременно объявленный розыск, в рамках расследуемого уголовного дела, позволяет в сжатые сроки обнаружить и задержать подозреваемого (обвиняемого). Однако, не всегда удается объявить розыск, в сроки отведенные для предварительного расследования, поскольку обстоятельства каждого уголовного дела различны, но чем скорее объявлен розыск, тем больше вероятности, что лицо, совершившее преступление, будет обнаружено. Изучение приостановленных уголовных дел показывает, что объявление розыска откладывается до последнего момента, то есть до истечения срока предварительного следствия, хотя необходимость в этом возникает гораздо раньше [2; 5, с.71;].

Розыск таких обвиняемых, должен осуществляться посредством проведения следственных и розыскных действий. Обычно говорят о розыскных действиях процессуального, не процессуального и организационно-технического характера.

Так, Н.В. Шувалов, анализируя процессуальные действия розыскного характера, подчеркивает, что, осуществляя их, следователь вправе: а) производить допросы подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, иных лиц, которым известны назначение и признаки объектов розыска и места их возможного нахождения, а также располагающих иными сведениями, способствующими розыску; обыски в местах предполагаемого нахождения объектов розыска; выемки документов; наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию обвиняемых, их родственников, знакомых; другие следственные действия по собиранию информации об объектах розыска и их обнару-

жению; б) объявлять розыск, скрывшегося обвиняемого; в) давать розыскные поручения органам дознания; г) привлекать общественность к оказанию содействия в розыске [6, с. 109].

Рассматривая не процессуальные розыскные действия, следует выделить такие как[7, с.51; 8, с. 217; 9, с. 146; 10, с.21; 14, с. 56; 15, с. 67;]: направление следователем запросов в различные органы, организации, предприятия, учреждения; подомовые и поквартирные обходы, беседы с членами трудовых коллективов и представителями других социальных групп в целях получения информации, используемой для розыска, привлечение граждан к участию в нем; осуществление проверок по учетам ОВД; изучение архивных уголовных дел и так называемых «отказных материалов», а также материалов расследуемых дел и проводимых проверок (с разрешения соответствующих должностных лиц); непосредственное наблюдение за поведением определенных лиц, соблюдением контрольно-пропускного режима на предприятиях, порядком выполнения тех или иных производственных операций, движением транспорта; организация проведения органами дознания различных поисковых мероприятий; и т.д.

В заключении следует отметить, что система и последовательность действий при подготовке и осуществлении розыска обвиняемого, совершившего преступления экстремисткой направленности может быть представлена следующим образом: а) определение объекта розыска; б) изучение имеющихся сведений о признаках объекта, его связях и отношениях, в том числе о месте его возможного нахождения; в) собирание недостающей информации об объекте розыска, его связях и отношениях; в) систематизация, анализ и оценка собранной информации; г) построение версий о не установленных признаках объекта, имеющих значение для розыска; д) создание мысленной модели (образа) объекта розыска, осуществляемое с использованием как достоверных, так и предположительных знаний о его признаках; с) фиксация (в текстуальной, графической или иной форме) и изучение модели объекта розыска, а в необходимых случаях и тиражирование ее; к) разработка, с учетом обстоятельств дела, информации, содержащейся в упомянутой модели, программы розыска с отражением в ней направлений работы, задач, подлежащих решению, методов и сроков их решения (то есть речь идет, собственно, о планировании); л) реализация намеченной программы; м) анализ и оценка полученных результатов и принятие решения о завершении или продолжении розыска[11, с. 125; 12, с. 56; 13,с. 109;16, с. 98;17, с.126; 18, с. 101].

Список литературы

1. О состоянии законности и правопорядка в РФ за 2012 год: выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Чайки 17 апреля 2013 года в Совете Федерации с докладом.

2. Коловоротный А.А. Особенности производства допроса подозреваемых и обвиняемых при расследовании организации преступного сообщества и участия в нем // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2013. Вып.1(45). С. 54-58;

3. Скориков Д.Г. Организация взаимодействия следователя с оперативными службами при расследовании преступлений, совершенных экстремистскими организациями //

Современные гуманитарные проблемы: сб. науч. тр. / редкол.: *П.В. Анисимов* и др. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. Вып. 13. С. 131-139;

4. Число зарегистрированных экстремистских преступлений в РФ возросло // РИА Новости. 2013. 17 апреля. http://www.sova-center.ru/racism

5. Никонович С.Л. Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования // Закон и право. М., 2011. № 10.

6. Шувалов Н.В. Тактические особенности деятельности следователя по предупреждению уклонения и розыска скрывшихся обвиняемых // Современные проблемы криминалистики: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Б.П. Смагоринского. Волгоград, ВЮИ МВД РФ, 1999. С. 107 – 110.

7. Никонович С.Л. Структура организованных преступных групп, совершающих преступления в сфере оборота драгоценных металлов и камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Мир экономики и права. 2013. № 9.

8. Никонович С.Л. К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – драгоценных металлов и драгоценных камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5.

9. Никонович С.Л. К вопросу об осмотре места происшествия по делам о хищениях драгоценных металлов и драгоценных камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10.

10. Никонович С.Л. Особенности проведения осмотра на таможне по делам о незаконном обороте драгоценных металлов и камней // Армия и общество. 2013. № 1(28).

11. Криминалистика [Текст]: учеб. пособие / Никонович С.Л., Могутин Р.И., Бирюков С.Ю., Галузо В.Н., Брусенцева В.А.; под ред. М.В. Кардашевской. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. 420с.

12. Организация расследования общеуголовных преступлений [Текст]: учеб. пособие / Бирюков С.Ю., Галузо В.Н., Зайцева Е.В., Клочков А.В., Ковалев А.С., Никонович С.Л., Попова О.А., Решняк О.А., Черменева С.С., Шувалов Д.Н., Янина Т.Н. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. 89с.

13. Никонович С.Л. Типичные следственные ситуации и организация расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28).

14. Уголовно-исполнительное право [Текст]: практикум / Бугера Н.Н., Стрилец О.В., Канубриков В.А., Бугера М.А., Никонович С.Л., Климов А.С., Авдалян А.Я., Галузо В.Н. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. 318с.

15. Кардашевская М.В., Никонович С.Л., Абрамов В.А. Криминалистические проблемы расследования отдельных видов хищений [Текст]: монография. – Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2013. 256с.

16. Абрамов В.А., Никонович С.Л., Могутин Р.И., Бирюков С.Ю. Уголовно-процессуальное право в вопросах и ответах [Текст]: учеб. пособие. – Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. 358с.

17. Никонович С.Л. Уголовно-правовая охрана драгоценных металлов и камней в Российской Федерации [Текст]/ С.Л. Никонович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1.

18. Никонович С.Л. Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения [Текст]/ С.Л. Никонович // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9.

ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Ботоева Ч.К.
начальник кафедры Государственно-правовых дисциплин, к.ю.н., доцент,
Академия МВД Кыргызской Республики, Кыргызстан, г. Бишкек

В статье рассматриваются вопросы, посвященные классификации функций государства по принципу разделения государственной власти на три ветви. Согласно концепции разделения властей каждая из них – законодательная, исполнительная и судебная – имеет свое предназначение (функции) и наделяется соответствующей компетенцией. В данном случае речь идет о специфическом разделении труда в области государственного управления обществом. С этой точки зрения, можно говорить о законодательных, управленческих и судебных функциях государства.

Ключевые слова: функции государства, классификация функций государства, теория разделения властей в государстве, принцип сдержек и противовесов.

Немаловажную роль в теории функций государства играют вопросы их классификации. Как правильно отмечает Б.Т. Токтобаев «классификация, в исследовании теории функций государства играет важнейшую роль, поскольку она учитывает разнообразие функций, многоаспектность государственной деятельности, а также множественность связей государства с другими социальными явлениями, этапность его эволюции, что тем самым дает представление о функционирующем государстве как об эволюционирующем и действующем социальном явлении» [12, с. 40].

Классификация функций государства имеет своей непосредственной целью создание условий для их более глубокого и разностороннего изучения и более эффективного применения. Она дает возможность вырабатывать практические рекомендации по совершенствованию основных направлений деятельности – функций государства не вообще, а дифференцированно, применительно к их отдельным видам, группам или даже – к отдельно взятым функциям [11, с. 84].

В юридической теории, а отчасти, и в практике существует множество оснований (критериев) классификации функций государства. Их подразделяют, например, на основании территориального масштаба, в пределах которого они реализуются [5, с.136-137], в зависимости от продолжительности их существования [13, с. 125], по сфере государственной деятельности [6, с. 15], по целям и задачам, по формам их реализации [12, с. 166].

Некоторые авторы полагают, что для государства характерны те функции, которые касаются его основной сущности – осуществления политической власти. Исходя из этого, предлагается классифицировать функции государства на основе принципа разделения властей.

Данная классификация вызывает определенный интерес, поэтому рассмотрим ее более подробно.

Проблемам теории разделения властей в государстве было посвящено немало работ. Одни авторы считают основоположником этой теории фран-

цузского мыслителя Ш. Монтескье, другие идут глубже, называя древнегреческих мыслителей.

Так, например, интересный анализ исторических корней доктрины разделения властей, начиная с Платона, Аристотеля и Полибия, дает А.М. Барнашов в своем исследовании «Теория разделения властей: становление, развитие, применение». Автор находит характерные цитаты у Платона, который различал законодательство, управление и правосудие как формы государственной деятельности, а также у Аристотеля, различавшего такие «элементы» политического устройства, как законодательный орган, административную магистратуру и судебные органы. Важно, что оба великих древнегреческих мыслителя говорили об «идеальном», совершенном государстве, т.е. давали доктринальное толкование проблемы [4, с. 23-27].

Еще дальше в своих выводах о теории разделения властей пошел П.Д. Баренбойм, который считает, что доктрина разделения властей находит свое начало в Библии, «именно там впервые независимая судебная власть противопоставлена власти царской» [3, с. 12]. И далее отмечает, что «зарождение доктрины разделения властей произошло тогда, когда судейская, судебная власть была признана наделенной таким же божественным началом, как и царская, исполнительная власть, признана равной этой власти, а в библейском варианте еще и первичной по отношению к царской власти» [3, с. 24].

Так или иначе, но следует признать, что разделение властей как философская, политическая, а главное, правовая доктрина имеет глубокие исторические корни и согласиться, в определенной степени, с утверждением В.В. Абашмадзе о том, что «учение о разделении властей так же старо, как и сами государство и право» [2, с. 4].

Основоположником же современной теории разделения властей, как гарантии политической свободы, считается выдающийся французский мыслитель Ш.Л. Монтескье. Разделяя три ветви власти, он еще не приходит к идее о равноправии их, считая, как и Д. Локк, законодательную власть высшей, а исполнительную «ограниченной, по своей природе» [9, с. 295]. Однако он пошел дальше Д. Локка и вывел еще один важный принцип: должно быть не только разделение властей, но и их взаимное сдерживание. В своих работах он указывал, что «необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [9, с. 289]. Таким образом, создается система «сдержек и противовесов», препятствующая узурпации каким-либо органом или человеком всей полноты власти.

Теория разделения властей получила свое дальнейшее развитие, как в теоретических трудах мыслителей последующих лет, так и в практической деятельности государств, заложивших этот принцип в основу построения своей государственности [8, с. 29].

В настоящее время принцип разделения властей, в качестве основополагающего принципа государственной власти, закреплен во всех конституциях стран СНГ.

Данный принцип закреплен и в Конституции Кыргызской Республики. Так, в статье 3 Конституции подчеркивается, что государственная власть основывается на принципе разделения государственной власти [1, ст. 3].

Законодательная власть – представительная. На основе выборов народ передает власть своим представителям и таким образом уполномочивает представительные органы осуществлять государственную власть.

Исторически сложилось так, что в круг полномочий парламента входят прежде всего принятие законов, утверждение бюджета, контроль над правительством в виде запросов, обсуждения его деятельности, иногда отчетов. Но главным в деятельности парламента остается осуществление законодательной власти. Основное внимание парламента сосредоточено на законотворческой деятельности – принятие законов, внесение изменений и дополнений в Конституцию и другое.

Парламент является важнейшим институтом в триаде разделения властей, поскольку обладает возможностями влиять на каждую из них. Действительно, обладая исключительным правом издания и изменения законов, парламент определяет рамки, в которых действуют другие ветви власти. Утверждение бюджета, контроль за исполнением бюджета – прерогатива парламента. Право запроса любой информации от любого должностного лица, право создавать комиссии для различных расследований, право осуществлять контроль за работой правительства и должностных лиц исполнительной власти подтверждают, что парламент в определенной степени оказывает влияние на другие ветви власти. Однако это не означает и не должно означать полновластия законодательных органов, так как только народ обладает всей полнотой государственной власти. Он передает часть принадлежащей ему власти своим представителям на определенных условиях и на определенное время.

Что же касается исполнительной власти, то она предназначена для исполнения законов, издаваемых органами законодательной власти. Во исполнение законов ей предоставлено право активных действий, а также право принятия подзаконных нормативных актов. Подзаконность деятельности органов исполнительной власти – важнейший момент в их правовом положении. Все действия и акты соответствующих органов основываются на законе, не должны ему противоречить, направлены на исполнение закона. Отсюда их название – исполнительные [10, с. 281-282].

Исполнительная власть реализуется в деятельности специальных субъектов, наделенных исполнительной компетенцией. Именно ей подчинены все силовые структуры – вооруженные силы, внутренние войска, специальные подразделения и прочие. Все это указывает на то, что именно исполнительная власть имеет объективную основу и наибольшие возможности для узурпации всей полноты власти. Поэтому здесь важны действенные механизмы сдержек и противовесов, при этом, как и вообще, применительно к любому государству, «сдерживанию» подлежит в первую очередь исполнительная власть.

Следует отметить, что еще остаются не решенными проблемы взаимодействия исполнительной власти с другими ветвями и институтами государственной власти. Именно на этом участке проявляется незавершенность при-

менения доктрины разделения ветвей власти в организации структур и механизмов функционирования государств.

Одним из основополагающих принципов демократии является функционирование независимой судебной власти, наряду с законодательной и исполнительной ее ветвями. Судебная власть играет особую роль, как в механизме государственной власти, так и в системе сдержек и противовесов. Это объясняется тем, что основная функция судебной власти – осуществление правосудия, которая не может выполняться какими-либо другими органами. В этом и гарантия независимости суда, и гарантия прав и свобод граждан и государственности в целом.

Судебной власти должно принадлежать решающее слово по наиболее принципиальным вопросам, касающимся права и законности, в том числе, разумеется, и по вопросу конституционности и законности самих законов и других нормативных актов. Соответственно предметом ведения или деятельности судебной власти должны стать все без исключения правовые споры. Служить надежным арбитром в правовом споре между гражданином и государством, быть прочной защитой от попыток любой из ветвей власти узурпировать всю власть в государстве либо злоупотреблять ею способен лишь подлинно независимый суд [7, с. 140].

Назначение судебной власти – охрана граждан от любого произвола, как со стороны других членов общества, так и от неправильных действий органов государства, его должностных лиц. Причем у суда есть определенные преимущества по сравнению с законодателем в оперативности приведения правопорядка в соответствие с требованиями жизни. Обращаясь к толкованию конституции и права, суд может использовать аналогию закона и аналогию права, то есть принимать решения, руководствуясь не только буквой, но и духом закона, аксиомами и принципами права. Речь идет, прежде всего, об экстремальных, исключительных ситуациях, особенно в процессах, обеспечивающих такое распределение и баланс двух других ветвей власти, которые, в конечном счете, гарантировали бы господство права и справедливости в обществе [10, с. 284].

Таким образом, разделение властей ни в коем случае нельзя понимать как их противостояние. Напротив, конституция должна исключать такую возможность. Согласно концепции разделения властей каждая из них – законодательная, исполнительная и судебная – имеет свое предназначение (функции) и наделяется соответствующей компетенцией; власти самостоятельны и независимы в реализации своих полномочий; обладают возможностью взаимно сдерживать и контролировать друг друга. Ни одна из властей не может принять на себя функции другой; но действовать обособленно она также не в состоянии. Поэтому власти должны взаимно дополнять друг друга, сохранять необходимую связь и согласованность, образуя единый «политический организм», функционирующий для блага народа [10, с. 258].

Данная классификация функций вызывает спор у определенных ученых-юристов. Дело в том, что это, как считают некоторые ученые, собственно, не функции государства, а функции осуществления государственной власти или механизм реализации государственной власти:

правотворчество, управление, судебная деятельность и т.д. Происходит, по их мнению, смешение функций государства и государственной власти. Однако, на наш взгляд, в данном случае речь идет о специфическом разделении труда в области государственного управления обществом. С этой точки зрения, можно говорить о законодательных, управленческих и судебных функциях государства.

Список литературы

1. Конституция Кыргызской Республики в редакции Закона КР от 27 июня 2010 года «О введении в действие Конституции Кыргызской Республики» // Газета «Эркин Тоо». – 2010. №61 (1981).
2. Абашмадзе, В.В. Учение о разделении государственной власти и его критика [Текст] / В.В. Абашмадзе. – Тбилиси, 1972. – 4 с.
3. Баренбойм, П.Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера [Текст] / П.Д. Баренбойм. – М., 1996. – 12, 24 с.
4. Барнашов, А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение [Текст] / А.М. Барнашов. – Томск. 1988. – 23-27 с.
5. Денисов, А.И. Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции [Текст] / А.И. Денисов // Государство и право. – 1983. – №10. – 136-137 с.
6. Загайнов, Л.И. Экономические функции Советского государства [Текст] / Л.И. Загайнов. – М., 1986. – 15 с.
7. Ковалев, М.А. Судебная власть – начало пути [Текст] / М.А. Ковалев // Советское государство и право. – 1991. – №10. – 140 с.
8. Маклаков, В.В. Конституции буржуазных государств [Текст] / В.В. Маклаков. – М., 1982. – 29 с.
9. Монтескье, Ш.Л. Избранные произведения [Текст] / Ш.Л. Монтескье. – М., 1955. – 289, 295 с.
10. Общая теория права и государства [Текст] / В.В. Лазарев / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1994. – 258, 281-282, 284 с.
11. Теория государства и права [Текст] / М.Н. Марченко / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1998. – 84 с.
12. Теория государства и права [Текст] / Н.А. Катаев, В.В. Лазарев / Под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. – Уфа, 1994. – 166 с.
13. Токтобаев, Б.Т. Функции государства [Текст] / Б.Т. Токтобаев. – Бишкек, – 40 с.
14. Черноголовкин, Н.В. Теория функций социалистического государства [Текст] / Н.В. Черноголовкин. М., 125 с.

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ботоева Ч.К.

начальник кафедры Государственно-правовых дисциплин, к.ю.н., доцент, Академия МВД Кыргызской Республики, Кыргызстан, г. Бишкек

В статье рассматриваются вопросы посвященные проблеме прав и свобод человека, его взаимоотношений с государством, вопросы необходимости ограничения сферы государственного управления разумными границами. В современном демократическом обществе, функции государства должны быть ограничены определенными пределами во имя

прав и свобод человека и гражданина. Эти ограничения призваны обеспечивать автономию личности от государственного вмешательства в некоторые наиболее значимые для человека сферы жизнедеятельности и гарантировать положение личности в ее отношениях с государством и его органами.

Ключевые слова: демократия, права человека, пределы осуществления функций государства, границы государственной деятельности.

Проблемы демократии, политического режима и прав человека зависят от того как государство как правовая организация публичной политической власти выполняет определенные функции по отношению к обществу – совокупности индивидов, объединенных обменными отношениями [9, с. 30].

Деятельность любого современного правового государства не может быть безграничной, поэтому существуют определенные пределы осуществления функций государства, иначе превышение пределов ведет к тоталитаризму, фашизму, а слабая деятельность – к социальным взрывам и нищете.

На предел реализации государственных функций, еще в свое время, обратил внимание А.М. Витченко, который отмечал: «Надо ставить более общую проблему – допустимых возможностей в государственной деятельности, учитывая при этом, что содержание, направление и форма осуществления функций обуславливаются, в конечном счете, закономерностью, определяющей границы государственной деятельности» [2, с. 10].

О необходимости ограничения сферы государственного управления разумными границами, указывал и М.И. Пискотин, обращая внимание, во-первых, на то, что возможности государственного управления не беспредельны, а чрезмерная перегрузка государства большим числом задач и функций ведет к снижению их выполнения и, во-вторых, неоправданное повышение «меры управляемости» в той или иной степени идет за счет соответствующего ограничения самостоятельности и самодеятельности людей и их объединений [5, с. 233].

Как известно, существуют две основные модели соотношения общества и государства – либерализм и этатизм. С позиции либерализма, чем меньше государство вмешивается в сферу гражданского общества, тем лучше для этого общества. Либеральное в функциональном отношении государство изображалось в образе «ночного сторожа», полностью предоставляющего гражданское общество механизмам саморегулирования. Этатизм же наоборот занимает противоположную позицию в этом вопросе: чем больше вмешательство государства (в пределах разумного), тем лучше гражданскому обществу.

На основе модели либерализма была выдвинута, так называемая, теория индивидуальной свободы человека, неотделимая от обязанности государства гарантировать эту свободу от чьего-либо, в том числе и своего, вмешательства в эту сферу.

Сторонники данной теории свободу считали высшей ценностью, обеспечивающей развитие индивидуальности и своеобразие личности, устраняющей «уподобление» людей друг другу. Государственное невмешательство – главное условие обеспечения этой свободы.

Однако демократия, как правильно отмечается в юридической литературе, – это не только права и свободы и реальное пользование ими, но – это и ответственность всех членов общества. Приоритет прав и свобод человека не должен пониматься как безграничная свобода человека. Свобода человека, не ограниченная правом, нарушающая свободу других, причиняющая вред общим интересам – превращается в произвол. Поэтому особо важным вопросом является вопрос о пределах вмешательства государства в частную жизнь людей и вопрос об ответственности граждан перед государством и обществом [8, с. 59].

Согласно мнения В.С. Нерсесянца: «Классический либерализм, отстаивавший максимальную свободу индивида, сводил государственное вмешательство в сферу гражданского общества к минимальным функциям государства. При этом минимальные функции государства направлены на решение двух основных задач, стоящих перед любым государством, на всех этапах исторического развития государственности. Сюда относятся: 1) обеспечение свободы, безопасности и собственности (правовая функция) и 2) создание системы коммуникаций» [6, с. 630].

Что касается первой функции, то направленность деятельности любого государства на решение правовой задачи, подтверждает тезис либертарной теории о том, что государство – это институциональная форма свободы.

Как отмечает В.А.Четвернин, «смысл либертарной-юридической теории заключается в том, что понятие права объясняется через понятие свободы, точнее, через это понятие дается общее понятие права и государства. Причем свобода в любом сообществе, свобода членов этого сообщества, возможна лишь как равная свобода. Иначе говоря, если в некоем сообществе у одних больше свободы, чем у других, то те, у которых ее меньше, по существу несвободны по отношению к тем, у кого этой свободы больше, и т.д. » [10, с. 5].

Далее, анализируя смысл либертарно-юридической теории В.А. Четвернин, приходит к выводу, что «с точки зрения либертарно-юридической теории у права есть своя самостоятельная сущность, которая не сводится к сущностям других социальных явлений. Иначе говоря, право можно объяснить только через право, у права есть своя сущность – правовая, а не силовая, не моральная и т.д. Сущность права – это равная свобода, и право – необходимая форма свободы. Не сила, не мораль, а свобода» [10 с. 6-7].

Что касается второй функции, то есть создания системы коммуникаций, то любое государство – как организация публичной, политической власти, распространяющейся по территориальному принципу, должно создавать коммуникации, по меньшей мере, необходимые для территориального управления (транспорт, связь). Все коммуникации, которые необходимы обществу в целом и не под силу субъектам частной сферы или не могут быть надежно обеспечены в случае перехода в сферу гражданского общества, остаются задачей государства.

В рамках этатизма различаются два варианта регулирующего воздействия государства на общество – авторитарный и демократический этатизм.

Авторитарный этатизм означает такой способ властного воздействия на общество, при котором блокируется действие механизмов саморегулирования, но они не разрушаются, гражданское общество не подавляется.

Противоположность авторитарному этатизму составляет демократический этатизм, который воплощен в теории и практике «государства всеобщего благоденствия» или социального правового государства. Это такой вариант этатизма, при котором параметры и пределы государственного вмешательства, особенно в экономику, определяются потребностями гражданского общества, точнее, большинством субъектов гражданского общества.

Данный подход, не отрицает значимость индивидуальной свободы, но стремится сочетать ее с равенством, с участием государства в обеспечении равенства личностей. Основоположником такой концепции был Ж.Ж. Руссо, считавший, что принципу равенства должно быть подчинено все, в том числе и власть, задача которой – обеспечение равенства [4, с. 6].

Главной ценностью правового государства является человек, его жизнь, права и свободы. Поэтому в качестве основного принципа правового государства определяется принцип полноценного фактического обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Как правильно отмечается, «права человека – неотъемлемое, неотчуждаемое достояние всего человеческого рода. Какие бы события и действия ни совершались в этом мире, какие бы научные открытия ни входили в него, они не должны негативно влиять на положение человека, его права и свободы. В этом состоит суть человеческого измерения всех процессов мирового и национального развития, выдвигающего ценностный ориентир в развитии общественных процессов – права человека» [1, с. 481].

Незыблемость прав и свобод человека и гражданина – основа правопорядка. Лишь там, где соблюдаются права и свободы, общество гарантировано от произвола, репрессий, диктатуры кого бы то ни было [8, с. 63].

В современном демократическом обществе определяющими являются интересы человека, его права и свободы, которые должны находиться в гармонии с общественными, публичными (государственными) интересами, с коллективными правами общностей (национальных и иных меньшинств, общественных и иных объединений, групп, слоев граждан и т. д.). Возникающие между ними реальные противоречия должны разрешаться в пользу интересов человека, в целях осуществления его прав и свобод.

По мнению П.М. Рабиновича, в любом обществе свобода каждого отдельного человека зависит, во-первых, от уровня свободы, достигнутого обществом в целом (по отношению к природе и к самому себе), а во-вторых, от его индивидуального, личного участия в общественной свободе, мерой которого является сравнение со степенью свободы другого человека. Следовательно, вопрос сводится к тому, как распределяются возможности (свобода) всего общества между отдельными его индивидами [7, с. 101].

В ходе исторического развития общества объем, и содержание прав человека, которые рассматриваются в качестве естественных и неотъемлемых прав человека меняется, но на каждом этапе такого развития существует определенный, объективно обусловленный их уровень, который и должен

быть обеспечен государством. При этом терпят неудачу попытки искусственно расширить эти права: общество просто не способно их обеспечить, поскольку это превышает реальные возможности экономики.

Отступление от эквивалентности и равенства, стремление заменить их по своему выбору одной из сторон, навязать выгодные ей представления об этих ценностях всему правовому сообществу с нарушением уже сложившихся и признанных масштабов поведения есть произвол. Если отступление от правовых начал совершается государством, то мы имеем дело с государственным произволом, даже если он облечен в форму закона.

Только при условии подчинения государства праву оно выполняет свое главное предназначение – реализацию свободы в обществе, которая при этом не нарушает общего блага, свободы других. Государство не должно относиться к личности как средству, а только как к цели. В этой связи в конституционном праве требование уважения личности со стороны государства рассматривается как критерий отношения государства к личности и ее правовому статусу как высшей социальной ценности.

Давая оценку современному состоянию Кыргызской Республики, можно употребить слова С.А. Ковалева, который когда-то применительно к России отмечал: «Ни о каком прогрессе в области прав человека не приходится говорить, если между властью и обществом по-прежнему будет стоять стеной отчужденная от общества бюрократия, озабоченная лишь удержанием в своих руках рычагов власти. Государство никогда не станет ни правовым, ни демократическим, если власть по-прежнему останется неким таинством, а не понятным для каждого рабочим механизмом решения общих задач» [3].

В связи с этим, необходимо, чтобы государство в лице его органов, должностных лиц реально сознавало свою ответственность, свои обязанности, вытекающие из закрепленных в Конституции прав и свобод граждан. В этих целях следует больше использовать в Конституции Кыргызской Республики формулировки, устанавливающие обязанности государства обеспечить реализацию прав и свобод человека. Это будет способствовать тому, чтобы должностные лица содействовали гражданам в реализации их правомочий.

Таким образом, соблюдение прав и свобод человека должно быть обеспечено всегда и их реализация не должна зависеть от социально-политических, экономических, культурных и иных особенностей отдельно взятого государства.

Поэтому, функции государства должны быть ограничены определенными пределами во имя прав и свобод человека и гражданина. Эти ограничения призваны обеспечивать автономию личности от государственного вмешательства в некоторые наиболее значимые для человека сферы жизнедеятельности и гарантировать положение личности в ее отношениях с государством и его органами.

Список литературы

1. Бусурманов, Ж.Д. Евразийская концепция прав человека [Текст] / Ж. Д. Бусурманов. – Алматы, 2006. – 481 с.

2. Витченко, А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти [Текст] / А. М. Витченко. – Саратов, 1982. – 10 с.
3. Ковалев, С.А. Наше будущее – свободные граждане свободной страны [Текст] / С. А. Ковалев // Российская газета. М., 1994.
4. Лукашева, Е.А. Социальное государство и защита прав человека [Текст] / Под ред. Е. А. Лукашевой. – М., 1994. – 6, 21с.
5. Пискотин, М.И. Социализм и государственное управление [Текст] / М. И. Пискотин. – М., 1984. – 233 с.
6. Проблемы общей теории права и государства [Текст] / В. С. Нерсесянц / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 2001. – 630 с.
7. Рабинович, П.М. Социалистическое право как ценность [Текст] / П. М. Рабинович. – Львов. 1985. – 101 с.
8. Сапарбекова, Э. К. Правовое государство и практика реализации его положений в современный период: теоретическое исследование [Текст] : дис. … канд. юрид. наук / Э.К. Сапарбекова. – Бишкек, 2010. – 59, 63 с.
9. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права [Текст] / Л.И. Спиридонов. – М., 1996. – 30 с.
10. Четвернин, В.А. Современная либертарно-юридическая теория [Текст] / В. А. Четвернин // Ежегодник либертарно-юридической теории. – 2007. – № 1. – 5-7 с.

ФОРМЫ И ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Брунер Т.Ю.
студентка 3 курса,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются формы и виды государственно-частного партнерства, выявляются особенности нормативно-правовой регламентации форм государственно-частного партнерства в современной России.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, концессия, лоббизм, государственное управление.

Мировая практика показывает, что без государственно-частного партнерства (далее ГЧП) прогрессивное развитие и функционирование современных национальных инновационных систем практически невозможно [2, с.545]. В этой связи интерес к государственно-частному партнерству как форме сотрудничества органов публичной власти и бизнеса подчеркивается во многих документах, определяющих направление государственной политике. Безусловно, избрание форм и приемлемых видов ГЧП предопределяется рядом политических и социально-экономических факторов, характерных для того или иного государства[3,с.8]. Так, интерес в научно-исследовательском плане представляет подход предложенный Я.В. Коженко, которая рассматривают ГЧП как инструмент сервисной концепции государственного управления [4, с.12]. В целом обобщая анализ юридической литературы целесообразно сделать вывод о том, что к самым распространенным видам государ-

ственно-частного партнерства относятся такие как публичное партнерство (партнерство в публично-правовой сфере), социальное партнерство (партнерство в социально-трудовой сфере), экономическое партнерство (партнерство в сфере экономики) [5, с.45]. Большинство экспертов в области государственно-частного партнерства, обобщая отечественный и мировой опыт, выделяют следующие его формы. Первую форму представляет собой контракт (административный договор) – эта форма ГЧП представляет собой договор, заключаемый между государством и частным партнером на осуществление общественно необходимых и полезных видов деятельности. Система административных контрактов достаточно широко используется в хозяйственной практике органов государственной власти, как за рубежом, так и в России [6, с. 464; 7, с. 1039]. Такая форма партнерства не предполагает передачи права собственности частному партнеру. Вторая форма ГЧП это (концессионное соглашение) – специфическая форма отношений между государством и частным партнером. Третья форма это соглашения о разделе продукции. Данная форма партнерских отношений между государством и частным бизнесом частично напоминает традиционную концессию. В мировой практике соглашения о разделе продукции как форма партнерских отношений между государством и частным бизнесом активно используются в сфере нефтяного бизнеса. Раздел продукции между государством и инвестором, его условия и порядок определяются в соглашении. Четвертая форма – совместные предприятия являются достаточно распространенной формой партнерства государства и частного бизнеса, которая характеризуется самостоятельностью и свободой в принятии решений частным партнером. Существенной особенностью совместных предприятий любого типа является то, что государство постоянно участвует в текущей производственной, административно-хозяйственной и инвестиционной деятельности. Однако, принятие 13 июля 2015 года Федерального закона № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» внес конкретику в развитие института ГЧП в современной России. Закон закрепил в качестве легальной формы лишь прямое соглашение, представляющее собой гражданско-правовой договор, заключенный между публичным партнером, частным партнером и финансирующим лицом в целях регулирования условий и порядка их взаимодействия в течение срока реализации соглашения, а также при изменении и прекращении соглашения. В России имеется масштабный потенциал для развития многих форм ГЧП, однако для его практической реализации необходима политическая воля и нормативное закрепление [1, с.28]. В целом, анализ многообразия правовых форм и видов ГЧП, дают возможность для сравнительного анализа и выявления наиболее оптимальных моделей для Российской Федерации.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского государственного научного фонда (РГНФ)№ 15-33-0121. «Государственно-частное партнерство в России: проблемы институционального развития и противодействия злоупотреблениям властью».

Список литературы

1. Варнавский В. Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М.: Наука, 2005. С. 28, 36.
2. Коженко Я.В. Принципы сервисного государства: теоретико-правовой аспект. // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 545.
3. Коженко Я.В. Институционально-правовые формы лоббистской деятельности в современной России. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2007.С.8.
4. Коженко Я.В. Проблемы и перспективы развития сервисного подхода в системе государственного управления на примере электронного правительства // Юристъ – Правоведъ. 2011. № 2. С. 12.
5. Коженко Я.В. Особенности институционализации лоббизма в современной России // Юристъ – Правоведъ. 2006. № 3. С. 45.
6. Коженко Я.В. Особенности правового регулирования деятельности по оказанию государственных услуг в сервисном государстве // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 464.
7. Коженко Я.В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 1039.

ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ

Булгаков В.В.
доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Богданова Е.В., Лисицына А.Н.
студентки 4 курса,
Институт права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В статье рассматривается понятие справедливости как одной из самых значимых нравственных, социальных и, конечно, правовых категорий. Проявление справедливости в праве имеет огромное значение и оказывает влияние на общество и право.

Ключевые слова: справедливость, право, мораль, нравственность, категория, правовой аспект, социальный аспект, нравственный аспект.

Актуальность и значимость вопроса понимания категории справедливости в целом и в правовом аспекте в частности не вызывает сомнений. Соотношение права и справедливости волновало человечество во все времена, так же как и их взаимодействие, и заслуживает особого внимания сейчас. Всегда существовало стремление к гармонии и процветанию общества, в том числе и его правовой системе. В условиях Новейшего времени и современной цивилизации актуальность данной проблемы приобретает новую силу.

«Справедливость находит свое специфическое выражение во всех социальных отношениях и является, хотя подчас и в недостаточной мере, объектом внимания всех соответствующих отраслей знания, будь то этика или психология, экономика или политика. Не в меньшей, а еще в большей мере проблема справедливости является объектом внимания всех проявлений правового сознания: и естественно-социального и позитивного права, и правовой психологии и идеологии, а также и юридических наук, теоретизирующих, не выходя из-под контроля идеологии господствующего класса, по поводу моделирования новых вариантов позитивного права, поиска более справедливых форм или иногда, напротив, по поводу противоположности справедливости и права» [1].

Без понимания того, что есть справедливость не удастся уяснить, о чем пойдет речь и насколько важна тема, затронутая в данной статье. Справедливость – понятие о том, что является должным, соответствие деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания и так далее. Справедливость является одним из фундаментальных принципов, регулирующих взаимоотношения между людьми на основе представлений о должном, о сущности человека и его правах.

«Как социальное явление справедливость имеет ту же социальную основу, что и нравственность. Поэтому ее существование нельзя связывать лишь с действительностью права. Но из того, что справедливость не вытекает из права, вовсе не означает, что право безразлично к справедливости либо что справедливость и право – два не связанных между собой явления. Напротив, между этими явлениями существует тесная связь, обусловленная их особой ролью в регулировании поведения людей» [2, с. 91].

«Формальная справедливость требует, чтобы законы применялись равным образом ко всем. Однако не следует забывать о том, что право не может учесть всего многообразия жизненных ситуаций. Естественно, что в процессе правоприменения возникают вопрос, чем должны руководствоваться должностные лица при принятии решений, при вынесении приговора: буквой закона или своим представлением о справедливости, и какое из этих решений будет справедливым. Согласно позитивистской концепции справедливым является решение, соответствующее закону. В морально-этической (непозитивистской) традиции справедливым считается решение, которое вынесено на основе только справедливого закона, то есть с точки зрения справедливости оценивается не только решение, но и сам закон. Думается, что последнее утверждение является наиболее правильным» [3].

Справедливость и право имеют тесную взаимосвязь, необходимую для эффективного функционирования как правовой сферы, так и социальной среды в государстве и обществе. Этимология слов «право», «справедливость» показывает, что они родственны словам «праведность», «правильный», «прямой» и происходят от слова «правда», которое в старину означало и установленный закон.

«Современная юридическая наука относит справедливость к сфере не только морали, но и выделяет три ее аспекта: нравственный, социальный и правовой» [4, с.194].

Нравственный аспект проявляет себя в том, что те или иные явления оцениваются с позиции добра и зла, добродетели, долга. Философ-утопист, революционер-демократ, учёный, литературный критик, публицист и писатель Николай Гаврилович Чернышевский считал, что «нормою человеческих действий должна служить справедливость».

Социальная справедливость предполагает, прежде всего, многообразные отношения, связанные с экономикой, политикой и духовной сферой.

Система справедливости как социальной категории требует соответствия между правами и обязанностями личности, между деянием и воздаянием, между трудом и вознаграждением, равенство людей перед законом и судом и т.д. Социальная справедливость, в отличие от юридической справедливости, которая имеет отношение лишь к сфере соблюдения юридических норм, распространяется на все без исключения взаимоотношения людей.

Нельзя не заметить то, что юридическая и социальная справедливость могут совпадать либо же не совпадать. Если говорить в общем, то социальная справедливость занимает значительное место в сфере правосознания, однако, не отождествляется с ним, так как оценивает не только правовые, но и другие общественные явления. «Справедливость, не утрачивая связи с моралью, выступает в качестве ценностно-нравственного критерия в процессе создания и реализации правовых норм» [2, с.89]. С одной стороны, все отношения, регулируемые правом, охватываются и нравственными нормами, но с другой стороны, сфера действия морали шире сферы действия права, нравственные представления о справедливости по своему содержанию являются более богатыми и разносторонними, чем правовые. В итоге нравственное понятие категории справедливости шире, чем понятие юридической справедливости. Этим определяется необходимость руководствоваться в правоприменительной деятельности не только правосознанием, требованиями юридической справедливости, но и нормами нравственности, справедливостью социальной, нашедшей отражение в праве, чтобы принятое решение имело двустороннюю поддержку – правовую и моральную. В случае их применения эти два вида справедливости сближаются, поэтому решения по применению права обычно соединяют в себе как юридическую, так и социальную справедливость, однако конфликтные ситуации в обществе не исчезают. А возникают они в связи с тем, что нравственные нормы социальной справедливости необходимо использовать только в той части, когда они не противоречат справедливости юридической. Любое другое использование нравственных норм в правоприменительной деятельности неминуемо приведет к преобладанию рациональности над законом.

Правовой аспект справедливости состоит в проникновении требований справедливости в законодательство, в организацию и осуществление правосудия, в принципы и содержание правовых предписаний и др. Право, с одной стороны, должно основываться на моральных началах правды и справедливости, а с другой – быть формой возведения справедливости в закон жизни общества. «На практике истинность и справедливость не противопоставля-

ются друг другу. По каждому делу необходимо выносить законное, справедливое и обоснованное решение. Так, как и суд, обязан подходить к вынесению актов применения права любой правоприменяющий орган.

Совсем иначе справедливость проявляется в отношениях ответственности и принуждения. В данном случае справедливость – это своего рода соответствие между тяжестью правонарушения и мерой ответственности, наказания. Все меры ответственности (будь то уголовная или административная, дисциплинарная либо материальная) применяются лишь за виновные действия» [2, с.164].

«В отношении представлений о справедливости правовые нормы выполняют две функции. Во-первых, правовые нормы объединяют данные представления в правовую систему. В результате этого объединения представления о справедливости приобретают характер всеобщей обязательности, опираются на силу и авторитет государства. Вместе с этим, повышается нравственная ценность самой правовой системы. Во-вторых, правовые нормы способствуют широкому распространению соответствующих идей о справедливости среди населения государства» [5, с.45].

Право по своей природе есть регулятор, действующий на основе применения равных мер к различным субъектам. «Справедливость правовых норм выражается в том, что они кладут конец разрыву между правами и обязанностями, который присущ всем историческим типам эксплуататорского права» [5, с. 43]. И в этом состоит справедливость права, ибо такое регулирование основано на принципах соразмерности, сбалансированности интересов, равного несения того или иного бремени.

«Право как нормативно закрепленная справедливость включает не только законы, но и систему урегулированных или общественных отношений. Тем самым охватывается и широкое социологическое понимание права. От ценностной концепции различия права и закона берется ее наиболее важная, прогрессивная идея о том, что право характеризуется своим гуманистическим демократическим содержанием» [2, с.93].

Не стоит забывать и о том, что проблема взаимодействия справедливости и права не ограничивается лишь правотворчеством. Данная проблема находит своё отражение в сфере применения права.

«Составным элементом внутреннего убеждения граждан в необходимости соблюдения правовых норм является осознание справедливости. Подобное осознание предоставляет возможность понять социальный смысл требований правовых норм, надлежащим образом оценить поведение конкретных субъектов, избрать нравственно-оптимальный вариант собственного поведения» [2, с.139]. Это значит, что человек, основываясь на своих ценностных ориентирах, сам выбирает модель поведения. При этом неотъемлемым регулятором этого выбора является самоконтроль, базисом которого также выступает понимание социальной справедливости. А помогает сформировать это понимание юридическая справедливость, о которой выше шла речь, непосредственно закрепленная в законодательных актах.

Так стоит отметить, что взаимосвязь социальной и юридической справедливости наблюдается не только на уровни правотворчества, но и на уровне правоприменительной деятельности. «И в теоретическом, и в практическом отношении весьма важным является вопрос о соотношении законности и справедливости в применении правовых норм. В основе возникновения и существования любой нормы лежат те или иные цели. Для того чтобы эти цели были реализованы, необходимо точно и неуклонно соблюдать и исполнять нормы права, то есть действовать, руководствуясь принципом законности. Непосредственное социальное назначение законности заключается в обеспечении реальности целей, служащих правовым нормам. Поскольку данные цели являются справедливыми с морально-этической стороны, поскольку и их осуществление является справедливым» [2, с.140].

Проблема справедливости в системе правовых отношений трактуется неоднозначно, но в любом случае занимает в ней значимое место. Правовое сознание по своей природе содержит особый вариант поддержки идеи регламентации отношений между личностью и государством на основе конкретных норм взаимоотношений. И хотя определяются они по-разному, но всегда в связи с неодинаковыми толкованиями справедливости. При этом все правовые системы, что проявляется в их идеологическом изображении, должны представить себя в качестве средства обеспечения и образца всеобщей социальной справедливости – и экономической, и политической, и справедливости, проявляющейся во всех других социальных отношениях для всех индивидов всех социальных групп общества.

Итак, проанализировав вышеуказанное в данной статье представляется важным отметить, что справедливость – философская и общественная категория, имеющая огромный нравственный и правовой вес, особое значение для теории государства и права. Справедливость – точка в жизни общества, а, следовательно, государства и права как ее составных частей, к которой необходимо всегда стремиться. Относительно вопроса справедливости следует также указать, что она является признаком здоровья общества и государства, одним из условий нормального функционирования демократических институтов, что в очередной раз подтверждает особую актуальность научной разработки проблемы справедливости, в том числе ее юридических аспектов.

Список литературы

1. Иванов В. А., Гроздилов С. В. Справедливость как объект правового сознания/ Философия и общество. №4(68). 2012.
2. Булгаков В. В. Концепция справедливости в праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук/ Тамбов. 2001. С.170.
3. Иванова С. А. Справедливость, право, закон: к вопросу о соотношении понятий / Правовая инициатива. 2013. № 8.
4. Морозова Л.А. Теория государства и права. / Учебник для вузов. М.: Юрист. 2012. С. 414.
5. Булгаков В. В. Концепция справедливости в праве: монография / Тамбов. 2001. С.65.

ПРАВОКОНКРЕТИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ

Вишневецкая И.Н.
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
канд. юрид. наук, Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, г. Саратов

В статье правоконкретизирующая функция уголовно-правовой практики рассматривается как необходимое условие совершенствования уголовно-правового регулирования, конкретизации нормативно-правовых предписаний, обеспечения их реализации в целях решения основных целей и задач уголовного права.

Ключевые слова: правоконкретизирующая функция, уголовно-правовая практика, правотворческая конкретизация, интерпретационная конкретизация, правоприменительная конкретизация.

Практика является необходимым элементом механизма уголовно-правового регулирования. Наряду с основными (нормативными) средствами механизм уголовно-правового регулирования включает и иные (поднормативные) средства правового регулирования (в том числе уголовно-правовую практику), призванные конкретизировать и детализировать типичные уголовно-правовые предписания применительно к конкретным жизненным ситуациям. Производный и вспомогательный характер таких поднормативных правовых средств не умаляет их роли и значения в механизме уголовно-правового регулирования

При этом следует учитывать, что практика, являясь своего рода связующим звеном между абстрактными формулами уголовно-правовых норм и реальными обстоятельствами их действия, отражает в своих результатах особенности конкретных видов общественных отношений (действий, фактов, субъектов и др.), что неизбежно обусловливает осуществляемую ею функцию конкретизации и детализации действующего уголовного права и образующих его нормативных положений. Необходимость такой правоконкретизации обусловлена самой природой уголовно-правовой практики. Последняя через процесс конкретизации существенно обогащает уголовное право, сглаживает его абстрактность, обеспечивает динамику, делает его «живым». Таким образом, конкретизирующая функция уголовно-правовой практики позволяет в значительной степени преодолевать значительную формализованность уголовно-правовых предписаний, приближая их к конкретным жизненным ситуациям, которые всегда требуют индивидуального подхода.

Правоконкретизирующая функция уголовно-правовой практики проявляется как в процессе уголовного правотворчества, так и в ходе толкования и применения уголовного закона. При этом правоконкретизирующая функция имеет свои особенности и специфику реализации применительно к различным разновидностям уголовно-правовой практики – правотворческой, интерпретационной и правоприменительной.

Потребности правотворческой конкретизации, прежде всего, обусловлены необходимостью в уменьшении абстрактности уголовно-правовых норм и приведении их к виду, пригодному для непосредственного их применения и реализации. С.Н. Братусь верно отмечал, что «чем абстрактнее норма права, … тем большее количество отношений и жизненных ситуаций она охватывает. Такая норма зачастую не может быть непосредственно применена к конкретному жизненному случаю. Она нуждается для этого в опосредовании другими нормами, являющимися также общими, но более детализированными нормами» [6, с. 152]. Однако, как справедливо заметил С.С.Алексеев, правотворческая конкретизация «имеет свои границы, за известными пределами она противоречит потребностям социальной жизни и может свести на нет достоинства абстрактно-нормативного регулирования». [1, с. 344]. О недостатках такого рода свидетельствует наличие слишком казуистичных норм и в российском уголовном праве [2, с. 48-49].

К числу «конкретизирующих нормативных предписаний» относятся акты правотворчества (или их статьи, пункты и т.п.), которые издаются с целью уточнения таких положений закона, которые не предусматривают разрешения тех или иных деталей, сторон регулирования отношений или процедуры рассмотрения дел. Вместе с тем конкретизирующие нормативные акты выступают как самостоятельные источники права, так как оформляют установление хотя и уточняющих, но все же общих правил по сравнению с правоприменительными актами.

Правотворческая конкретизация применительно к уголовному праву – это прежде всего проблема, связанная с наличием в уголовном праве основных и квалифицированных, привилегированных составов преступлений, общих и специальных норм, общих (специальных) и исключительных норм, порождающих на практике проблему конкуренции таких норм при их применении. При этом действует правило – при конкуренции общей и специальной нормы применяется специальная норма, при конкуренции общих (специальных) и исключительных норм применяется исключительная норма [3].

Акты толкования норм уголовного права, содержащиеся в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, также фактически осуществляют конкретизацию уголовно-правовых норм. Право Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации осуществлять толкование уголовного закона не должно пониматься как наиболее простой путь внесения изменений в уголовное законодательство. В процессе интерпретационной конкретизации не могут устанавливаться, изменяться или отменяться уголовно-правовые запреты. Интерпретационная конкретизация преследует другие цели – таким образом уточнить уголовно-правовые запреты, чтобы можно было четко и определенно дать ответ на вопрос, который на основе уголовного закона не имеет такого однозначного ответа, и, соответственно, обеспечить возможность применения уголовного закона в точном соответствии с его смыслом и содержанием. Таким образом, в процессе интерпретационной конкретизации обеспечивается выработка единых правовых

позиций, позволяющих правоприменителю «держать линию», создавать единообразную, непротиворечивую практику. Так, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" дается следующая трактовка понятия насилия: «под насилием в статьях 131 и 132 УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы» [5].

Правотворческая и интерпретационная конкретизация не исчерпывает в полном объеме потребность в конкретизации уголовно-правовых норм, т.к. они остаются достаточно общими и абстрактными, что и обуславливает необходимость в их правоприменительной конкретизации. Такая правоприменительная конкретизация содержания уголовно-правовой нормы происходит при применении нормы права к каждому конкретному случаю. Как справедливо отметил С.Н. Братусь: «В силу диалектической связи общего и отдельного, абстрактного и конкретного, конкретизация, подсказанная практикой осуществления правовой нормы, самой жизнью, вполне закономерна, внутренне присуща процессу осуществления права» [6, с. 151].

Правоприменительная практика, осуществляя правоконкретизирующую функцию, преследует цель выявить связь между абстрактной нормой уголовного права и конкретной жизненной ситуацией. Примером реализации такой правоконкретизирующей функции уголовной практики является, например, позиция Верховного Суда РФ в отношении понимания беспомощного состояния потерпевшего по делам об убийстве (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Если раньше убийство спящего относилось им к разряду квалифицированных убийств, то впоследствии Верховный Суд РФ уже не стал относить сон к беспомощному состоянию [4].

Правоконкретизирующая функция уголовно-правовой практики связана с созданием условий осуществления требований правовых предписаний, а также служит средством обеспечения процесса уголовно-правового регулирования в целом. Уголовно-правовая практика, таким образом, направлена на достижение целей уголовно-правового регулирования, на более эффективное обеспечение реализации права, на реальное воплощение юридических предписаний в фактическое поведение участников уголовно-правовых отношений.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т.1. [Текст] / С.С. Алексеев. – М., 1981. – 360 с.

2. Гаухман, Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность [Текст] / Л.Д. Гаухман // Уголовное право в XX1 веке: Материалы международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. Ломоносова. – М., 2002. – С. 48- 61.

3. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм: Учебное пособие. [Текст] – Красноярск, 1998. – 106 с.; Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М., 2004. – 304 с.

4. Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2009 г. по делу № 59-Д09-8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.gcourts.ru /case / 992349.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 2. – Февраль 2015 г.

6. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства /Под ред. С.Н.Братуся и И.С. Самощенко. [Текст]. – М., 1962. – 575 с.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Галиева Г.Р., Курбангалиева А.М.
студентки юридического факультета,
Институт экономики управления и права, Россия, г. Казань

Юсупов Т.З.
доцент кафедры теории государства и права и публично правовых дисциплин,
к.ю.н., доцент,
Институт экономики управления и права, Россия, г. Казань

Привлечение зарубежных капиталов играет огромную роль в государственной экономике. Целью привлечения иностранных инвестиций является формирование, продвижение собственного производства, финансирование особо масштабных проектов, развитие новых технологий, для этого должна быть современная система контроля за потоками зарубежных вложений.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, привлечение зарубежных капиталов.

Иностранными инвестициями, согласно российскому законодательству, являются вложения иностранного капитала в объект предпринимательской и иной деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации.

Иностранные инвестиции могут быть государственными (государственные займы, кредиты); частными (вложения частных организаций); смешанными (государственные и частные совместно).

Различают прямые, портфельные и прочие инвестиции. Под прямыми инвестициями подразумевается долгосрочные вложения, покупку акций не менее 10% и возможность управления инвестируемым предприятием, также она рассчитаны на более длительный срок реализации проекта. Портфельные

инвестиции – это вложения, которые не предполагают управление объектом вложения, а только получение прибыли и покупку акций не более 10% от общего акционерного капитала. К прочим инвестициям относят вклады в банки, товарные кредиты и прочее. Большое значение имеют прямые инвестиции, так как они оказывают воздействие на национальные экономики и мировой бизнес.

Правительство предполагает под иностранным инвестированием не только долевое участие и существование совместных предприятий, но и создание собственных предприятий на территории РФ, которые полностью принадлежат иностранным инвесторам, а также приобретение прав на землю, сырьевые ресурсы и других прав, не запрещенных законодательством. Регулирование иностранных инвестиций ведется как на федеральном уровне, так и по субъектам РФ.

Привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику должно способствовать решению следующих проблем социально-экономического развития:

- освоение невостребованного научно-технического потенциала России, особенно на конверсируемых предприятиях военно-промышленного комплекса;
- продвижение российских товаров и технологий на внешний рынок;
- содействие расширению и диверсификации экспортного потенциала и развитию импортозаменяющих производств в отдельных отраслях;
- содействие притоку капитала в труднодоступные регионы и районы с богатыми природными ресурсами для ускорения их освоения;
- создание новых рабочих мест и освоение передовых форм организации производства;
- освоение опыта модернизированных отношений в сфере предпринимательства;
- содействие развитию производственной инфраструктуры.

Основными проблемными моментами привлечения зарубежного капитала в Российскую Федерацию являются:

1. Проблема обеспечения возвратности и прибыльности инвестиций остается важнейшей причиной настороженности иностранных инвесторов. Не смотря на то, что рост выпуска в целом сопровождается ростом инвестиций, в том числе и иностранных, темпы этого роста существенно отстают от темпов роста ВВП. Существует значительная разница между объемами иностранных инвестиций в различных отраслях, что в первую очередь определяется платежеспособным спросом внутреннего и внешнего рынков продукции этих отраслей. Кроме того, значительный интерес иностранных инвесторов к некоторым важнейшим секторам российской экономики (например, к электроэнергетике) сдерживается существующим в них государственным регулированием цен на их продукцию.

2. Второй, важной проблемой является высокая стоимость заемных средств на внутреннем рынке и наличие значительных рисков (политических

и экономических) и неопределенностей, удорожающих стоимость инвестиционных средств, привлекаемых из-за рубежа. Значительный прогресс последних лет в области налогового законодательства снизил остроту проблемы запутанности налогообложения. Вместе с тем, вновь введенные условия и механизмы требуют проверки их эффективности и работоспособности.

3. Постепенно намечающаяся тенденция подъема российской экономики и создание законодательной базы инвестиционной деятельности способствуют формированию в целом позитивных ожиданий иностранных инвесторов и постепенному росту их активности на российском рынке. Дальнейшее наращивание этой активности будет зависеть от устойчивости этой тенденции и результатов проверки практикой и совершенствования созданных правовых механизмов.

Правовое регулирование иностранных инвестиций на территории РФ осуществляется федеральным законом «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, а также международными договорами РФ.

Основополагающим законодательным актом в данной сфере является ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», который регулирует отношения, связанные с государственными гарантиями прав иностранных инвесторов при осуществлении ими инвестиций на территории РФ.

Закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» распространяется на отношения, связанные с вложениями иностранного капитала в банки и иные кредитные организации, а также в страховые организации, которые регулируются соответственно законодательством РФ о банках и банковской деятельности и законодательством РФ о страховании. Данный федеральный закон также не распространяется на отношения, связанные с вложением иностранного капитала в некоммерческие организации для достижения определенной общественно полезной цели, в т.ч. образовательной, благотворительной, научной или религиозной, которые регулируются законодательством РФ о некоммерческих организациях.

Субъекты РФ вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие иностранные инвестиции, по вопросам, относящимся к их ведению, а также к совместному ведению РФ и субъектов РФ, в соответствии с ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и другими федеральными законами.

Следует отметить, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в российскую экономику упали в 2014 году на 70% и составили $19 млрд. Об этом говорится в докладе Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD).

Санкции западных стран против России, ситуация на Украине и прогнозы по росту ВВП отпугнули инвесторов из стран с переходной экономикой, к которым относятся бывшие советские республики, отмечают авторы текста.

Если в 2013 году Россия по ПИИ занимала третье место после США и Китая, в прошлом году страна оказалась за пределами первой десятки. Первое место по прямым инвестициям из-за рубежа в 2014 году заняла КНР

($128 млрд.), за которой шли Гонконг ($111 млрд.) и США ($86 млрд.). В целом в мире показатель снизился на 8% – до $1,26 трлн.

Прямые иностранные инвестиции – это вложения в бизнес в другой стране с целью дальнейшего участия в управлении активом.

Основными странами-инвесторами в российскую экономику, на которые пришлось 82,8% общего объема накопленных иностранных инвестиций и 77,4% общего объема накопленных прямых иностранных инвестиций, стали Кипр, Нидерланды, Люксембург, Великобритания, Германия, Китай, Ирландия, Франция, Япония и Виргинские острова.

Разразившийся в 2014 г. экономический кризис, связанный с исчерпанием источников роста и накоплением институциональных ограничений, был усилен взаимными санкциями между Россией и странами Запада, а также падением во втором полугодии цен на нефть на 45%. Этот кризис постепенно набирает обороты. Если к концу 2014 г. он затронул валютный рынок и банковский сектор, то с начала 2015 г. перекинулся на реальный сектор экономики.

В заключении статьи попытаемся оценить возможные последствия кризиса для российской экономики в том случае, если надежды на возврат цен на нефть до 100 долл./ барр. не оправдаются, а действие взаимных санкций между Россией и западными странами останется. При сохранении цен на нефть на уровне около 50 долл./барр. и тенденции к международной изоляции России объем ВВП в реальном выражении за четырехлетний период может вернуться к уровням 3–5-летней давности, т.е. пройти в обратном направлении более половины пути от дна прошлого кризиса, с весьма скромными перспективами последующего роста даже в долгосрочной перспективе. При этом даже постепенный возврат цен на нефть до уровня 80 долл./барр. не способен решить всех проблем. Падение экономики в 2015–2016 гг. будет смягчено, но скорое восстановление ВВП до уровня 2014 г., вероятно, будет достижимо только при расходовании большей части Резервного фонда и ФНБ. После 2018 г. вновь обострятся проблемы бюджетной несбалансированности и источников роста экономики. Однако и рост цен на нефть не обязательно будет устойчив. Сланцевая революция и усиление конкуренции внутри ОПЕК существенно повысили риск резкого падения цен на нефть, способного привести к возобновлению спада российской экономики и к росту дефицита бюджетной системы.

Подытоживая все вышесказанное, можно отметить, что привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику, являющееся одним из необходимых условий выхода страны из экономического кризиса, требует значительных нормотворческих и организационных усилий как от российских федеральных и региональных властей, так и от отдельных предприятий и финансовых институтов. В целом эти усилия должны быть направлены на:

- улучшение общего инвестиционного климата России,
- стабилизацию экономической ситуации,
- создание эффективного инвестиционного законодательства;
- активный выход Российской Федерации и промышленных предприятий России на международные рынки ценных бумаг.

Список литературы

1. Авдеева, Д.А., Акиндинова, Н.В. Российская экономика после присоединения Крыма: новые реалии и перспективы развития [Текст] : докл. к XVI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–10 апр. 2015 г. / Д. А. Авдеева, Н. В. Акиндинова (рук. авт. колл.), Е. Е. Балашова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 111 с.
2. Девятловский, Д.Н. Проблема привлечения иностранных инвестиций в экономику России [Текст] : // Современные наукоемкие технологии. – 2012. – №7. – С.46-47.
3. Есипов, В.Е. Коммерческая оценка инвестиций [Текст]: учебное пособие / В. Е. Есипов, Г.А. Маховикова, Т.Г. Касьяненко, С.К. Мирзажанов. –М. : Кнорус, 2012. – 684 с.
4. Ивасенко А.Г. Иностранные инвестиции [Текст] : учебное пособие / А.Г. Ивасенко, Я.И. Никонова. – 2-е изд., стер. – М. : Кнорус, 2015. – 270 с.
5. Иностранные инвестиции в Россию упали втрое [Электронный ресурс] / Г. Неяскин – Режим доступа: http://slon.ru/fast/economics/inostrannye-investitsii-v-rossiyu-upali-vtroe-1210640.xhtml
6. Логинов, Е.А. Иностранные инвестиции и инвестиционные аспекты экономической безопасности России [Текст] : / Внешнеэкономический бюллетень. – 2001. – № 4.
7. Мосина Е.И., Машкина Н.А. Иностранные инвестиции в Российской Федерации и проблемы их привлечения [Текст] : / Известия ЮЗГУ. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – №1. – С.23-28.
8. Федеральный закон от 09.07.1999 N 160-ФЗ (ред. от 05.05.2014) "Об иностранных инвестициях в Российской Федерации" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/

УСЛОВИЯ О КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ ПО ДОГОВОРАМ НА ВЫПОЛНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Галкин А.Ю.
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Ростовский институт защиты предпринимателя, Россия, г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена условиям о конфиденциальности сведений по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. В статье проводится характеристика условий о конфиденциальности по рассматриваемым договорам.

Ключевые слова: договор, научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские работы, технологические работы, конфиденциальность.

Роль договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – НИОК и ТР) трудно переоценить, т. к. данные договоры «выступают одним из основных «инструментов» по оформлению гражданских правоотношений, направленных на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» [2, с. 8].

Весьма важным моментом применительно к договорам на выполнение НИОК и ТР является вопрос о конфиденциальности сведений по данным до-

говорам. Нормам о конфиденциальности по рассматриваемым договорам посвящена отдельная статья – ст. 771 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ [3] (далее – ГК РФ).

Согласно указанной статье, если иное не предусмотрено договорами на выполнение НИОК и ТР, стороны обязаны обеспечить конфиденциальность сведений, касающихся предмета договора, хода его исполнения и полученных результатов. Объем сведений, признаваемых конфиденциальными, определяется в договоре. Каждая из сторон обязуется публиковать полученные при выполнении работы сведения, признанные конфиденциальными, только с согласия другой стороны.

В.А. Рассудовский отмечает, что «под сведениями в данном случае следует понимать научную, техническую, организационную, коммерческую и иную информацию, ценность которой состоит в том, что она неизвестна третьим лицам и к ней нет свободного доступа» [4, с. 453].

М.И. Брагинский указывает, что «конфиденциальность внутренне присуща рассматриваемым договорам. А потому заведомо предполагается возложение на каждую из сторон соответствующей обязанности даже при отсутствии на этот счет указаний в договоре. И наоборот, отказ от обязанностей, связанных с конфиденциальностью, возможен только при условии, если это прямо предусмотрено в договоре» [1, с. 203].

Л.А. Трахтенгерц отмечает, что соблюдение обеспечения конфиденциальности сведений по договорам на выполнение НИОК и ТР «служит необходимой правовой предпосылкой для защиты научно-технических результатов работ от незаконного использования третьими лицами и сохранения экономических преимуществ перед конкурентами в коммерческом обороте. Кроме того, преждевременное разглашение такой информации может препятствовать патентной защите охраноспособных технических решений, созданных в процессе выполнения работ» [5, с. 403-404].

Указав нормы ст. 771 ГК РФ о конфиденциальности по договорам на выполнение НИОК и ТР и выделив мнения авторов, попытаемся охарактеризовать условия о конфиденциальности по рассматриваемым договорам.

Наличие норм о конфиденциальности по договорам на выполнение НИОК и ТР обусловлено спецификой данных договоров, т. е. их направленностью на достижение научно-технических результатов, в том числе способных к правовой охране.

Условие о конфиденциальности сведений по договорам на выполнение НИОК и ТР является их обычным условием, т. е. условием, предусмотренным в законе, которое будет распространяться на стороны договора, с момента заключения договора, независимо от того, указано оно в нем или нет.

Вместе с тем, нормы п. 1 ст. 771 ГК РФ являются диспозитивными. Законодатель, во-первых, предоставляет право сторонам договора самим определить в договоре объем сведений, признаваемых конфиденциальными. Во-вторых, сторонам договора предоставляется право отказаться от обязательств по конфиденциальности, указав это в договоре.

Кроме того, следует отметить, что название ст. 771 ГК РФ и ее содержание входят в некоторое противоречие по объему. Данная статья именуется – «Конфиденциальность сведений, составляющих предмет договора», тогда как в ее содержании говориться о конфиденциальности сведений, касающихся не только предмета, но и хода исполнения договора, а также полученных результатов. В этой связи представляется более приемлемо наименование ст. 771 ГК РФ как конфиденциальность сведений, составляющих предмет договора и других его условий.

Список литературы

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2005. – 1055 с.

2. Галкин, А.Ю. Элементы договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ [Текст] / А.Ю. Галкин // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 10 (53). – С. 8-9.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – 29 янв. – № 5. – Ст. 410.

4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / Под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. – М.: Юрайт-Издат, 2005. – 1045 с.

5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный). Изд. 5-е, испр. и доп. С использованием судебно-арбитражной практики / Рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук, профессор О.Н. Садиков. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2006. – 987 с.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ КОММЕРЧЕСКИХ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Диденко А.А.
доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Кубанский государственный аграрный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются легальное деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации с точки зрения критерия и последствий деления. В статье освещается проблема определения предпринимательской и приносящей доход деятельности.

Ключевые слова: юридические лица, коммерческие организации, некоммерческие организации, классификация юридических лиц.

Эволюция правового регулирования организационно-правовых форм юридических лиц оказала существенное влияние на их современную классификацию. Действующее гражданское законодательство носит системный характер [1, с. 52] и постоянно стремится к формированию эффективной системы жизнеспособных организационно-правовых форм юридических лиц, одновременно вводит новые правовые конструкции. Эволюционный принцип формирования системы юридических лиц позволяет оптимально учесть раз-

нoплановые частноправовые интересы субъектов гражданского права, а равно публично-правовые интересы общества и государства. В настоящее время уже сформированы новые организационно-правовые формы юридических лиц, ранее не известные отечественному гражданскому законодательству, в частности публичная компания [2, с. 68].

Так в ГК РФ уже нашло свое закрепление классическое деление юридических лиц, исходя из цели извлечения прибыли с другими целями деятельности юридических лиц, а также разрешения или запрета распределения полученной прибыли между участниками организации (ст. 50 ГК РФ). С 1 сентября 2014 года ГК РФ в отношении некоммерческих организаций закрепляет возможность занятия ими приносящей доход деятельности, а не предпринимательской деятельности, что подчеркивает непредпринимательскую направленность указанных организаций. Некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. Таким образом, законодатель, разграничивает юридические лица, одновременно, используя такие термины как «коммерческие организации» и «некоммерческие организации». Следует отметить, что объем терминов «коммерческая организация» и «некоммерческая организация» не совпадает не только с понятийно-теоретическим осмыслением сути предпринимательской и (или) непредпринимательской направленности названных организаций, но и вызывает в юридической литературе критику [3, с. 144] с точки зрения совпадения названных дефиниций с категорией «юридическое лицо». Вместе с тем такая классификация предложена именно в разделе ГК РФ, посвященному юридическим лицам.

Важно подчеркнуть, что законодатель использует термин «извлечение прибыли» для характеристики основной цели деятельности коммерческой организации. Ю.Г. Лескова отмечает, что «...предпринимательская деятельность направлена именно на получение прибыли. Следовательно, деятельность учреждений, приносящая доход, не во всех случаях может быть рассмотрена как предпринимательская. Не случайно законодатель в ч. 2 ст. 298 ГК РФ не отождествляет рассматриваемую деятельность с предпринимательской» [4, с. 27]. Таким образом, некоммерческим организациям не запрещается осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности и стремиться к извлечению прибыли от общественно полезных видов деятельности. С целью исключения существования на практике некоммерческих организаций, по сути являющихся коммерческими, и было предложено в уставах таких организаций определять направления приносящей доход деятельности, которые должны соответствовать целям создания юридического лица и основным видам его деятельности. Стоит согласиться с Лесковой Ю.Г. в том, что критерий (право участия), позволяющий проводить разграничение между корпорациями и унитарными организациями страдает некоторой «погрешностью», «недостаточностью» в плане его применения для четкого разграничения некоммерческих организаций на указанные виды [5, с. 443].

Список литературы

1. Диденко, А.А. Понятие гражданского законодательства с позиции системного метода исследования [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 1. – С. 52.
2. Диденко, А.А. Публичная компания как организационно-правовая форма юридического лица [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 2 (18). – С. 68-74.
3. Лескова, Ю.Г. К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах [Текст] : / Ю.Г. Лескова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 144
4. Лескова Ю.Г. Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций [Текст] : / Ю.Г. Лескова // Цивилист. – 2009. – № 2. – С. 27-30.
5. Лескова Ю.Г. К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах [Текст] : / Ю.Г. Лескова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 104. – С. 443.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Дудченко А.Ю.
старший преподаватель кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Кубанский государственный аграрный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются отдельные вопросы классификации юридических лиц в связи с реформированием гражданского законодательства. Наряду с существующим в ГК РФ разделением юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, в основу которого положен экономический критерий, в статье рассматривается классификация юридических лиц по правовому основанию на юридические лица частного и публичного права, на унитарные юридические лица и корпорации.

Ключевые слова: юридическое лицо, корпорация, некоммерческая организация, унитарное юридическое лицо, классификация юридических лиц.

Значение классификации юридических лиц для динамичного развития имущественных отношений достаточно велико, так как она создает условия для формирования стройной системы субъектов гражданского права. В юридических исследованиях в настоящее время стремительно возрастает интерес к изучению правовой сущности и значимости отдельных видов юридических лиц [2, с. 52]. В целом же можно отметить следующие концептуальные изменения в системе юридических лиц в российском гражданском праве. Это, во-первых, уменьшение организационно-правовых форм юридических лиц; во-вторых, сохранение только наиболее жизнеспособных с точки зрения экономики юридических лиц (так вполне обоснованно исчезает общество с дополнительной ответственность, которое на практике не получило распространение); в-третьих, общая структурная оптимизация организационно-правовых форм некоммерческих организаций.

Классификацию юридических лиц на унитарные и корпоративные юридические лица следует отнести к основным новеллам Гражданского кодекса РФ. Как отмечается в литературе, в рыночной экономике профессиональными участниками предпринимательской деятельности (коммерческими организациями) являются преимущественно корпорации [3, с. 2455]. Поэтому

сохранение унитарных предприятий не собственников не вполне согласуется с концепцией становления современной рыночной экономики. Напротив корпорации должны стать основными участниками современного гражданского оборота. В новой редакции ГК РФ корпоративные юридические лица не сводятся к хозяйственным обществам, но включают, по крайней мере, еще три разновидности таких корпоративных юридических лиц: хозяйственные товарищества, производственные кооперативы и хозяйственные партнерства.

Одновременно в настоящее время уже сформированы новые организационно-правовые формы юридических лиц, ранее не известные отечественному гражданскому законодательству, в частности публичная компания. Так следует поддержать А.А. Диденко в том, что «юридические лица публичного права и публично-правовая компания как некоммерческое юридическое лицо имеют существенные отличия» [1, с. 69]. Представляется, что правовое регулирование данной категории во многом зависит от того, каким образом юридическое лицо публичного права будет представлено в Гражданском кодексе. ГК РФ в новой редакции также закрепляет, что публично-правовой компанией является некоммерческая организация, созданная в интересах государства и общества и наделяемая отдельными публично-правовыми полномочиями. Таким образом, мы говорим о еще одном виде некоммерческой организации, а не о юридическом лице публичного права, а значит, можем обсуждать лишь вопрос о переименовании государственной корпорации в публично-правовую компанию.

Также в литературе неоднозначно оценивают возможности участия публично-правовых образований в гражданском обороте посредством создания таких юридических лиц как учреждения [4, с. 9]. В настоящее время государственные и муниципальные учреждения выступают основными субъектами оказания государственных и муниципальных услуг. Поэтому одним из основных направлений реформирования законодательства о юридических лицах является совершенствование правового регулирования имущественной основы их деятельности и вопросы их самостоятельной гражданско-правовой ответственности.

Следует также отметить, что правовой статус отдельных организационно-правовых форм юридических лиц значительно трансформировался. Таким образом, вполне закономерным становиться «поглощения» одной организационно-правовой формы другой. Например, включение некоммерческого партнерства в качестве вида в другую организационно-правовой форму – ассоциацию (союза).

Список литературы

1. Диденко, А.А. Публичная компания как организационно-правовая форма юридического лица [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 2 (18). – С. 68-74.

2. Седова, Н.А., Ткаченко, А.А. Отдельные вопросы правового положения акционерного общества в сфере сельскохозяйственного производства [Текст] : / Н.А. Седова, А.А. Ткаченко // Бухучет в сельском хозяйстве. – 2011. – № 12. С. 52-55.

3. Руденко, Е.Ю. Некоторые правовые вопросы о единоличном исполнительном органе юридического лица в свете реформы гражданского законодательства [Текст] /

Е.Ю. Руденко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101. – С. 2444-2457.

4. Лескова, Ю.Г. Некоторые проблемы правового положения учреждений по новому законодательству [Текст] : / Ю.Г. Лескова // Юрист. – 2007. – № 4. – С. 7-10.

ВОПРОСЫ РЕГИСТРАЦИОННОГО РЕЖИМА НЕДВИЖИМОСТИ: ПРИНЦИП ВНЕСЕНИЯ ПРОТИВ ПРИНЦИПА ПРОТИВОПОСТАВИМОСТИ

Зиндуль П.С.
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье проведен сравнительно-правовой анализ важнейших принципов, лежащих в основе двух моделей классических регистрационных систем – немецкой и французской, а также определены организационно-правовые предпосылки для надлежащего функционирования регистрационной системы.

Ключевые слова: государственная регистрация недвижимости, принцип внесения, принцип противопоставимости.

1. На современном этапе развития гражданского оборота в связи со вступлением Российской Федерации в рыночную систему экономики недвижимость является одним из занимающих значительный объем рынка сегментов. В отличие от некоторых экономически развитых европейских стран (ФРГ, Франции, Австрии, Нидерландов), в которых присутствует большое число арендаторов, РФ представляет собой страну собственников. К сожалению, институт недвижимости для целей оборота регламентирован в недостаточной степени хорошо, несмотря на принятие целого ряда нормативно-правовых актов. Одним из таких актов является Закон о «Государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», который опирается на принципы негативной регистрационной системы, в основе которой лежит пришедший к нам из немецкой пандектистики «принцип внесения» (Antragsprinzip). Однако гражданский оборот не стоит на месте и правоприменителям приходится сталкиваться с новыми проблемами, отражающими недостаточную системность правового регулирования института недвижимости. В связи с этим, в первую очередь, необходимо определить, к какой модели регистрационной системы относится та или иная правовая система, а также какие принципы и правовые институты являются базисными для ее функционирования.

2. Во всех правовых системах регистрационная система распадается на два типа:

1) Французская (транскрипционная) регистрационная система;

2) Немецкая регистрационная система (система поземельных книг).

Главное отличие состоит в объекте регистрации. Так, применительно к категории недвижимости, во французской системе регистрируются сделки с

недвижимостью, а в немецкой системе поземельных книг регистрации подлежат права на недвижимость и переходы этих прав.

Французская модель функционирует следующим образом. Контрагенты совершают сделку в нотариальной форме, право считается перешедшим к покупателю с момента удостоверения сделки. Однако возникшее между контрагентами правоотношение является относительным, поэтому право переходит, но только в отношениях между контрагентами. Для того, чтобы контрагент мог противопоставить свои возникшие права всем третьим лицам, стороны прибегают к процедуре оглашения сделки. Нотариус, удостоверивший сделку, направляет документы специальному чиновнику (хранителю ипотек), который проверяет их на предмет формального соответствия закону. Важно отметить, что для того, чтобы право было оглашено, оно должно быть обязательно оглашено для контрагента-правопредшественника (в противном случае будет иметь место порок сделки). Оглашение производит несколько эффектов, главным из которых является противопоставимость третьим лицам. Другие эффекты связаны с функцией гражданского порядка, которую исполняет оглашение как всякая публичная регистрация [5, С. 75]. По своей сути, исходя из целей оборота, процедура оглашения сделки фактически имеет конституирующее значение, поскольку права покупателя по сделке могут быть противопоставимы лишь после процедуры оглашения – до этого момента сделка обладает исключительно обязательственно-правовым эффектом. Как указывает в своей работе М.А. Церковников, регистрация акта позволяет говорить о видимости права на недвижимость [5, С. 83].

В свою очередь, немецкая регистрационная система, возникшая еще в начале XIX века, основана на регистрации прав на недвижимость и перехода этих прав в специальных поземельных книгах (Grundbuch). Сама книга состоит из трех частей:

1) В первой части описывается сама вещь.

2) Во второй части описывается право собственности и его переходы.

3) В третьей части указываются различного рода обременения.

Любые изменения, касающиеся данного объекта права собственности (будь то изменение субъектного состава в силу сингулярного правопреемства при купле-продаже или в силу универсального правопреемства, например, при наследовании, будь то обременение данного объекта различного рода ограниченными вещными правами) подлежат внесению в соответствующие указанные выше части (разделы). В отличие от французской регистрационной модели никакой регистрации сделок не происходит. Сделка удостоверяется нотариусом, затем вместе с пакетом необходимых документов направляется в Ведомство поземельной книги, находящееся при суде.

3.Различия в типах регистрационных систем состоят, по большей части, в принципах, на которых они основаны. Так, базисом немецкой регистрационной системы является так называемый принцип внесения (Antragsprinzip), суть которого состоит в том, что запись в реестре имеет правопорождающее (конститутивное) значение, то есть момент возникновения прав, подлежащих регистрации, определяется моментом такой регистрации. Сама

сделка, заключаемая контрагентами, является обязательственной (порождает лишь обязательства сторон), однако вещных прав она не переносит. Для возникновения вещно-правового эффекта заключаемой сторонами сделки необходимо совершение распорядительной сделки в виде подачи заявления о регистрации перехода права.

В отличие от системы поземельных книг, транскрипционная система имеет в своей основе принцип противопоставимости, сторонники которого считают, что в основе перехода прав лежит частная воля участников оборота. Соответственно для перехода прав достаточно волеизъявления сторон, то есть моментом перехода прав по сделке является момент совершения самой сделки.

Как известно, не существует «идеальных» правовых институтов, всеобъемлюще регулирующих любые возникающие вопросы. Равным образом этот тезис применим и к регистрационным системам. Так, сторонники французской регистрационной системы считают, что переход прав обусловлен движением частных воль сторон сделки, однако, стоит сказать, что в условиях современной экономики, усложненных структур договорных отношений оборот объективно нуждается в механизмах защиты прав третьих лиц, одним из которых как раз таки и выступает система регистрации. В свою очередь, принцип внесения позволяет обеспечить защиту интересов неопределенного круга лиц, поскольку любое заинтересованное лицо может полагаться на записи, внесенные в реестр и имеющие конститутивный характер (есть запись – есть право, нет записи – нет права) [1, С. 6-7]. В противном случае контрагенту придется полагаться не только на записи в реестре, но и на любые документы, подтверждающие наличие титула у продавца (договор, по которому продавец приобрел данный объект недвижимости, записи домовых книг, проверять наличие владения и т.д.), что существенным образом повышает транзакционные издержки. Конечно, при такой системе и записи в реестр должны попадать под более жестким контролем, чтобы случаев недействительности сделок было как можно меньше.

Проблема французской регистрационной системы коренится в том, что она не отражает реальный правовой статус недвижимости, поскольку не связывает возникновение прав на недвижимость с регистрацией.

4. Стоит сказать, что обе системы обладают механизмами, позволяющими обеспечить защиту интересов третьих лиц. Не столько важны принципы, на которых они основаны, а те инструменты, ты правовые институты, те стандарты добросовестности приобретателя, которые обеспечивают функционирование регистрационной системы. В этой связи стоит согласиться с утверждением с А.В. Губаревой и А.Н. Латыева в их совместной работе: «В конечном итоге не так уж существенно, что именно регистрируется, намного важнее, как организована система регистрации и каковы взаимные отношения между различными составляющими этой системы. Несмотря на то, что регистрация прав считается более прогрессивной, системой, нежели регистрация сделок, в конкретной стране может оказаться никуда не годная система регистрации прав, а в соседней – превосходная во всех отношениях си-

стема регистрации сделок» [3, С.55]. Так, например, в основе принципа внесения лежит разработанное и активно используемое в немецкой правовой системе деление сделок на абстрактную и распорядительную, поскольку именно в этом случае достигается тот эффект стабильности оборота, когда запись, будучи внесенная по недействительному основанию, продолжает свое существование.

В дополнение к вышесказанному стоит сказать, что, независимо от типа регистрационной системы, надлежащей регламентации требует институт нотариата, поскольку именно он выступает первичным «фильтром», через который проходят стороны на пути к регистрации перехода права (оглашения сделки). Также необходимым является предоставление широкого круга гарантий, высокого статуса государственным регистраторам во избежание злоупотребления своими должностными полномочиями. Например, в ФРГ полномочия по регистрации делегированы специальным чиновникам судебного ведомства, которые обладают теми же гарантиями и привилегиями, что и судьи.

Таким образом, стоит прийти к закономерному выводу о том, что надлежащее функционирование регистрационной системы в целях защиты интересов третьих лиц, добросовестных приобретателей, лишившихся владения собственников предопределяется целым комплексом причин, группой правовых институтов, успешная регламентация которых позволит стабилизировать оборот недвижимости в государстве. Немаловажным является также и развитие на высоком уровне правовой культуры, которая проявляется в наличии относительно низкого процента правонарушений, поскольку, применительно к Отечественной правовой системе, зачастую записи вносятся в реестр по недействительному основанию.

Список литературы

1. Бевзенко, Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество [Текст] : проблемы и пути решения / Р. С. Бевзенко. // Вестник гражданского права. – 2011. – №5. – С. 4-30.

2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» [федер. закон : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : по состоянию на 29 сент. 2015 г.]. – СПС «КонсультантПлюс».

3. Недвижимость за рубежом. Правовые вопросы [Текст] : учебное пособие / А. В. Губарева, А. Н. Латыев ; Министерство образования и науки РФ, Уральская государственная юридическая академия. – М. : Проспект, 2014. -136 с.

4. Петров, Е. Ю. Конструирование правил оборота недвижимости [Текст] : Принцип внесения прав на недвижимое имущество / Е. Ю. Петров. // Цивилистические записки : Выпуск 3. – М. : Статут, 2004. – С. 447-459.

5. Церковников, М. А. Регистрация сделок с недвижимостью во Франции [Текст] : принцип противопоставимости / М. А. Церковников. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – №3. – С. 61-83.

ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ

Иванова Ю.В.
преподаватель кафедры административной деятельности
и охраны общественного порядка,
Волгоградская академия МВД России, Россия, г. Волгоград

Зоткин С.Ф.
ст. преподаватель кафедры административной деятельности
и общественного порядка,
Волгоградская академия МВД России, Россия, г. Волгоград

В статье рассматриваются отдельные вопросы производства допроса при расследовании хищений, связанных с незаконным проникновением в жилище граждан.

Ключевые слова: допрос свидетеля (потерпевшего), допрос подозреваемого, организация расследования, психологический контакт.

В условиях сложной криминогенной обстановки в Российской Федерации актуальной проблемой продолжает оставаться обеспечение надежной защиты интересов граждан [1, с. 51 – 55] от преступных посягательств на их имущество.

В этих условиях особое значение приобретает правильная организация расследования, что позволяет в сжатые сроки раскрыть преступление, исследовать все обстоятельства уголовного дела и привлечь виновных к ответственности. Самым распространенным и сложным следственным действием является допрос [2, с. 217 – 219].

Допрос – одно из древнейших и наиболее распространенных судебно-следственных действий, производимых с целью получения доказательств в виде показаний. Допрос – не только подтверждение следственной версии, но и процессуальное следственное действие, имеющее определенную доказательную силу, как на предварительном следствии, так и в суде. Допрос – это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Для следователя показания – источник доказательств, для подозреваемого и обвиняемого показания – это средство защиты от возникшего в отношении них подозрения или предъявленного обвинения. Данный факт необходимо учитывать, оценивая значение допроса как следственного действия.

Для успешного осуществления допроса, следователю необходимо четкое представление об информации, а также приемах и средствах, с помощью которых он намерен ее получить [3, с. 146 – 148].

Проведение допросов при расследовании хищений, совершенных с незаконным проникновением в жилище, требует постановки перед допрашиваемыми ряда вопросов, направленных на получение сведений, касающихся не только обстоятельств совершения преступления, но и характерных признаков похищенных предметов [4, с. 21 – 24].

Успешному проведению допросов предшествует предварительная подготовка, в ходе которой следователь изучает имеющиеся в уголовном деле материалы: протокол осмотра мета происшествия, результаты проведенных неотложных следственных действий и оперативно- розыскных мероприятий; изучает личности допрашиваемых, анализирует взаимоотношение допрашиваемого с другими участниками процесса, их причастности к совершенному преступлению; изучает изъятые в ходе расследования уголовного дела следы и предметы; составляет на основе проведенного исследования и анализа материалов уголовного дела план допроса по обстоятельствам, подлежащим выяснению, с включением в него заранее подготовленных необходимых выписок и перечня вопросов; определят очередность допрашиваемых лиц.

При расследовании уголовных дел данной категории целесообразно в первую очередь допрашивать потерпевшего [5, с.86]. От полноты, своевременности и правильности поставленных вопросов зависит дальнейшее расследование по уголовному делу. Важным моментом расследования, как с тактической, так и с воспитательной позиции является установление психологического контакта. Под психологическим контактом можно понимать такое состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению, к обмену информацией и к восприятию информации, исходящей от каждого из них.

Исходя из этого, наиболее важным нам представляется выяснение и подробное описание в протоколе допроса потерпевшего следующих обстоятельств [6, с. 29; 7, с. 109 – 114]: а) место проживания потерпевшего (квартира в многоквартирном жилом доме, дача в пригороде, частный дом в сельской местности); особенности расположения жилища, характер подъездных путей к нему, возможности несанкционированного проникновения внутрь; б) доказательства, подтверждающие наличие в жилище похищенных предметов, особенно тех предметов, хищение которых подозреваемым отвергается; в) перечень и конкретные признаки похищенных предметов, их владельцы, какими документами это подтверждается, оценка нанесенного ущерба в целом и значимость отдельных похищенных предметов, одновременно выясняется возможность потерпевшим опознать похищенные предметы по указанным им признакам; г) предположения и версии о лицах, подозреваемых в совершении хищения и местах поиска похищенных предметов.

При совершении грабежей и разбойных нападений у потерпевших дополнительно необходимо выяснить: а) под каким предлогом преступники проникли в жилище, кем они представились, кто именно из них вел переговоры за закрытой дверью, кто первый проник в жилище; б) в отношении каждого: пол, примерный рост, телосложение, этнические признаки, наличие перчаток, маски, материал, из которого они изготовлены, черты лица, характер прически, цвет волос, наличие лысины или залысин, вид одежды, особые приметы и броские признаки: наличие металлических зубных протезов, дефекты зубов, татуировки, родинки, шрамы и др.; в) в отношении каждого, что конкретно делал во время нападения, приказывал или выполнял распоряжения, чем был вооружен, как использовал свое оружие, вид насилия, применя-

емого к потерпевшим; г) как переговаривались между собой преступники, какие называли имена, был ли акцент, употребляли ли слова-паразиты, сленг, курили или нет, куда бросали окурки, где могут находиться следы их слюны, употребляли или нет обнаруженные спиртные напитки и еду, из чего пили, где сейчас находится эта посуда, к каким предметам прикасались голыми руками; д) не остались ли на месте происшествия брошенные или забытые предметы: орудия преступления или их части, предметы одежды, средства маскировки внешности, иные вещи; е) оказывалось ли сопротивление преступникам, каким образом были нанесены им телесные повреждения, имело ли место кровотечение, где могут находится следы крови.

Наиболее важным обстоятельством, при производстве допроса подозреваемого, на наш взгляд является установление на причастность к совершенному преступлению: а) сведения, относящиеся к личности допрашиваемого (место учебы, работы, круг знакомых, связи, судимости, наличие преступного опыта)[8, с. 215; 9, с. 112; 10, с. 89; 11, с. 126 – 128; 12, с. 101 – 104]; б) причины и обстоятельства выбора конкретного объекта- жилища, откуда было совершено хищение; в) где расположено место преступления; д) транспортное средство, на котором допрашиваемый добирался до места преступления; е) количество соучастников, если таковые имелись, их данные и особые приметы; ж) внешний вид допрашиваемого и его соучастников до, во время и после совершения преступления; з) какие предметы, орудия и технические приспособления использовали при совершении хищения; и) характер действий допрашиваемого и каждого соучастника преступления на месте происшествия- до, во время и после совершения преступления; к) какие следы были оставлены на месте преступления допрашиваемым и его соучастниками, каким способом пытались избавиться от этих следов; л) какие предметы были похищены, где находились до совершения преступления, подробные данные, характеризующие похищенные предметы и их упаковку; м) маршрут, по которому допрашиваемый и соучастники ушли с места происшествия, продолжительность пути, направление движения; н) действия допрашиваемого и соучастников по сокрытию, использованию и реализации похищенного; о) место хранения или сокрытия орудий и технических приспособлений, которые использовались при совершении преступлений.

При допросах свидетелей выясняются: а) где, когда и при каких обстоятельствах свидетель наблюдал факты, имеющие значение для дела; б) каковы были действия подозреваемого, его приметы, сможет ли опознать; в) находился ли он в обворованной квартире, доме, при каких обстоятельствах, какова была обстановка, трогал или передвигал какие- либо предметы, вещи в ней. Необходимо помнить, что для следователя показания – источник доказательств, для подозреваемого и обвиняемого показания – это средство защиты от возникшего в отношении них подозрения или предъявленного обвинения. Данный факт необходимо учитывать, оценивая значение допроса как следственного действия. Поэтому для успешного осуществления допроса, следователю необходимо четкое представление об информации, а также приемах и средствах, с помощью которых он намерен ее получить.

Список литературы

1. Никонович С.Л. Структура организованных преступных групп, совершающих преступления в сфере оборота драгоценных металлов и камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Мир экономики и права. 2013. № 9.

2. Никонович С.Л. К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – драгоценных металлов и драгоценных камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5.

3. Никонович С.Л. К вопросу об осмотре места происшествия по делам о хищениях драгоценных металлов и драгоценных камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10.

4. Никонович С.Л. Особенности проведения осмотра на таможне по делам о незаконном обороте драгоценных металлов и камней // Армия и общество. 2013. № 1(28).

5. Криминалистика [Текст]: учеб. пособие / Никонович С.Л., Могутин Р.И., Бирюков С.Ю., Галузо В.Н., Брусенцева В.А.; под ред. М.В. Кардашевской. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. 420с.

6. Организация расследования общеуголовных преступлений [Текст]: учеб. пособие / Бирюков С.Ю., Галузо В.Н., Зайцева Е.В., Клочков А.В., Ковалев А.С., Никонович С.Л., Попова О.А., Решняк О.А., Черменева С.С., Шувалов Д.Н., Янина Т.Н. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. 89с.

7. Никонович С.Л. Типичные следственные ситуации и организация расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней [Текст] / С.Л. Никонович // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28).

8. Уголовно-исполнительное право [Текст]: практикум / Бугера Н.Н., Стрилец О.В., Канубриков В.А., Бугера М.А., Никонович С.Л., Климов А.С., Авдалян А.Я., Галузо В.Н. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. 318с.

9. Кардашевская М.В., Никонович С.Л., Абрамов В.А. Криминалистические проблемы расследования отдельных видов хищений [Текст]: монография. – Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2013. 256с.

10. Абрамов В.А., Никонович С.Л., Могутин Р.И., Бирюков С.Ю. Уголовно-процессуальное право в вопросах и ответах [Текст]: учеб. пособие. – Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. 358с.

11. Никонович С.Л. Уголовно-правовая охрана драгоценных металлов и камней в Российской Федерации [Текст]/ С.Л. Никонович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1.

12. Никонович С.Л. Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения [Текст]/ С.Л. Никонович // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9.

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Кирпа А.С.
студентка 4 курса Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье освещаются вопросы по введению в российское судопроизводство элементов электронного правосудия.

Ключевые слова: судопроизводство, правосудие, электронное правосудие, процессуальное законодательство.

В настоящее время в России активно внедряются информационные и коммуникационные технологии, в том числе в судопроизводстве. Создается так называемое электронное правосудие, основанное на использовании информационных технологий. Электронное правосудие – широкое понятие, объединяющее под общим названием различные электронные ресурсы. Под этим определением чаще всего понимают единую систему, раскрывающую информацию о деятельности судов. Это понятие также применимо к сайтам судов и банку решений. В более узком смысле электронное правосудие подразумевает под собой способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий [1, с. 26].

Проблема применения электронного правосудия является особенно актуальной в связи с необходимостью обеспечения электронного взаимодействия органов государственной власти, судебной власти, органов предварительного расследования, прокуратуры, нотариата, а также формирования единого информационного пространства судов и нотариата.

Внедрение электронного правосудия позволяет реализовать такие конституционные принципы как открытость, гласность, доступность судопроизводства. Электронное правосудие подразумевает наличие в судах автоматизированных систем, обеспечивающих регистрацию, обработку и хранение документов, систем обмена данными между судами, систем управления судопроизводством, а также электронных библиотек законодательства [3, 241].

В России развитие электронного правосудия связано с принятием некоторых государственных программ, в частности федеральных целевых программ «Электронная Россия» 2002 года, «Развитие судебной системы России», «Информационное общество (2011-2020 годы)».

Стоит отметить, что особенностью внедрения электронного правосудия в России является опережающие развитие системы в арбитражном судопроизводстве по сравнению с судами общей юрисдикции. Это связано не только с лучшим программно-техническим оснащением, но и развитием арбитражно-процессуального законодательства. Арбитражный процессуальный кодекс имеет целый ряд норм, позволяющих реализовать концепцию электронного правосудия. После принятия Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» арбитражный суд обязан размещать информацию о принятии обращения к производству, о времени и месте судебного заседания или совершении другого процессуального действия. Кроме того, суд вправе (если он располагает доказательствами получения ими документов о начале производства по делу, информации о времени и месте первого судебного заседания) извещать участников процесса о последующих судебных заседаниях и отдельных процессуальных действиях по делу по электронной почте, либо с использованием иных средств связи.

До судебной реформы 2014 года существовал Высший Арбитражный Суд РФ, благодаря политики руководства которого в лице председателя А.А. Иванова внедрение информационных технологий в арбитражный процесс приобрело системный характер. Был произведен качественный рывок в

развитии электронного правосудия, опережающий развитие аналогичной системы «e-justice» в Европе. Электронный документооборот за 4 года стал неотъемлемой частью повседневности практикующих юристов. Так, в арбитражном процессе успешно применяются автоматизированная информационная система «Банк решений арбитражных судов», электронная система «Судопроизводство», позволяющая формировать и публиковать график рассмотрения судебных дел судьями, рабочий календарь работников суда, мониторинг и контроль рассмотрения дел, ведение судебной статистики, электронный документооборот между судами и участниками процесса, и другие сервисы. До реформы 2014 года успешно функционировал не имеющий аналогов в мире информационный ресурс «Президиум онлайн», позволявший любому заинтересованному лицу посмотреть процесс рассмотрения дела в Президиуме ВАС РФ.

В системе судов общей юрисдикции свое развитие получила государственная автоматизированная система «Правосудие» (далее ГАС «Правосудие»), заметно уступающая в функционале электронной системе «Судопроизводство».

Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» предусматривает положения, которые связаны с публикацией судами информации в сети Интернет: суды для размещения информации о своей деятельности должны использовать сеть Интернет, создать свои официальные сайты с указанием адресов электронной почты, по которым может быть направлен запрос (ч.1 ст.10), суды обязаны размещать в сети Интернет общую информацию о суде, о рассмотрении дел, о кадровом обеспечении, о порядке и времени приема граждан и др. (ст.14), тексты судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, размещаются в сети Интернет в полном объеме (ч.2 ст.15). Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации допускает указывать адреса электронной почты некоторых участников судебного процесса (истца, его представителя, ответчика) в исковом заявлении, ходатайстве о принудительном исполнении решения иностранного суда, заявлении об отмене решения третейского суда, заявлении о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

В связи с назревшей необходимостью совершенствовать использование электронного правосудия в системе судов общей юрисдикции, Верховным судом РФ было принято решение о создании единой картотеки дел арбитражных судов и судов общей юрисдикции. В качестве основы для единой базы была взята существующая Картотека арбитражных дел (КАД), куда в пробном режиме в ближайшее время начали подгружаться акты судов общей юрисдикции некоторых регионов.

В настоящий момент решения по делам размещаются на сайте каждого конкретного суда, однако существуют проблемы с поиском конкретных решений. Серверы районных судов часто оказываются недоступными, качество работы очень сильно отличается от региона к региону и от суда к суду. Переход на КАД позволит сильно продвинуться в решении этих проблем [2].

Таким образом, назрела необходимость разработки законопроекта, который наряду с положениями, содержащимися в ранее принятых законодательных актах и сохраняющими свою актуальность, включал бы в себя новеллы правового регулирования, позволяющие в совокупности с прежними нормами создать современную и эффективную систему электронного документооборота.

Стоит отметить, что ограничения темпов развития электронного правосудия в судах общей юрисдикции связано в первую очередь со спецификой разрешаемых ими дел. Так, в отличие от арбитражных решений в судах общей юрисдикции из публикуемых текстов в обязательном порядке изымается вся информация, раскрывающая персональные данные участников процесса. С подобной проблемой сталкивались и при внедрении системы в арбитражный процесс в части раскрытия информации о предпринимателях. Однако, было принято решение, что предпринимательская деятельность носит публичный характер и сопряжена с рисками появления нежелательной информации в судебных актах. Это решение позволило осуществлять автоматическую выгрузку судебных актов в картотеку арбитражных дел, по минимуму привлекая сотрудников суда к данной работе.

В судах общей юрисдикции такой подход может вызвать проблемы. Можно отметить два варианта ее решения: изымать данные об участниках процесса или предоставлять доступ только зарегистрированным в системе участникам процесса.

По причине необходимости защиты персональных данных и технической неготовности судов информатизация судов общей юрисдикции носит длительный характер. Однако, судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в настоящее время реализуются мероприятия по созданию таких технических условий в судах, в том числе в рамках федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы".

Тем не менее, в 2016 году планируется повсеместное введение электронного правосудия в судебный процесс. Председатель Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев на встрече с главой Верховного суда Китая Чжоу Цяном пояснил, что в январе 2016 года вступают в силу законы об электронном обеспечении деятельности судов и об электронной подписи. Это, по его словам, позволит подавать иски, жалобы и документы в суды в электронном виде [4].

Проектом Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти)» предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

В АПК РФ и ГПК РФ законопроектом предлагается внести изменения, предоставляющие право участвующим в деле лицам направлять представления, заявления, жалобы и иные предусмотренные данными кодексами документы в суд в виде электронных документов, в том числе посредством за-

полнения формы, размещенной на официальном сайте соответствующего суда в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

В настоящее время статьей 75 АПК РФ установлено, что к письменным доказательствам относятся документы, выполненные в форме цифровой, графической записи или иным способом, позволяющим установить достоверность документа. Если копии документов представлены в арбитражный суд в электронном виде, суд может потребовать представления оригиналов этих документов.

Аналогичные положения предусматриваются статьей 71 ГПК РФ.

Планировалось принять законопроект в сентябре 2015 года. По состоянию на сентябрь 2015 года принятие законопроекта отложено в связи с имеющимися замечаниями.

Таким образом, принятие данного федерального закона позволит устранить существующие в настоящее время пробелы правового регулирования на начальном этапе и позволит перейти к следующему этапу совершенствования законодательства в указанной сфере общественных правоотношений. Несомненно, при реализации проекта возникнут новые проблемы. В законопроекте не затрагивается защита персональных данных участников процесса. Продолжится ли развитие электронного правосудия в России по пути арбитражных судов, основанном на открытости и доступности? Так ли готовы суды общей юрисдикции в техническом оснащении к принятию нового закона? Следует отметить, что положения законопроекта применительно к судам общей юрисдикции носят диспозитивный характер и не обязывают суды Российской Федерации применять электронный документооборот, а предоставляют возможность взаимодействия в электронном виде с участниками процесса при наличии для этого в суде технической возможности. Тем не менее, руководством Верхового суда РФ отмечено, что в целом практически все суды готовы перейти на электронное правосудие.

Однако, не дожидаясь момента принятия поправок в законодательство, уже сейчас можно с уверенностью констатировать, что эффективность электронного правосудия будет иметь целый ряд достоинств, отсутствующих в настоящий момент. Оно способно сыграть определяющую роль в упрощении доступа к правосудию в судах общей юрисдикции.

Список литературы

1. Боташева, Л.Э., Кирпа, А.С. Электронное правосудие: современное состояние, тенденции и перспективы [Текст] / Л.Э. Боташева, А.С. Кирпа // Научно-практический многопредметный журнал «НаукаПарк». – 2014 – №5 – С. 26-29.

2. Бочаров, Т. Электронное правосудие для бизнеса и для граждан [Электронный ресурс] / Т. Бочаров – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/09/elektronnoe-pravosudie-dlya-biznesa-i-dlya-grazhdan

3. Кирпа, А.С. Актуальные вопросы развития электронного правосудия в России [Текст] / А.С. Кирпа // Правовая политика и модернизация государственности: материалы международной научно-практической конференции 13-14 декабря 2012 года. Тезисы статей молодых ученых, специалистов, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов. – 2012 – Пятигорск: РИА на Кавминводах, Т. 2. – С. 240-243.

4. Суды в РФ перейдут в 2016 году на электронное правосудие [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ria.ru/society/20150907/1235457140.html

ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА, НО НЕ ПРИЗНАВАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В НОРМАХ АРТИКУЛА ВОИНСКОГО 1715 ГОДА

Клюев А.А.
заведующий кафедрой публичного права, канд. юрид. наук, доцент,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются деяния, которые связаны с причинением вреда интересам, охраняемым законодательством, но не признаваемые преступлениями в нормах Артикула Воинского 1715 года. Анализируются случаи регламентации причинения вреда в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, невиновного причинения вреда. Обращается внимание на правовые последствия причинения вреда, связанное с тем или иным основанием.

Ключевые слова: преступление, деяние, необходимая оборона, вина, крайняя необходимость.

Одним из законодательных актов периоды Российской Империи был Артикул Воинский Петра I 1715 года. Несмотря на то, что он был рассчитан на применение к военнослужащим и действовал параллельно с Соборным Уложением, тем не менее, его положения применялись и гражданскому населению. Заслугой данного акта явилась детальная проработка правовых предписаний, при этом, по мнению некоторых авторов, данный документ и отдельные артикулы, содержали предписания-дефиниции, в том числе толкования к ним в виде аутентичных разъяснений, данных самим законодателем [3, с. 45]. Рассматриваемый документ, по мнению А.А. Герцензона являлся Уголовным кодексом без Общей части, каковой в те времена не было и в западноевропейских уголовных кодексах [5, с. 76].

В Артикуле Воинском 1715 года одним из первых деяний, влекущих за собой причинение какого-либо вреда, которое в иных случаях наказывалось, на наш взгляд, была крайняя необходимость. В артикуле 16 предусмотрен что: «Сколь скоро к молитве и службе божией звычайный знак дан будет, имеют тогда все маркетентеры, купцы, харчевники и шинкари лавки свои запереть, и отнюдь никаких товаров, ни пива, ни вина, не продавать. Разве когда больной для своей нужды требовать будет» [4, с. 332]. Таким образом, не подвергалось наказанию состояние болезни у лица, позволяющее продавать товары и иные предметы в период, когда такая продажа была запрещена. Хотя в норме и не наблюдается указаний на то, что продажа лекарства больному является необходимым и единственным вариантом спасение жизни лица, это, скорее всего, предполагалось.

С.В. Пархоменко полагает, что о крайней необходимости можно судить и исходя из содержания артикула 154, посвященного убийству, так как там указывается на причинение смерти «без нужды и без смертельного страха»

[2, с. 15]. Действительно, если знать законы логики, то получается, что убийством признается такое лишение жизни, которое осуществляется самим лицом с учетом его субъективного отношения и объективных обстоятельств. Однако, признавать, что в норме предусмотрены и исключения, нельзя, так как непреступное поведение, связанное с причинением вреда, должно специально оговариваться в самом законе, а не требовать проводить логические манипуляции. Если в вопросах причинения смерти в состоянии необходимой обороны регламентируются в Артикуле Воинском 1715 года, что мы рассмотрим далее, то в плане крайней необходимости в ее нынешнем состоянии, в артикуле 154 отсутствуют.

Достаточно новым, по сравнению с ранее действующим законодательством [1, с. 31-34], является, предусмотренный в артикуле 44, случай причинения смерти или вреда здоровью лицам, которых окликает караульный во время службы: «Всяк долженствует часового и протчие караулы, патрулиры и рунды в обозах, городах и крепостях пристойным образом почитать, и оным, когда окликают, учтиво отвечать. Есть ли кто дважды окликан будет со угрожением, а ответу часовому не учинит, а часовой по нем выстрелит, тогда той имеет самому себе оный вред или несчастие причесть, ежели какой ему таким образом приключится, а часовой от всякаго наказания свободен» [4, с. 336]. Этот случай правомерного причинения вреда не относится к исполнению приказа или распоряжения, так как он обусловлен исполнением закона, а не указаний начальника. Рассматриваемые обстоятельства ближе в невиновному причинению вреда, так как в артикуле говорится, что «часовой во осмотрении имети должен сие чинить в опасных местах», однако он больше связан с осуществлением своего права. Таким образом, причинение вреда обусловлено еще и обстановкой, в которой причиняется вред.

В артикуле 79 предусмотрена возможность причинения вреда подчиненным, если они ослушаются приказа офицера, во время марша и не будут выполнять его приказы, что также связано с осуществлением своих полномочий (права): «Ежели салдат когда от своего офицера в строй послан будет, и оному попротивится, и офицер принужден будет его уязвить, тогда вина та офицеру отпустится» [4, с. 342]. Обращает на себя внимание, что в законе не предусмотрено, что лицо не наказывается, но указывается, что у офицера отсутствует вина и именно с этим и связывается его правомерный поступок.

В Артикуле Воинском 1715 года предусматривалось невиновное причинение вреда. Причем в отличие от предыдущего законодательства, оно наиболее соответствует уголовному законодательству, а не процессуальному (отсутствие доказательств вины). Так, в артикуле 87 и толковании к нему предусмотрено не наказуемое причинение вреда имуществу в следствие обращения с огнем: «С свечею и с огнем имеет всяк в своей квартире осторожно и бережно ходить, и ежели каким небрежением и винностию офицерскою или салдатскою пожары в квартирах учинятся, тогда виноватый в том имеет убыток по судейскому разсуждению заплатить, и сверх того по разсмотрению наказан быть. Толкование. А ежели учинится сие с умыслу, тогда виноватый в том наказан будет, яко зажигалщик. А буде же невинно и от неосто-

рожности внезапно: тогда оный от наказания свободен быть имеет. Ибо о внезапном случае никто ответу дать не должен» [4, с. 343]. Невиновное причинение вреда в данном случае связывалось с таким показателем как внезапность, что, видимо, проявлялось в невозможности установить отношение лица к совершенному им деянию.

Схожее положение предусмотрено в части невиновного причинения смерти лицу, во время учений (артикул 159): «Но весьма неумышленное и ненарочное убивство, у котораго никакой вины не находитца, оное без наказания отпустится. Толкование. Например: егда в поле ученье стрелянию в цель отправится, и случитца, что кто нибудь за цель пойдет, а его не усмотрят, или побежит чрез место между стреляющим и целью, и тем выстрелом умерщвлен будет, в таком случае учинитель того конечно свободен есть» [3, с. 337]. Законодательно указывалось, что в деянии должна отсутствовать вина. Непосредственным основанием для признания деяния невиновным являлось незнание о наличии потерпевшего о месте, где осуществлялись учения. Во время учений лицо не должно находиться за мишенями, что позволяет сделать вывод, что стреляющий не мог и не должен был знать о наличии там потерпевшего.

В соответствии с артикулом 100 предусматривалось наказание за невозвращение в воинскую часть после предоставленного военнослужащему отпуска. Однако, в толковании к артикулу предусмотрены причины, которые признаются оправдательными, в связи с чем не применялось и наказание («судья за праведныя и необходимыя признает»). К таким причинам относились: 1) болезнь военнослужащего; 2) его арест; 3) нападение врага во время пути; 4) заболевание психической болезнью («ума лишился»); 5) непреодолимая сила («стах от огня , или воды претерпел»); 6) тяжелая болезнь или смерть родителей. В этих случаях прослеживаются признаки крайней необходимости, непреодолимой силы, а также физического принуждения.

К проявлениям крайней необходимости можно отнести и предусмотренные в артикуле 123 случаи прекращения сопротивления врагу при осаде или иных военных действиях, что запрещено делает в соответствии с артикулами 121 и 122. К правомерным случаям относятся: 1) (1) Крайней голод, когда отсутствуют какие-либо продукты питания; 2) отсутствует амуниция и средства обороны (оружие. Боеприпасы и т.п.); 3) отсутствие личного состава, который позволил бы осуществлять сопротивление («когда людей так убудет, что оборонитися весьма не в состоянии будут») и существует неминуемое поражение и занятие крепости [4, с. 349]. Как и в предыдущих случаях указывалось об отсутствии вины лица («извинены быть могут»). Вместе с тем, деяние не признавалось правомерным, если приказ был удерживать крепости любыми средства и способами и ни при каких обстоятельствах ее не сдавать («указ до последняго человека оборонятися»).

Так же некоторые моменты крайней необходимости находят свое закрепление в толковании к артикулу 195, хотя и не в плане правовых последствий [4, с. 363]. К таким проявлениям относилось воровство из крайнего голода или нужды. Однако, в толковании говорилось, что наказание умаляется

или обыкновенно отстраняется. Следовательно, это скорее освобождение от наказания, но не как не исключение его в связи с крайним положением.

В толковании к артикулу 195 также регламентировалось и хищение совершенное невменяемым («в лишении умы воровство учинит»), а также лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности («вор будет младенец»). И первые и вторые также освобождаются от наказания, как и ранее рассмотренное положение о крайней необходимости, однако малолетние могли наказываться родителями («от родителей своих лозами наказаны быть»). Таких положений, не в одном из документов ранее действующих не было [4, с. 365].

Достаточно детально регламентировалось в Артикуле Воинском 1715 года положение о необходимой обороне. Причем нормы о необходимой обороне содержались в разных главах, как связанных с посягательствами на жизнь (глава 19 «О смертном убийстве»), так и собственностью (глава 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве). Следует обратить внимание, что в случаях необходимой обороны использовалось указание на неприменение наказания в силу допущения подобного вреда, а не в связи с отсутствием вины («от всякого наказания свободен»).

Первое упоминание о правомерном причинении вреда, причем в виде смерти нападающему, было предусмотрено в артикуле 156. В нем закреплялось, что защита осуществляется при наличии угрозы жизни («обороны живота своего») [4, с. 356]. В артикуле уточнялось, что защита являлась вынужденной, обусловленной действиями самого посягающего («к сему принудил» в артикуле 156 и «без опасения смертного уступить или уйти не мог» в артикуле 157).

Более детально регламентируется вопрос о необходимой обороне в артикуле 157, где предусматривалось при каких посягательствах возможна защита, дабы соблюдать пределы ее правомерности в нынешнем понимании. Например, использование оружия обороняющимся возможно лишь, если посягающий сам пытается применять оружие при нападении, а в случаях отсутствия оружия, обороняющийся не имел права использовать оружие.

В толковании к артикулу 157 предусмотрено и закрепление наличности посягательства, при котором насилие может применяться только в момент посягательства, а при его прекращении, когда посягающий пытался скрыться, причинение ему смерти не рассматривалось как совершенное в состоянии необходимой обороны («оборонения преступил»). Однако это рассматривалось как убийство из мести за совершенное посягательство («смертное убивство из отмщения»). Помимо регламентации момента прекращения посягательства в толковании к артикулу 157 указывалось и на возможность применения насилия к нападающему в случае, когда непосредственно само посягательство еще не началось, но имеется реальная угроза начала такого посягательства («когда уже в страхе есть, и невозможно более уступать, тогда не должен есть от соперника себе перваго удара ожидать, ибо чрез такой первый удар может тако учинится, что и противится весьма забудет») [4, с. 357].

В толковании к артикулу 157 имеется и указание на превышение пределов необходимой обороны, обусловленное отсутствием опасности посягательства для жизни лица, при котором обороняющийся причиняет смерть посягающему. В этом случае наказание ему назначалось менее строгое чем за убийство, так как имеется запрет на применение смертной казни к обороняющемуся, но предусматривалась возможность назначения ему штрафа, тюремного заключения и телесного наказания («шпицрутном имеет быть наказан»).

Важным для того времени было обстоятельство, что для признания необходимой обороны в драке требовалось установить, что зачинщиком драки был посягающий, а сама драка обусловлена противодействием обороняющегося.

Помимо детальной регламентации правомерного лишения жизни нападающего при посягательстве на жизнь обороняющемуся в Артикуле Воинском 1715 года предоставлялась возможность и правомерно причинять вред при защите от посягательств на собственность, когда местом преступления выступало жилище. В соответствии с артикулом 185, вора, который проникает ночью в дом проживающие там лица могли правомерно лишить жизни («без страху наказания умертвить»), когда иным способом посягательство не возможно было предотвратить, так как предполагалось, что вор проникал не только для совершения кражи, но и убийства находящихся в жилище людей («чтоб и умертвить») [4, с. 362].

До Артикула Воинского 1715 года такие моменты не регламентировались, что свидетельствует о качестве законодательства того времени и отражении его объективным процессам жизни.

В артикуле 205 специально регламентировался вопрос о причинение смерти лицу, совершившему преступление, при его задержании: «Ежели осужденный будет противитца против того, который омандрован будет его взять, а оного взять будет невозможно, тогда хотя осужденнаго оный и убьет, то за оное 365 наказать не надлежит» [4, с. 364-365]. Таким образом, вопрос касался задержания только после осуждения лица, совершившего преступления, а не лиц, совершивших преступление в широком смысле, т.е. с непосредственного момента совершения преступления. При этом, обращает на себя внимание, что признавалось правомерным не просто насилие, а причинение смерти, что в нашем уголовном законодательстве не предусмотрено.

Вместе с тем, в артикуле 205 было предусмотрено, что причинение смерти возможно, только в плане «обыкновенных воров», но это не распространялось на «бунтовщиков» и «изменников», так как это могло привести к тому, что иные соучастники преступления могли не выявляться. По этому смерть причинять таким преступникам нельзя.

Таким образом, Артикул Воинский 1715 года предусматривал широкой перечень случаев, когда причиненный вред признавался правомерным, причем предусматривались как известные ранее действующему законодательству случаи (например, необходимая оборона, невиновное причинение вреда), так и новые (невменяемость, недостриженные возраста и другие). Однако, как и ранее действующие источники, вопросы непреступного поведения связывались с конкретными деяниями, которые в признавались правомерными.

Список литературы

1. Клюев А.А. Деяния, связанные с причинением вреда, но не признаваемые преступлениями в соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 года // Современные тенденции развития науки и технологий: I Международная научно-практическая конференция. Белгород, 2015. Часть VI. – 156 с.
2. Пархоменко, С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости [Текст] / С.В. Пархоменко. – СПб., 2004. – 267 с.
3. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. [Текст] / С.И. Штамм, А.И. Исаев, Н.Н. Ефремова и др. – М., 1992. – 312 с.
4. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма [Текст] / Отв. ред. А.Г. Маньков. – М., 1986. – 512 с.
5. Уголовное право. Общая часть [Текст] / Под ред. В.Д. Меньшагина. – М., 1948. – 575 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИИ

Коломейченко Е.А.
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО ВГУВТ, Россия, г. Нижний Новгород

Крепак С.В.
доцент кафедры транспортного права, декан юридического факультета, к.т.н.,
ФГБОУ ВО ВГУВТ, Россия, г. Нижний Новгород

Статья посвящена историческому развитию формирования системы государственных органов управления морским и речным транспортом в России.

Ключевые слова: речной транспорт, морской транспорт, государственное управление, Министерство транспорта.

Транспорт – это одна из главных отраслей любого государства. Объем транспортных услуг во многом зависит от состояния экономики страны. Однако сам транспорт часто стимулирует повышение уровня активности экономики. Он освобождает возможности, таящиеся в слаборазвитых регионах страны или мира, позволяет расширить масштабы производства, связать производство и потребителей. Одним из важнейших вопросов в этой сфере является – управление водным транспортом. Уделим внимание формированию органов управления водным транспортом в России.

Отметим, что на протяжении всего периода до 1782 г. водные пути в основном находились в ведении местных властей.

С 1712 года транспортное обеспечение строившегося Санкт-Петербурга, флота и войск шло из центральных губерний по водным коммуникациям. Постройкой Тверецкого канала в 1708 году было положено начало Вышневолоцкой водной системе, ныне потерявшей практическое значение. Но так как основная связь Невы с Волгой шла через Волхов и Ладожское озеро, судоходство по которому было чрезвычайно опасно,

Петр I решил между устьем Волхова и истоком Невы построить в обход озера канал [2, с. 2]. Работы по строительству канала продолжились и во времена правления императрицы Анны Иоанновны.

В период правления Екатерины II была проведена оценка значимости водных коммуникаций губерний Российской империи. Особую значимость в глазах правительства России имели в то время водные сообщения Санкт-Петербургской, Новгородской и Тверской губерний. Указанный период связан с назначением Главным директором водных коммуникаций Санкт-Петербургской, Новгородской и Тверской губерний Я.Е. Сиверса.

В 1782 г. именным Указом Екатерины II произошло разделение водных коммуникаций на две части: на оконченные и неоконченные, первые остались в ведении Новгородского и Тверского генерал-губернатора (на этот пост в том же году был назначен генерал Архаров), а вторые отдавались на подчинение особо определенных чинов [5, с. 44].

В 1797 г. Император Павел I своим указом назначил Я.Е. Сиверса Главным директором водяных коммуникаций. Задачей Я.Е. Сиверса стала разработка мер по правильной организации управления водными путями сообщения в Российской империи. Представленный Я.Е. Сиверсом проект образования Департамента водяных коммуникаций был утвержден императором Павлом I 28 февраля 1798 г. [6, с. 142].

Таким образом, дата образования Департамента водяных коммуникаций является датой рождения управления на речном транспорте.

В марте 1800 г. граф Я.Е. Сиверс по собственному желанию оставил пост директора. Его преемником был назначен граф Г.Г.Кушелев (возглавлял Департамент в 1800 – 1810 гг.). Следует особо отметить, что в период его управления были проделаны значительные работы на водных коммуникациях.

В августе 1801 г. в управление Департаментом вступил граф Н.П. Румянцев, он расширил отдел по учебной части, организовал учебу будущих специалистов в Англии и Франции. Кроме того, Н.П. Румянцев приглашал для строительства мостов, обводных каналов, каменных устоев и других технических сооружений ученых и инженеров из Европы. При нем Департамент успешно действовал около10 лет и в 1809 г. расширил свои полномочия.

«Устройство многочисленных и удобных путей сообщений в государстве, столь обширном и изобилующем столь различными произведениями, составляет одну из важнейших частей управления государством» [3, с. 44]. Эти слова императора Александра I говорят о том, что уже в начале XIXвека государственная власть понимала, какую важнейшую роль для развития России играют пути сообщения и транспорт [1, с. 167].

В июне 1809 г. при Александре I Департамент водяных коммуникаций преобразуется в *Экспедицию водяных коммуникаций* под руководством принца Ольденбургского. В августе 1809 г. в ведение этой экспедиции была передана Экспедиция устроения дорог. Таким образом, в одном ведомстве соединилось управление водными коммуникациями и государственными сухопутными дорогами.

20 ноября 1809 г. вышел Манифест императора Александра I, которым было учреждено *Управление водяными и сухопутными сообщениями* как

единый орган управления транспортом. Первым руководителем Управления водяными и сухопутными сообщениями, наделенным правами министра, был назначен принц Голштайн-Ольденбургский. Им был разработан проект новой реорганизации ведомства, одобренный в ноябре 1809 г. Управление транспортом единым органом было построено по территориальному принципу. Введено деление всех путей сообщения на 10 округов (в соответствии с губернским делением Европейской части России, Финляндии, Сибири и Кавказского края), которое положило начало территориальным органам управления внутренними путями сообщениями Российской империи.

Для полицейского надзора в каждом округе создавалась специализированная транспортная полиция, задачей которой явилось обеспечение безопасности на водных и сухопутных путях сообщения, сопровождение и предотвращение хищений грузов и т.п. Полицейские команды формировались под непосредственным патронажем окружного директора водных и сухопутных коммуникаций, подчиняясь лично ему, и действовали независимо от местной администрации и полиции.

В 1810 г. Александр I издал Высочайший манифест «Об утверждении учреждения о судоходстве относительно системы вод реки Волги через Вышневолоцкий канал до Петербурга с принадлежащим к нему наставлением судоходной расправы и штатов сей расправы». В манифесте отмечалось, что внутреннее судоходство в России, составляя весьма важную отрасль государственной промышленности, требует постоянных правил в устройстве его и движения.

Следует отметить, что практически одновременно с изменением схемы управления путями сообщения в Российской империи была осуществлена перестройка системы профессиональной подготовки кадров для нужд транспорта, в которых остро нуждалась Россия. Используемая до этого практика приглашения иностранных специалистов из-за границы себя исчерпала. Согласно манифесту от 20 ноября 1809 г. был учрежден первый *Институт корпуса инженеров путей сообщения*.

В период Отечественной войны 1812 – 1814 гг., следует отметить, что нормативно-правовая деятельность управления и законодательная деятельность в определенной мере были приостановлены

В 1820 г. Управление водяными и сухопутными сообщениями было переименовано в *Главное управление путей сообщения и публичных зданий*.

15 июня 1865 г. император Александр II издал Указ об учреждении *Министерства путей сообщения России* (МПС) вместо Главного управления путей сообщения и публичных зданий.

В МПС был сохранен Департамент железных дорог и создано Управление Главного инспектора частных железных дорог. Министерство состояло из 4 департаментов: сухопутных сообщений, водяных сообщений, железных дорог, ревизий и отчетов.

Министерство путей сообщения просуществовало до декабря 1917 г., затем было преобразовано Советским правительством в *Народный комиссариат путей сообщения* (НКПС). Начался новый этап формирования системы

управления транспортом. Это был период искания новых организационных форм управления, наиболее полно отвечающих условиям экономической жизни страны. Наряду с НКПС правительством для решения особо важных и неотложных задач государственного значения, связанных с управлением транспортом, были учреждены разного рода комиссии.

В 1931 г. Народный комиссариат путей сообщения как единый орган управления на транспорте прекратил существование и разделился на *комиссариаты по отдельным видам транспорта*. Были выделены из его состава морской и речной транспорт и все портовое хозяйство, образовав самостоятельный общесоюзный *Народный комиссариат водного транспорта*.

В 1939 г. было принято решение о создании самостоятельных *Народных комиссариатов морского флота* (НКМФ) и *речного флота* (НКРФ) СССР вместо существовавшего объединенного Народного комиссариата водного транспорта (НКВТ).

С началом Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) система управления транспортом страны была перестроена в соответствии с нуждами военного времени в феврале 1942 г. был создан специальный орган - *Транспортный комитет* как единый орган управления всеми видами транспорта. Война причинила огромный ущерб транспорту СССР[1]. Советский Союз сумел в короткий срок восстановить разрушенный транспортный комплекс, в этом огромная заслуга принадлежит, существовавшей системе управления транспортом.

Переход страны к рыночной экономике потребовал и нового подхода к управлению транспортом. Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» МПС России было упразднено. Его функции переданы *Министерству транспорта РФ, Федеральной службе по надзору в сфере транспорта и Федеральным агентствам*, что свидетельствует о реформировании управления транспортом [3, с. 153].

Таким образом, рассматриваемое событие послужило началом глобального поворота от отраслевого управления к функциональному, от прямого администрирования к правовому регулированию транспортной деятельности.

Список литературы

1. Авдеева, Е. А. Административная ответственность за нарушения водного законодательства [Текст] / Е. А. Авдеева // Актуальные проблемы российского права : сб. науч. тр. / отв. ред. И. М. Мацкевич, Г. А. Есаков. – М., 2011. – Вып. 2. – С. 163-170.

2. Казнаков В. Исторический очерк Ладожских каналов , старого и нового [Текст] . СПб., 1866. С. 2.

3. «Манифест об управлении водяными и сухопутными сообщениями», изданный императором Александром I 20 ноября 1809 г. Поваров Г.В., Фёдоров М.Э., Чуркина М.В. Экономика и управление транспортной инфраструктурой: учебное пособие. – СПб. [Текст] : СПГУВК, 2012.- 153 с.

[1] За 1941 – 1945 гг. погибла половина всего довоенного тоннажа морского флота. Огромные потери понес и речной транспорт: погибло около 20% довоенного количества судов, из 18 искусственных путей было разрушено или повреждено 13.

4. Поваров Г.В., Фёдоров М.Э., Чуркина М.В. Экономика и управление транспортной инфраструктурой: учебное пособие. – СПб.: СПГУВК, 2012.- 153 с.

5. Путятин В.Д., Газдиев Я.М. Из исторического опыта становления и развития системы государственного управления на транспорте России (историко-правовой аспект) [Текст] //Транспортное право, 2009, N 3. С. 43-48.

6. Седугин, П. И. Водное законодательство в СССР : рецензия / П. И. Седугин // Советское государство и право. – 1974. – № 2. – С. 141-144.

ЛАТИНСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОНИМАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ДРУГИХ НАУК

Красина М.Н.
зав. сектором иностранных языков кафедры гуманитарных дисциплин,
НОУ ВО Международный институт экономики и права, Россия, г. Москва

Никова М.А.
доцент кафедры иностранных языков, кандидат социологических наук, доцент,
НИЯУ МИФИ Россия, г. Москва

Карпенкова Т.В.
зав. кафедрой гуманитарных дисциплин,
доктор исторических наук, профессор,
НОУ ВО международный институт экономики и права, Россия, г. Москва

В статье латинский язык рассматривается как язык обучения, и имеет международное значение. Латинские юридические изречения будут жить, пока существует общественная потребность в праве. В настоящее время латинский язык служит источником для образования международной общественно-политической и научной терминологии. Латынь была и осталась языком закона и порядка, государства и права.

Ключевые слова: античность, латинские изречения, юриспруденция, Римское международное право, риторика.

Введение.

Так случается, что люди стареют, поколения меняются, столетия уходят, города стираются с лица земли, забываются фольклорные предания, умирает слово. И не важно, на каком языке оно было написано. Носитель языка за тысячелетия превратился в бродячий напев, и только редкий любитель древних языков, археолог или историк коснётся забытого мира, порой ради своих корыстных интересов и редко на пороге открытия.

Сегодня, можно объехать целый мир и не встретить свободно говорящего человека, например, на латинском, который уже многие десятилетия относится к мертвым языкам. Но не стоит забывать, что на нём думал и писал наш русский ученый Михаил Ломоносов.

Конечно, современное значение латинского языка не столь велико, но тем не менее, он успел занять определённую нишу в системе гуманитарного образования.

Язык и, главным образом, лексика – это окружающая нас действительность, прошедшая через призму общественного сознания. Изучение латинского, а также греческого языков позволяет соединять их с различными предметами, в которых встречаются эпохи, народы, государства. Античность является связующим звеном не только между языками классическими и современными, но и между культурой древней и культурой более поздних эпох. «Культура же – это язык, объединяющий все человечество, среда, растящая и питающая личность» (П. Флоренский).

Роль латинского языка в литературе и истории европейской культуры.

На латинском языке дошли до нас юридические изречения. Называют их изречениями, потому что они изрекались выдающимися представителями античной цивилизации. Юридические изречения основаны на нравах предков (mores maiorum), на представлениях древних о добре и зле (notitia bonietae qui). Они впитали в себя юридический опыт латинян, правовую культуру просвещенных Афин.

Древний мир жил по правилам, в которых все решало слово, изреченное человеком, изреченное человеку. И в немалой степени их особое место определяется тем выдающимся значением, которое принадлежит латинскому языку и литературе в истории европейской культуры. Название «латинский» берет начало, как известно от имени области Лациум – Latium, расположенной в центре Италии, в нижнем течении реки Тибр. Наиболее древние, эпиграфические памятники латинского языка относят к VI – V вв. до н.э., литературные – их значительно больше – датируются VI – III вв. до н.э.

Экономически и политически возраставший Рим к тому времени объединил под своей властью большую часть Италии. Расширение жизненного кругозора, контакты с другими народами, особенно влияние греческой образованности, способствовали пышному расцвету литературного языка римлян. К рубежу нашей эры не только в центре блистательной Италии, но и в самых захудалых уголках Европы звучит латынь. На ней сочиняют стихи и поют песни, воспитывают детей и объясняются в любви, ведут дела и руководят празднествами, шепчут молитвы и подают команды. Без нее невозможно обойтись ни в храме, ни на стройке дворца, ни в народном собрании, ни на палубе корабля. Пару веков спустя территория Империи охватит без преувеличения весь тогдашний цивилизованный мир (orbis terrarum), пригласит говорить на своем наречии народы трех континентов Земли.

Когда римская держава прекратила свое существование, латынь считали своим языком многие племена. Именно на его общей плодотворной основе зародилась многочисленная семья романских языков – итальянского и испанского, португальского и французского, каталонского и провансальского, румынского и молдавского. Но даже там, где местный говор остался господствующим – у немцев и чехов, поляков и мадьяр, англов и саксов, латынь служила основой художественной и интеллектуальной культуры.

Терминология Римского права.

В средние века латинский язык значительно распространившись вширь, понизил свой высокий уровень. Творчество в правовой сфере продолжается, хотя, разумеется, не столь интенсивно. Это относится и к изречениям. Например: «Cum sunt partium jura obscura, reo favendum est potius quamactori» («Когда права сторон не ясны, следует поддерживать ответчика, а не истца») – это положение канонического права, высказанное в постановлениях римских пап. Знаменитое «Pereat mundus et fiat justitia» («Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие») является часто повторявшимся девизом Фердинанда I, короля Чехии и Венгрии, а с 1556 по 1564 гг. – императора Священной Римской Империи.

Не менее знаменитое «dura lex, sed lex» – «суров закон, но закон» принадлежит далеким от древнего Рима постклассическим временам. В период расцвета римского права придерживались иного. Ульпиан считал, что «во всех делах справедливость имеет предпочтение перед строгим пониманием права».

Римское право в средние века называют ratio scripta (писаный разум), естественно, и каждая частица римского права, дошедшая до потомков в виде записанных на бумагу высказываний римских юристов в Дигестах, Пандектах, воспринимается как доля античной мудрости. Поэтому Дигесты были и остаются не только памятником истории права, но и памятником литературы и той эстетики, которая определяла законы этой литературы.

Терминология римского права переходит в те или иные отрасли светского и канонического права: глоссаторы и постглоссаторы толкуют и перетолковывают изречения латинян, твердят молитвы католики, зубрят древний язык школяры-ваганты (clerici vagantes – странствующие школяры, от лат.vagari – скитаться). Но в целом средневековая латынь уже «светит отраженным светом». Впрочем, латинский язык в средние века в Европе – это отдельная статья.

С первыми проблемами эпохи Возрождения снова появляется и укрепляется интерес к классической латыни с ее особой пластикой, красотой, восхитившей мыслителей этого времени. Колюччо Салютати, знаменитый флорентийский канцлер, писал ученые трактаты на латыни, поражаясь ее возможностями.

Как чарующая музыка звучат в оригинале его строки, много теряя в переводе: «Закон … reges regit, dominis dominatur, imperatori bus imperat – царствует над царями, господствует над господами, императорствует над императорами».

Латынью мог щегольнуть и безвестный капуцин, вошедший в историю благодаря ее знанию. Дегустируя монастырское вино, он оценил один сорт нейтрально: «Vinus bona», другой – благосклонно: «Vinus bonus», третьим восторгался: «Vinus bonum»… Все позволял передать язык древних римлян.

Не случайно гуманист Эрмолао Барбаро признавался: «Duo sagno scodo minos Chris tumet litteras» – «Двух признаю господ: Христа и словесность». И многие поддержали бы его мнение.

Спустя много веков и наш великий соотечественник М.В. Ломоносов подтвердит «богатство и сильную в изображениях краткость» латинского, полагая его идеальным выразительным средством науки.В России латинский язык долгое время был языком науки. В Москве в Славяно-греко-латинской академии, первом научном учреждении России, все науки изучались на латинском языке. На этом языке были написаны многие научные труды М. В. Ломоносова, а также некоторые труды Н. И. Пирогова, М.Я. Мудрова и других русских ученых.

Отмеченные особенности стиля, свойственного вообще латинскому языку: краткость, содержательность, острота, точность – самым непосредственным образом воспроизводят юридические изречения. Лаконичность античной речи, составляющая ее отличительную черту, в сфере права приобретает характер принципа. Категорическим императивом звучит требование, кстати, выраженное афоризмом: «Legem breve messeo portet» («закон должен быть кратким»). Краткость латыни могла проистекать из глубины ее смысла, например, известное всем: «Veni, vedi, vici» («пришел, увидел, победил»), или умелого использования ее грамматических форм. Приведу в качестве образца слова папы Клемента III, произнесенные им в ответ на предложение изменить норм устава ордена иезуитов: «Sintut suntaut non sint» – «Пусть будут в таком виде, как они есть сейчас, или пусть вовсе не будут».

Иллюстраций конспективности юридических латинских изречений бесчисленное множество. Всего лишь два слова – «tacito loccio» – требуют для своего объяснения целого предложения – «автоматическое продление договора на новый срок при отсутствии возражений, молчаливый наем». Но существуют еще более поразительные свидетельства античной лапидарности. Только три слова – «jura novit curia», буквально переведенные «суду известно право», фактически означали: во-первых, суд не должны отвергать иск под предлогом того, что ему неизвестны правовые нормы, на основе которых следует принимать решение; во-вторых, стороны должны излагать лишь фактические обстоятельства, а суд сам даст им правовую оценку. Такова была насыщенность поистине «телеграфного слога» древних.

«Крылатость» юридических изречений.

Юридические изречения по их живости, отточенности и емкости содержащейся в ней мысли можно вполне расценивать в качестве крылатых выражений.В них сказывается выразительность и пластичность самого латинского языка. На крыльях слова «мысль изреченная» летит от собеседника к собеседнику. Гомеровское выражение – «крылатая речь» (epea pteroenia) – меткий и колоритный оборот, наполняется особенным смыслом по отношению к тем фразам, чей «полет» не прекращается передачей из уст в уста, но делается нетленным достоянием поколений, входит в культурный слой жизни народа. Некоторые изречения восходят, как уже отмечалось, к устному народному творчеству, не имеют определенного автора. Их можно отнести к фольклору наряду со сказками, загадками, обрядовыми песнями. Между прочим, в научной литературе уже высказывалось мнение, что право рождается в стихотворно-песенной форме, что первые законы распевали, как баллады.

Основная масса юридических латинских изречений известна нам в виде цитат, взятых из конкретных литературных источников и памятников права. Они могут рассматриваться как специальные термины, но благодаря своей утонченной форме, глубокой образности, они имеют несомненную художественную ценность. «Крылатость» юридических изречений заключает в себе некое изобразительное начало, придает им семантическую емкость, позволяющую им органически включаться в тексты самого разного содержания, то есть они значимы и в литературном отношении. Стилистическая ценность всякого латинского изречения состоит в том, что в каждом конкретном случает они обогащаются новым оттенком из данного контекста и лежащей в его основе ситуации. Так, ясно, что популярное «dura lex, sed lex» («суров закон, но закон»), употребленное, например, К.А.Тимирязевым в статье об академических свободах, или А.Ф.Кони о судебной реформе, или П.Д.Боборыкиным в художественном произведении, поворачивается разными смысловыми гранями.

Латинские юридические изречения, это очевидно, украшают речь, делают ее более яркой, обогащают стилистическую тональность сказанного, повышают экспрессивную силу выражения, ее эмфатический запал. Латинизмы могут украшать не только речь людей, но и памятники и дворцы, арки и храмы. Философ Вико[4] остался автором многочисленных лозунгов, девизов, надписей и призывов, эпиграфов, эпиграмми эпитафий, распространенных по всех Италии и за ее пределами.

Продуманное обращение со словом у древних римлян.

Фразеологизмы древних доносят до нас истинную, недевальвированную цену viva vox– устной речи, viva voce – живого голоса, устного разговора, произнесенного, услышанного и воспринятого слова. Может быть поэтому у итальянцев – прямых наследников римской славы, впрочем, как и у других народов, сохраняется подчеркнутый пиетет к правильному, классическому произношению (pronun ziamento, per bella lapronunzia).

Умение выражать себя не приходит само, ему учат, учат словом verba decent, exemplat rahunt в школах «с молодых ногтей» (detene roungui), с раннего детства. Сама жизнь заставляет сугубо продуманно обращаться со словом. Так, признание, сделанное перед судом, уже нельзя взять обратно – confessiofactainjdicionon potestretractari. Любой суд, начиная с аничности и поныне, руководствуется правилом, изреченным Цельсом-отцом: предполагается, что каждый говорит только то, что заранее взвесил – nemo existi mandus est dixisse, quod non mente agita verit.

Таким образом, то, что раздавалось на форуме, что слышали римляне от юристов, расценивалось, поистине, как «vox mens dicentis» – «глас, провозглашавший разумное».

Кстати, не только юриспруденция, но и философия начиналась с изречений. Ярким тому примером явилось творчество одного из семи древнегреческих мудрецов Фалеса. От него не дошло ни одного сочинения, но сохранились в избытке приписываемые ему высказывания. Его вещее nosce teipsum – «Познай самого себя», осталось на века выбитым в камне храма Апол-

лона в Дельфах. Целый ряд юридических категорий идет из Эллады: hypotheca – договор о залоге, hiperocha – излишек, остаток после продажи залога, symallagma – обязательственый договор вообще, контракт, syngrapha – долговая расписка, вексель, и даже любопытное idiologus – так эллины называли не «работника идеологического фронта», а финансового чиновника в Египте и т.п. Но, в целом, греческий склад ума благотворнее сказался в философии и истории политической и правовой мысли, чем в юриспруденции и законодательстве.

Uti lingua nun cupassit, ita jus esto (как поименует язык, так да будет право), т.е. пусть считается правовым обязательством то, что человек сказал, а не то, что он подумал. Это юридическое правило восходит к римским Leges duo cecim tabularum – Законам XII таблиц.

Изреченное устами, услышанное и воспринятое слово устанавливало правовые узы (juris vim culum), прочно скреплявшие древнее общество многие столетия. Общая для греков и римлян оро-акустическая среда имела одну особенность, на которую, как представляется, не обращалось достаточного внимания, но которая крайне важна для понимания истоков древнего права.

Юридическое крылатое слово, термин, понятие ценилось как живая звуко-смысловая форма, эластично подчиняющаяся своему содержанию, объекту определения, отражающая реальный фактический состав, юридическое явление, объективную основу свойств и связей социальных явлений. Древний мир жил по правилам, в которых все решало слово, изреченное человеком, изреченное человеку. «Имеющий уши да услышит…».

Заключение.

С падением Римской империи латынь не умерла. Практически весь период Средневековья латинский язык был языком обучения и международного значения. Также латынь была языком бытового общения. До XVII в. все деловые документы составлялись только на латинском языке. Например, на латыни составлен первый документ в истории русско- китайских отношений – широко известный Нерчинский договор в 1689 г. Латынь использовали в своих сочинениях голландский философ Б.Спиноза (1632- 1677), английский ученый И. Ньютон (1643- 1727), Р. Декарт, М.В. Ломоносов и многие другие. Без знания латинского языка получить образование было невозможно.

В настоящее время латынь используется в различных сферах, таких как филология, история, юриспруденция, медицина. Латинский язык является официальным языком государства Ватикан и католической церкви. Большое количество слов в различных языках имеют латинское происхождение. Латинский язык является основой письменности многих современных языков.

Справедливым будет сказать, что юридические сентенции – общий язык правоведов всего мира. Латинские изречения служат инструментом лучшего понимания и взаимодействия среди специалистов. Они стали достоянием ученых и практиков всех стран, и причем в оригинале, на латинском языке. Латинские юридические изречения будут жить, пока существует общественная потребность в праве, так как, воплощая в себе вековую народную мудрость, они всегда будут нужны человеку homo sapiens – как существу разумному.

В заключение хотим заметить, что латинский язык, наряду с древнегреческим, и в настоящее время служит источником для образования международной общественно-политической и научной терминологии. Для юриста же важно отметить, что латынь осталась языком закона и порядка, государства и права. Если юрист не знает, как переводятся «habea scorpus» «malum prohibitum» или «nolo contendere» – это плохой юрист.

А еще важно обратить Ваше внимание на то, что одно из высочайших достижений человеческого духа – Римское гражданское право – нам подарили именно римляне, а не греки. Из латинской юриспруденции выросла вся прочая юриспруденция.

Список литературы

1. Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков // Ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров. М., 1970.
2. И. М. Тройский. Очерки из истории латинского языка. М.-Л., 1953.
3. Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М.,1972.
4. Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция / Е. И. Темнов // Латинские юридические изречения. М., 1996.
5. Классическое наследие и современность: материалы и тез. конф. СПб., 1992.
6. Нисенбаум М.Е. Латинский язык Via Latina adius. Учебник – «Проспект», Москва 2000.

МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лукьянчикова Е.Ф.
доцент кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье медиация рассматривается в качестве инструмента разрешения уголовно-правового конфликта. На основе анализа доктрины уголовного процесса, зарубежного опыта и современного уголовно-процессуального законодательства раскрываются возможности внедрения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в сферу уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: медиация, восстановительное правосудие, примирительные процедуры, уголовное судопроизводство.

Идея развития концепции восстановительного правосудия в России не является новой. Данной проблемой занимались такие ученые как Карнозова Л., Максудов Р., Ожиганова М., Головко Л., Якимович Ю. и другие. Положения о применении различного рода примирительных процедур основательно закрепились в доктрине уголовного процесса. Принятие Федерального закона от 27.07.2010 N 193-ФЗ. (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» явилось основанием для дальнейшего развития концепции восстановительного

правосудия в сфере уголовного судопроизводства и потенциалов медиации в уголовно-процессуальной деятельности. Концепция восстановительного правосудия предполагает, что в уголовном судопроизводстве по некоторым категориям уголовных дел вред, причиненный конкретному лицу, возмещается или иным способом заглаживается правонарушителем.

Важнейшей целью восстановительного правосудия является обеспечение и защита прав потерпевших и обвиняемых (подозреваемых). Отказ от применения уголовно-правовых мер и (или) их минимизация в рамках восстановительного правосудия будут способствовать достижению целей наказания, закрепленных в Уголовном кодексе РФ. Назначение уголовного судопроизводства сформулировано в ст. 6 УПК РФ. Именно защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления имеет первостепенное значение. Поэтому государство обязано принимать все меры, направленные на восстановление прав жертвы преступления. И в данном случае не следует пренебрегать новыми способами и средствами разрешения уголовно-правового конфликта. Тем более, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России содержит правовые основания для возможности применения примирительных процедур.

Современная уголовная политика России стремиться к гуманистическим началам, вытесняя карательные. А принцип неотвратимости уголовного наказания действует независимо от поведения обвиняемого, степени его раскаяния, а также учета мнения потерпевшего. Принцип неотвратимости наказания в ряде случаев должен уступать возможности урегулирования уголовно-правового конфликта между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и потерпевшим от преступления в интересах обеих сторон. Безусловно, в законе содержатся исключения. Речь идет о делах частного обвинения, которые подлежат обязательному прекращению в связи с примирением с обвиняемым, а также об определенной категории дел частно-публичного и публичного обвинения (ст. 25 УПК РФ). Однако закон говорит о праве следователя, суда прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон, а не обязанности. Мы полагаем, следует расширить диспозитивные начала и дискреционные полномочия суда и лиц, ведущих уголовный процесс, в сфере уголовного судопроизводства. Для этого необходимо сформировать соответствующую законодательную базу, в частности, включив возможность применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве и поставить в этой связи вопрос об обязательном прекращении уголовного дела следователем или судом после проведения процедуры медиации при достижении медиативного соглашения. В любом случае прекращение уголовного дела и примирение сторон допускается на основании закона. Если положения и условия освобождения от ответственности не будут соблюдены, следователь не вправе прекращать уголовное дело. Содержание медиативного соглашения, условия примирения должны быть тщательно оценены следователем и судом как с позиции возможности реального заглаживания вреда, раскаяния, а также с позиции возможности исправления обвиняемого без уголовного наказания либо с применением менее тяжкого наказания.

Рассматривая возможность применения процедуры медиации в уголовном процессе России следует отметить, что существуют различные виды медиации в уголовном процессе. Так, Арутюнова А.А. в своей работе, посвященной процедуре медиации в уголовном процессе, на основе анализа и обобщении зарубежного опыта и международных правовых стандартах, выделяет следующие модели медиации. Англо-саксонская модель, в рамках которой медиация является проявлением теории восстановительной юстиции, т.е. рассматривается как общинный способ разрешения уголовно-правового конфликта и потому, как правило, не находит четкого законодательного регулирования. К указанной группе государств могут быть отнесены Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и пр. и континентальная модель, в рамках которой медиация представляет собой процессуальный институт, как правило, закрепленный в законодательстве и воплощающий собой одну из возможных альтернатив уголовному преследованию. К данной группе государств можно отнести Францию, Германию, Португалию, Австрию, Норвегию и пр. Согласимся с мнением автора, что для российской правовой системы следует разработать институт медиации как «дополнительную меру уголовно-процессуального характера, направленную на достижение примирения между обвиняемым и потерпевшим с целью прекращения уголовного преследования или вынесения судебного решения в упрощенном порядке с учетом соглашения, достигнутого сторонами» [1, с. 6].

Анализ законодательства зарубежных стран позволяет сделать вывод о том, что медиация успешно применяется для разрешения уголовно-правовых конфликтов между потерпевшим и обвиняемым. Специфика уголовного судопроизводства, его цели, природа порождают определенного рода опасения и сложности применения медиации, поскольку речь идет о совершении общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным законом. Однако внедрение процедуры медиации в уголовно-процессуальную деятельность не предполагает произвольности в действиях органов уголовного преследования и суда, а наоборот, предполагает создание действенных механизмов реализации уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм о примирении сторон для достижения целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства. УК РФ в качестве одной из целей наказания закрепляет восстановление социальной справедливости и исправление осужденного. Полагаем, что данные цели могут быть достигнуты и в рамках восстановительного правосудия с помощью медиации.

Особенно актуальным считаем возможность широкого применения процедуры медиации при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а именно при прекращении уголовного дела и применении принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним обвиняемым (ст. 427 УПК РФ).

Потерпевшему, который находится в состоянии страха, напряжения в результате совершенного в отношении него преступления, а также воздействия органов уголовного преследования, достаточно трудно конструктивно взаимодействовать друг с другом. Причем потерпевший может находиться в

конфликте не только с лицом, совершившим преступление, но и с соответствующими правоохранительными органами, интересы которых могут не совпадать с интересами жертвы преступления (не желание раскрыть преступления, стремление улучшить статистику и другие причины).

В идеале примирительная процедура как часть восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве на любой стадии процесса призвана восстановить отношения, разрушенных в результате конфликтов и преступлений, исцеление жертв преступлений, интеграцию правонарушителей в общество с помощью медиации либо снизить социальную и психологическую напряженность, которая всегда возникает между сторонами конфликта. Поэтому медиатор как независимый и беспристрастный посредник в рамках организованных встреч между потерпевшим и обвиняемым должен быть ориентирован на решение ряда задач. В качестве одного из принципов медиации является принцип добровольности. Только при наличии волеизъявления сторон, добровольности можно начинать переговорный процесс. Поэтому до начала процедуры медиации необходимо выяснить, не применялось ли давление на потерпевшего или обвиняемого со стороны правоохранительных органов и других лиц. Далее необходимо выявить потребности жертвы преступления. В зависимости от характера преступления речь может идти о возмещении материального ущерба, восстановлении чувства защищенности, компенсации морального вреда, желании потерпевшего увидеть раскаяние лица, совершившего преступление, услышать извинения от обвиняемого, получить ответы на волнующие вопросы и др. Зачастую, обращение в суд по делам частного обвинения является своего рода манипуляцией со стороны заявителя, это обусловлено обидой потерпевшей стороны, поэтому для примирения важную роль играют его межличностные отношения, а извинения виновника и раскаяние в содеянном является главной целью потерпевшего. Эти вопросы также необходимо тщательно выяснить в ходе беседы. Медиатору следует выявить и интересы обвиняемого. Так, нужно уяснить, признает ли он себя виновным, раскаивается ли в содеянном, какими мотивами руководствовался при совершении преступления, личное отношение к потерпевшему, желание и возможность загладить вред и другие обстоятельства.

В дальнейшем медиатор создает условия для принятия обоюдного взаимоприемлемого решения между сторонами. Принятие решения о размере и форме возмещения ущерба иных способах заглаживания вреда должны исходить от сторон. Медиатор не должен принимать сторону потерпевшего или обвиняемого. В этом случае речь идет о профессионализме медиатора. Сочувствие к потерпевшему, негативное отношение к личности обвиняемого не должны отражаться на результатах его профессиональной деятельности. В отличие от разрешения частно-правовых конфликтов, разрешение уголовно-правового спора сопровождается ярко выраженной психологической напряженностью. Здесь требуется особый психологический подход как к жертве преступления, так и к самому нарушителю. В зависимости от характера спора можно привлечение ближайшее социального окружение для помощи и поддержки в планировании правомерного поведения правонарушителя.

Следует помнить, что задача медиатора стоит отнюдь не в том, чтобы освободить от наказания или определить его меру в юридическом смысле, поскольку принцип независимости и беспристрастности является одним из важнейших принципов. Медиатор при разрешении криминальной ситуации не выполняет функции судьи, адвоката, следователя или прокурора. Ответственность за конкретный результат медиации несут стороны уголовно-правового конфликта, участвующие в процедуре медиации. Медиатор не разрешает уголовное дело по существу и не является представителем органов уголовного преследования и суда, выполняет самостоятельную процессуальную функцию, в связи с чем, в законодательстве в дальнейшем следует предусмотреть в разделе «Участники уголовного судопроизводства» такого участника уголовного процесса как медиатор, определив его понятие и процессуальный статус.

Отметим еще раз, что процедура медиации с юридическими последствиями в виде прекращения уголовного дела возможна только по определенной категории уголовных дел, указанных в законе. Однако ее применение не исключается в случаях совершения тяжких преступлений. В этом случае нам представляется, что достижение каких-либо договоренностей между обвиняемым и потерпевшим в процедуре медиации и их исполнение может учитываться судом при назначении наказания. Возникает также резонный вопрос о допустимости процедуры медиации до возбуждения уголовного дела. На этапе проверки сообщения о преступлении отсутствует целостная картина происшедшего. По мнению Арутюновой А.А. на данном этапе речь может идти о том, чтобы лицо, совершившее общественно-опасное деяние, соглашалось с объективной стороной деяния, характером и размером причиненного вреда [2, с. 74].

Таким образом, международные стандарты, правовая доктрина и опыт зарубежных государств показывает очевидные преимущества восстановительного правосудия и примирительных процедур перед карательными. Во-первых, они позволяют снизить социальную и психологическую напряженность, а во-вторых позволяет достичь целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства, поскольку современная пенитенциарная система на сегодняшний день не всегда способна справится с данными задачами. О необходимости более широкого применения альтернативных видов наказания высказывался Д.А. Медведев, который полагает, что следует достичь необходимого уровня гуманизма в системе исполнения наказаний, улучшения условий содержания лиц, которые там содержатся, и приведение в соответствие всей системы уголовно-исполнительной и нормативной базы этой системы в соответствие с международными стандартами. Применение этого института приведет к сокращению числа осужденных к лишению свободы. С помощью восстановительного правосудия гражданское общество привлекается к участию в работе с подсудимыми и осужденными и помогает социализации лиц, нарушающих закон.

Процедура медиации с участием независимого посредника способствуют установлению нормальных отношений между сторонами, примире-

нию и возмещению ущерба, причиненного преступлением, повышению доверия к государственным органам. Восстановительное правосудие играет и важную превентивную роль, способствуют минимизации количества случаев совершения повторных преступлений. В ходе медиации происходит переоценка ценностей обвиняемого, он получает возможность вернуться в семью, честно трудиться и приносить пользу обществу, тогда как приговоренный к лишению свободы такой возможности лишен. Примирение обвиняемого и потерпевшего способствует защите прав и свобод обеих сторон, а также достижению задач уголовного судопроизводства. В соответствии с Рекомендацией № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. Комитета министров Совета Европы, посвященной медиации в уголовных делах, указывается на необходимость усиливать понимание как отдельным человеком, так и местным сообществом в целом их важной роли в предупреждении и сдерживании преступлений, а также в разрешении сопутствующих конфликтов, способствуя этим достижению целей правосудия по уголовным делам более конструктивными и менее репрессивными средствами [3, 201].

Список литературы

1. Арутюнян, А.А. Медиация в уголовном процессе [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.А. Арутюнян – М., 2012. – 32 с.

2. Арутюнян, А.А. Медиация в уголовном процессе [Текст] / А.А. Арутюнян. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 200 с.

3. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года и пояснительные заметки. Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под редакцией Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006. – 244 с.

ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Макогон И.В.
доцент кафедры предварительного расследования, канд. юрид. наук,
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
Россия, г. Волгоград

В статье рассматриваются особенности проведения проверочной закупки на стадии возбуждения уголовного дела при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; незаконный оборот наркотиков; следственные действия; проверочная закупка.

Расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, связано со значительными трудностями и, безусловно, имеет свою специфику, обусловленную не в последнюю очередь отсутствием заявлений

потерпевших о совершении преступлений. Уголовные дела о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, могут быть возбуждены в случаях непосредственного обнаружения работниками полиции фактов, указывающих на незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, потребление, сбыт, посев и выращивание.

Изъятие наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может происходить как при проведении оперативно-розыскного мероприятия – проверочная закупка, так и во время задержания лиц, совершивших приобретение либо хранение наркотических средств или психотропных веществ, участие которых в сбыте на этот момент не доказано, в рамках осуществления административной деятельности. В подобных ситуациях оформляются протоколы в соответствии со ст. ст. 27.1, 27.7, 27.9, 27.10 КоАП РФ.

Понятие «проверочная закупка» определяется как совокупность действий по созданию оперативными подразделениями ситуации сделки (мнимой), в которой с ведома оперативного подразделения и под оперативным контролем приобретается товар или предметы (без цели потребления или сбыта) у лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, с целью получения информации о вероятной преступной деятельности [1, с. 371].

Приступая к подготовке проверочной закупки наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, оперативный сотрудник готовит мотивированный рапорт и утверждаемое руководителем органа, осуществляющего ОРД постановление, которые являются основаниями для начала проведения операции по их проверочной закупке.

В рапорте и описательной части постановления указываются полученные сведения и краткое содержание имеющихся материалов о преступной деятельности конкретных лиц (без раскрытия информации оперативного характера, носящей гриф секретности), обоснование необходимости проведения этого оперативно-розыскного мероприятия, расчет привлекаемых сил и средств, наименование подразделений, которым поручается проведение оперативно-поисковых, оперативно-технических мероприятий, данные о лице, участвующем в качестве покупателя, размеры денежных средств, других ценностей или предметов, необходимых для проверочной закупки.

После принятия решения руководителем органа, осуществляющего ОРД о проведении проверочной закупки, производятся действия, обеспечивающие проведение данного ОРМ. До начала проведения проверочной закупки производится осмотр и пометка специальными средствами денежных купюр, а также делаются их ксерокопии. Данные денежные средства предназначены к использованию для «оплаты» при проведении проверочной закупки. О произведенных действиях составляется протокол, в котором указывается достоинство (номинал), серия, номер каждой помеченной купюры, использованное спецсредство, а также для какой цели они предназначены и кому переданы. Кроме того, к данному

протоколу приобщаются ксерокопии данных денежных средств. К участию в подготовке и проведению проверочной закупки на разных ее этапах привлекаются «незаинтересованные лица», «представители общественности», «присутствующие», которые впоследствии могут приобрести статус свидетелей (при условии возбуждения уголовного дела) и давать показания о ходе производства ОРМ и факте изъятия наркотических средств [2, с. 48].

К проведению проверочной закупки может привлекаться как сотрудник полиции, выступающий в качестве покупателя, так и любой другой гражданин, давший согласие сотрудничать с оперативным подразделением при проведении конкретных операций. В настоящее время, в целях обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, законодателем предусмотрена возможность не приводить биографические данные об их личности в последующем в протоколе следственного действия, в котором участвует свидетель [3, с. 9 – 11].

Перед направлением лица (гражданина или сотрудника полиции), выступающего в качестве покупателя для проведения проверочной закупки, он обязательно досматривается в присутствии обозначенных выше «лиц, участвующих при проведении ОРМ», и в протоколе досмотра фиксируется отсутствие у него наркотических средств, иных предметов, оборот которых запрещен. Если при проведении проверочной закупки предполагается использование транспортного средства, то проводится его досмотр.

Для обеспечения прослушивания и фиксирования разговора с наркоторговцем в ходе сделки, лицо, выступающее в качестве покупателя, снабжается соответствующими спецсредствами (радиомикрофон, диктофон), о чем составляется протокол.

По результатам проверочной закупки составляется протокол досмотра лица, выступающего в роли «покупателя», и приобретенных наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, которые помещаются в прочную и надежную упаковку, исключающую возможность их утраты, порчи и извлечения из упаковки без нарушения ее целостности и обеспечивающую сохранность имеющихся на них следов (микроследов). Затем составляется рапорт (в случае если он является сотрудником органов внутренних дел), а в протоколе досмотра «покупатель» делает заявление о добровольной выдаче наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и об обстоятельствах их приобретения. При этом, упаковка опечатывается печатью правоохранительного органа, заверяется подписью лица, производящего изъятие, «лиц, участвующих при проведении ОРМ», и иных присутствующих лиц, о чем в протоколе делается соответствующая отметка. На упаковке разборчиво отражаются следующие сведения: фамилия и инициалы лица, у которого произведено изъятие; сведения о месте и времени изъятия; другая необходимая информация. При этом, запрещается оформление протокола досмотра оперативным работником, выступавшим в роли «покупателя» [4, с.141; 5, с. 70; 6, с.136; 7, с. 110].

Во избежание возбуждения уголовных дел в отношении лиц, которые не причастны к действиям по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, в ходе проверки в общем случае необходимо устанавливать принадлежность изъятого вещества к наркотическим и установить его вес, для этого необходимо использование специальных знаний.

Собранные в ходе проведения проверочной закупки материалы, а также видео- и аудиозаписи или фотоснимки, оформляются и приобщаются к возбужденному уголовному делу в соответствии с требованиями УПК РФ и Инструкции «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, МО России от 17 апреля 2007 г. № 336/185/164/481/32/184/97/147.

Перед представлением материалов следователю, дознавателю, суду эти сведения либо подлежат рассекречиванию на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо представляются в соответствии со ст.16 Закона Российской Федерации «О государственной тайне».

Представление оперативными подразделениями результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Проверив полученные результаты оперативно-розыскной деятельности на предмет их соответствия требованиям закона, следователь (дознаватель) принимает меры по приданию им доказательственного значения, в связи с чем, изучает документы, составленные в ходе проведения ОРМ, изъятые предметы и средства могут быть приобщены в качестве вещественных доказательств либо иных документов [8, с. 212; 9, с. 126; 10, с. 124; 11, с. 114].

Таким образом, для возбуждения уголовного дела по факту незаконного оборота наркотических средств, необходимо систематически и целенаправленно накапливать соответствующую информацию, документировать незаконную деятельность с этой сфере оперативно-розыскными и иными методами.

Список литературы

1. Оперативно-розыскная деятельность [Текст]: учебник / под ред. К.К. Горянинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М., 2002.

2. Шавкарова Е.Е. Проблемы обеспечения безопасности свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству [Текст]/ Е.Е. Шавкарова // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. Т.2.

3. Стешенко Ю.С., Горкина Е.В. Проблемы правового регулирования обеспечения мер безопасности участников уголовного судопроизводства на предварительном следствии. [Текст]/ Ю.С. Стешенко, Е.В. Горкина // Права человека в национальном международном праве: сборник тезисов международной конференции 19 июля 2014 г. Санкт-Петербург: Фонд развития юридической науки, 2014.

4. Никонович С.Л. Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения [Текст]/ С.Л. Никонович // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9.(105).

5. Никонович С.Л. Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений [Текст]/ С.Л. Никонович // Закон и право. 2011. №10.

6. Никонович С.Л. Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений [Текст]/ С.Л. Никонович // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12.

7. Никонович С.Л. Типичные следственные ситуации и организация расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней [Текст]/ С.Л. Никонович // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28).

8. Криминалистика [Текст]: учебно-метод. пособие / Никонович С.Л., Могутин Р.И., Бирюков С.Ю., Галузо В.Н., Брусенцева В.А. Тамбов-Липецк, 2014. 420с.

9. Правоохранительные органы [Текст]: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы: Сыдорук И.И., Ендольцева А.В., Тамаев Р.Т., Мирзоев Г.Б., Эриашвили Н.Д., Химичева О.В., Гладких В.И., Галузо В.Н., Галоганов А.П., Данилкин В.Н., Батюк В.И., Никонович С.Л., Авдалян А.Я.]. М.: Юнити-Дана, 2013.

10. Никонович С.Л. Недостатки взаимодействия следователя с оперативными подразделдениями при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней [Текст]/ С.Л. Никонович. Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 9.

11. Уголовно-процессуальное право в вопросах и ответах [Текст]: учеб. пособие/ Абрамов В.А., Никонович С.Л., Могутин Р.И., Бирюков С.Ю. Тамбов-Липецк, 2014.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ

Никабадзе Н.Н.
студентка 4 курса, юридический институт,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Статья посвящена проблеме возмещения потерпевшему вреда, причиненного актом терроризма, анализ недостатков современного российского законодательства, которые проявляются при осуществлении компенсационных выплат жертвам террористических актов. Автор приходит к выводу, что вопрос о компенсации потерпевшему за вред, причиненный в результате террористического акта, недостаточно регулируется в действующем российском законодательстве и требует некоторых уточнений.

Ключевые слова: террористический акт, возмещение вреда, моральный вред, материальный ущерб, компенсация.

На сегодняшний день терроризм как одно из наиболее опасных социально-правовых явлений, выступающих в качестве источника глобальных опасностей для человечества, представляет собой крайне актуальную социально-правовую проблему, вызывающую живой интерес со стороны как отдельных стран, так и международных сообществ и организаций.

Проблема, которая неизбежно возникает в связи с совершением террористических актов, заключается в защите потерпевших от последствий, кото-

рые влекут за собой данные преступления, в частности в возмещении причиненного им вреда. Борьба с терроризмом не может вестись без адекватной компенсации вреда жертвам со стороны государства, о чем свидетельствуют международные и внутригосударственные законодательные акты [1, с. 134].

Компенсация вреда, причиненного в результате совершения террористического акта, регламентируется в России отдельным законодательным актом, а именно Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4], а также постановлением Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» [2].

Однако на практике возникает ряд вопросов в связи с применением норм перечисленных актов. Во-первых, в п. 1 ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму» сказано, что государство осуществляет компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта. При этом государство берет на себя обязанность возместить материальный ущерб, причиненный пострадавшим, и освобождает себя от обязанности возмещать им еще и моральный вред. Возмещение же морального вреда осуществляется исключительно за счет средств лица, совершившего террористический акт, либо за счет средств его близких родственников, родственников и близких лиц.

Однако ряд теоретиков полагает, что государство все же обязано возмещать пострадавшим не только материальный, но и моральный вред.

Так, например, Н.Д. Трофимов считает, что в существующую на сегодняшний день в ч. 1 ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму» норму необходимо внести изменения, согласно которым государство возложило бы на себя обязанность возмещать и моральный, и материальный вред, причиненный в результате террористического акта [4, с. 55].

Здесь возникает еще один вопрос: действительно ли окружение террориста должно отвечать за его действия?

По этому поводу высказываются различные точки зрения. К примеру, некоторые теоретики утверждают, что семья, оказывая непосредственное влияние на развитие личности, способствует формированию у человека его характера, мировоззрения, отношения к себе и к окружающим. В связи с этим предполагается, что участие лица в подготовке и совершении террористического акта является следствием негативного воздействия на него его семьи и близкого окружения. Поэтому, необходимо налагать ответственность на родственников, близких лиц и близких родственников террориста в связи с совершением им террористического акта, так как предполагается, что их действия повлекли за собой формирование у террориста предрасположенности к совершению преступлений.

Однако, по нашему мнению, данное утверждение не должно являться основанием для привлечения родственников террориста к ответственности по крайней мере до тех пор, пока не удастся доказать, что именно их дей-

ствия привели к такому результату. Тем более что сегодня люди оказываются втянутыми в совершение террористических актов лицами, не имеющими никакого отношения к их близкому окружению.

Помимо этого сторонники ответственности близких лиц террориста высказываются о необходимости защиты в первую очередь интересов потерпевших, в том числе и за счет родственников лица, совершившего террористический акт. Думается, что именно в этих целях в ФЗ «О противодействии терроризму» предусмотрено возмещение морального и материального вреда родственниками и близкими людьми террориста.

Однако, на наш взгляд, данное положение закона противоречит принципу личной ответственности и принципу личной вины, закрепленному в ч. 1 ст. 5 УК РФ. Думается, что человек, не участвовавший в подготовке или совершении террористического акта и не имевший сведений о таком акте, не должен нести ответственность за действия своего родственника или близкого лица.

При этом остается также непроясненным вопрос о том, как отвечают перед потерпевшим близкие люди террориста, если и сам террорист остался в живых. Должны ли они нести ответственность солидарно? Или ответственность родственников и близких людей предусмотрена только в случае, если террорист погиб? На данные вопросы действующее законодательство ответа, к сожалению, не дает.

Следует также отметить, что не менее актуальным на сегодняшний день является и вопрос возмещения вреда лицам, участвующим в борьбе с терроризмом. Согласно ст. 21 упомянутого Федерального закона данные лица имеют право на возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу. Однако в ч. 6 этой же статьи сказано, что при наличии нескольких оснований для получения компенсационных выплат эти выплаты производятся по одному из них по выбору получателя. Т.е. лицо, участвующее в борьбе с терроризмом, не имеет права получить одновременно компенсацию за имущественный и неимущественный вред, причиненный террористическим актом. На наш взгляд, данное положение является несправедливым по отношению к данным лицам и должно быть исключено.

Таким образом, существующее законодательство в сфере возмещения вреда, причиненного террористическим актом, видится недостаточно урегулированным и требующим существенных корректировок.

Список литературы

1. Кокоева, Л.Т., Рыбаков, В.А., Соловьев, В.Н. и др. Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма: монография / Л.Т. Кокоева, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев и др. М.: Юрист. 2009. 179 с.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» // Собрание законодательства РФ. 24.02.2014. № 8. Ст. 809.

3. Трофимов, Н.Д. Проблемы возмещения вреда, причиненного террористическим актом, в свете Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» / Н.Д. Трофимов // Российский следователь. – 2006. – №7. – С. 55-56.

4. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Раскина Т.В.
ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук,
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Москва

В статье дается современная криминологическая характеристика базовых детерминант преступности, к числу которых относятся негативные факторы правового, социально-экономического, духовно-нравственного развития. Их исследование имеет важнейшее значение для определения основных направлений антикриминогенного воздействия в ходе профилактики не только преступлений, но и иных правонарушений.

Ключевые слова: детерминанты преступности, бедность, безработица, миграция, коррупция, правосознание, алкоголизм, наркомания.

Согласно классической формулировке немецкого философа Г.В. Лейбница «Есть в природе порядок (Ratio), по которому предпочтительно существует нечто, а не ничто. Это следствие того великого принципа, в силу которого ничто не происходит без причины и должна быть причина, почему существует это, а не другое» [7, с. 234]. Маловероятно, что в современном мире найдется ученый, который станет отрицать факт детерминированности каждого преступного деяния и преступности в целом. Вместе с тем установление причин, условий, зависимостей, формирующих преступность и определяющих ее качественные и количественные характеристики, представляет собой сложное научное изыскание. За всю историю научных открытий в криминологии, социологии, иных смежных науках высказано и обосновано большое количество взглядов, идей, мнений по этому вопросу. По своей сути все они объединяются в несколько крупных направлений (концепций, школ, учений): биологическое, социологическое, социобиологическое, на которых базируются сегодняшние научные взгляды на детерминанты преступности.

Однако в основе современного криминологического анализа детерминант преступности лежит выявление и изучение факторов, имеющих определяющее значение в формировании преступности в их диалектической зависимости. Преступность «существует в обществе, благодаря обществу, в связи с условиями этого общества» [14, с. 40], и в числе прочих явлений она сама является одним из звеньев бесконечной цепи взаимосвязей. Преступность детерминирована негативными явлениями и процессами политической, экономической, социальной, правовой, духовно-нравственной сфер жизни, находящимися, к тому же, в непрерывных диалектически взаимосвязанных причинных связях друг с другом. При этом определить конкретную, математически точную значимость воздействия каждого из факторов или их совокупно-

сти в целом на состояние и динамику преступности невозможно. На каждом этапе развития общественных отношений возникают новые, видоизменяются существующие и уходят в прошлое какие-то причины, условия, обстоятельства, продуцирующие криминальное поведение и формирующие преступность в целом. При этом в силу системного характера социального детерминизма такие факторы не только определяют преступность, но и сами впоследствии меняются уже под ее воздействием, становясь еще более неблагоприятными и порождая различные деструктивные явления в иных сферах жизни общества.

Вместе с тем практически во все времена остаются неизменными ее базовые детерминанты, лежащие в основе любого государственно-организованного общества и обусловленные развитием производительных сил и производственных отношений. В связи с этим в причинном комплексе преступности превалируют факторы, связанные с развитием экономики. Ее уровень определяется через основные показатели валового или регионального внутреннего продукта, промышленного и сельскохозяйственного производства, инфляции, безработицы, уровня жизни и т.д.

Анализ динамики базовых показателей национальной экономики последних пяти лет свидетельствует о негативной ситуации (здесь и далее по тексту использованы статистические данные с официальных сайтов Министерства экономического развития, Федеральной службы государственной статистики, Министерства внутренних дел Российской Федерации за период 2010-2014 г.).

Так, рост ВВП сократился с 4% в 2010 г. до 0,6% в 2014 г. (рис. 1), существенно увеличились цены на товары и услуги (рис. 2).

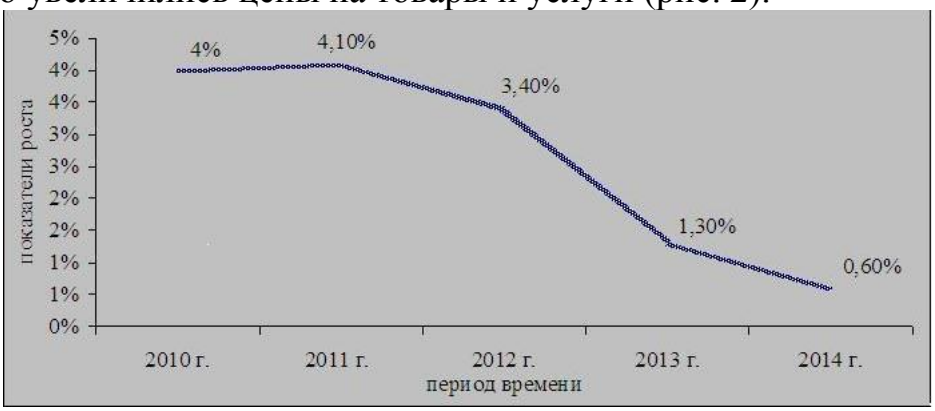

Рис. 1. Динамика показателей роста ВВП за последние пять лет

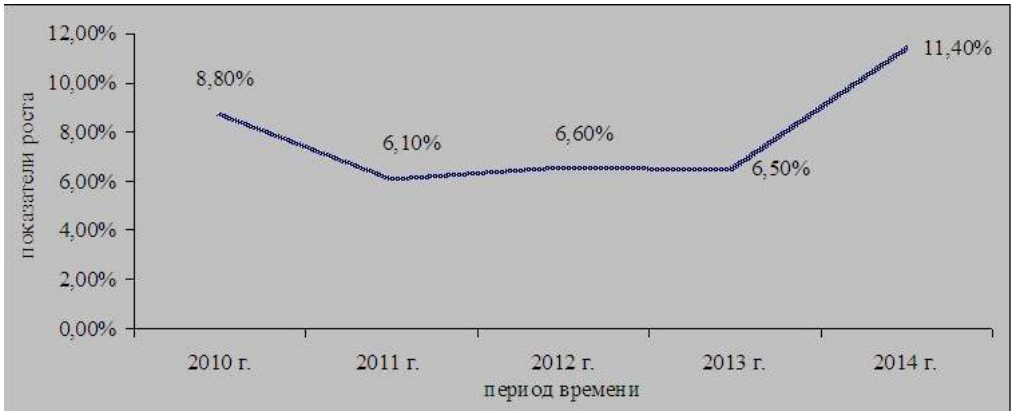

Рис. 2. Динамика роста инфляции за последние пять лет

Не отличается стабильностью и высокими показателями национальное сельскохозяйственное производство, которое призвано обеспечить продовольственную безопасность страны (рис. 3).

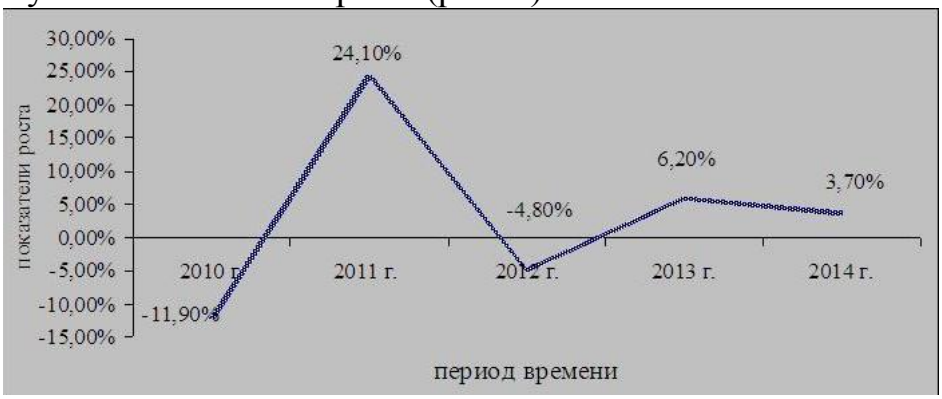

Рис. 3. Динамика показателей развития сельхозпроизводства за последние пять лет

Скачкообразное и по большей части неудовлетворительное развитие национального сельского хозяйства отрицательно сказывается на состоянии трудовой занятости сельского населения, которая и так довольно ограничена, развитии социальной инфраструктуры в сельской местности и в целом на качестве жизни. Довольно сложно решать задачу продовольственного обеспечения людям, чьи бытовые условия остаются крайне неудовлетворительными. В среднем по стране немногим более половины домов и квартир в сельской местности обеспечены сетевым газом и центральным водоснабжением. При этом размеры среднемесячных номинальных заработных плат сельчан из года в год не превышают и половины от средних заработных плат горожан, что в ряду иных причин обусловливает проблемы, связанные с массовым оттоком жителей из сельских местностей, ростом количества потребляемого алкоголя и массой иных негативных последствий.

Проблемы сельского хозяйства самым тесным образом связаны с проблемами иных отраслей экономики. При этом нельзя сказать, что страна все это время «катилась по накатанной колее». В целях модернизации хозяйствования на протяжении последних 15 лет проводилось беспрецедентное и постоянное реформирование налоговой, банковской, бюджетной, административно-управленческой систем.

Однако, результатом этого, как отмечал академик РАН Д.С. Львов, явилось образование двухслойной экономики, представляющей не одну, а как бы две России. При этом население «первой» России, на долю которой приходится не более 15%, аккумулирует в своих руках около 85% всех сбережений, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности и 96% всех средств, расходуемых на покупку иностранной валюты. Более того, произошла колоссальная дифференциация регионов страны по уровню экономического развития. Согласно исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН этот разрыв в реформируемой России составляет 60-кратную величину, по объему инвестиций на душу населения – 150-кратную, по уровню потребления – 30-кратную, по уровню безработицы – 24-кратную [8, с. 6]. Даже согласно официальным данным разница величины

регионального валового продукта на душу населения между самыми отстающими и самыми развитыми субъектами Российской Федерации составляет более 20 раз [9, с. 12]. Данные негативные процессы существенно ослабляют криминальную защищенность, и продуцируют социально-экономические проблемы получения достойного образования, качественной медицинской помощи, культурной самореализации личности.

Вследствие различных диспропорций в экономике усиливается бедность населения. Являясь одной из детерминант преступности, бедность значительно ослабляет режим законности в государстве и обусловливает совершение корыстно-насильственных преступлений, а также, зачастую, насильственных преступлений в отношении самих бедных. Люди, не имеющие средств на самое необходимое, вынуждены искать пути восполнения материального достатка, в том числе за счет незаконных, а нередко и преступных способов получения доходов за счет краж, грабежей и т.д.

В целом по стране количество россиян, имеющих денежные доходы, которые не достигают официально установленной величины прожиточного минимума, за годы реформ значительно сократилось. Если в 2000 г. бедных по данным выборочного обследования Росстатом бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя денежных доходов населения насчитывалось более 40 млн. человек (29% от общей численности населения), то к 2015 г. их количество сократилось до немногим более 16 млн. человек (11,2% от общей численности населения). Однако даже эта цифра является значительной и означает, что в настоящее время каждый десятый россиянин стоит за чертой бедности.

За последние пять лет доля бедных сограждан в общей численности населения кардинально не менялась, оставаясь в среднем на уровне 11,5%. Среди работающих россиян доля занятых с низким уровнем заработной платы также остается стабильной, причем стабильно высокой – почти 30% (28,8% – в 2011 г. и 28,1% – в 2013 г.). Большую озабоченность вызывает факт существенного превалирования среди малоимущих домашних хозяйств семей с детьми в возрасте до 16 лет. Их доля в общем количестве малоимущих домашних хозяйств только увеличивается: с 48,8% – в 2006 г. до 64% – в 2013 г. Из этого следует неутешительный вывод – дети в современной России имеют устойчивый риск бедности, превышающий к тому же среднероссийский уровень. В такой ситуации для большинства родителей вполне обоснованно на первый план выходит решение вопроса хотя бы минимального материального обеспечения семьи, отодвигая «на потом» процесс воспитания достойного подрастающего поколения. Кроме того, малообеспеченные семьи закономерно испытывают трудности в даче детям качественного образования, медицинского обеспечения, общего культурного развития.

Ситуация постоянной нужды, зачастую, влечет бытовое пьянство и жестокость родителей, что является нелучшим примером для детей. Насколько вероятно формирование у детей, находящихся в описанной обстановке, установок на законопослушное и социально полезное поведение? С учетом невыполнения образовательными организациями воспитательных функций, от-

сутствием бесплатных и доступных культурно-спортивных детских и юношеских организаций, ответ напрашивается один – будущее нации находится под угрозой.

Одним из опаснейших криминогенных факторов является безработица. Исключение трудоспособного человека из сферы занятости и лишение его стабильного источника средств к существованию порождает трудноразрешимые материальные проблемы удовлетворения естественных потребностей в еде, одежде, жилище. Безработица всегда влечет целый комплекс психологических трудностей в виде состояния нестабильности, тревожности, незащищенности. Невозможность профессиональной реализации ведет к ухудшению знаний, навыков, квалификации, что в свою очередь, является достаточным препятствием к получению новой работы.

Хотя на протяжении последних пяти лет уровень безработицы по данным Росстата относительно стабилен (2010 г. – 7,5%, 2011 г. – 6,3%, 2012 г. и 2013 г. – 5,5%, 2014 г. – 5,2%), тем не менее на фоне негативных прогнозов дальнейшего спада экономики закономерно следует ожидать роста проблем трудовой занятости. При этом повышенную криминальную опасность несет невостребованность на рынке труда молодежи. Анализ данных Росстата свидетельствует о стабильности данной негативной ситуации. Доля молодежи в возрасте 20-24 лет – наиболее криминально опасной возрастной категории – на протяжении последних без малого десяти лет (начиная с 2007 г.) в структуре безработных не опускается ниже 20%, а в возрастной группе 25-29 лет – колеблется в пределах 13–16%. Особую озабоченность вызывает практически не снижающееся количество не работающей и не учащейся молодежи. В общей численности населения в возрасте 15-24 лет доля таких лиц в течение последних пяти лет составляет в среднем более 12%.

Исключение из производственной сферы самой активной части населения несет не только экономические потери, но и ставит под угрозу саму безопасность государства, в котором будущее нации в силу разных причин не закладывает социально здоровый фундамент собственной профессиональной и личной жизни, а зачастую выбирает асоциальное или преступное поведение для удовлетворения жизненных потребностей.

В чем же заключается проблема? Почему, несмотря на активно проводимые экономические и правовые реформы в стране сохраняются низкие доходы большинства населения, значительные диспропорции в финансовой обеспеченности людей и, как следствие, глубочайшие социальные различия?

Как обоснованно отмечает российский экономист и криминолог Колесников В.В., с которым трудно не согласиться, криминогенна сама экономическая модель нашего государства [4, с. 163-191]. По своей сути она формирует мощнейшие антогонизмы, связанные с колоссальным имущественным неравенством, социальным расслоением и несправедливостью, тотальной коррупцией и всеобщей криминализацией экономических институтов. Это неизбежно ведет к социальной дестабилизации и вползанию в состояние хронической энтропии [5, с. 47].

Криминальную опасность данной ситуации в разы усиливают активные процессы глобализации, проявляющиеся через конструирование нового мирового порядка, создание транснациональных корпораций, контролирующих практически все финансовые рынки и денежные потоки, интенсивное лоббирование интересов экономических элит, формирование невиданной ранее коммуникационной среды с повсеместной разработкой и применением новейших информационно-аналитических технологий. Тенденции развития современного мира, проявляющиеся через глобализацию, четко обозначили всеобщую взаимозависимость, сопровождающуюся переплетением региональных, национальных и общемировых проблем в экологической, военной, энергетической, ресурсно-сырьевой областях. Это, безусловно, сказывается на состоянии преступности, уверенно эксплуатирующей лишенные должного государственного и общественного контроля правоотношения, по большей части связанные с экономикой. Ведь именно к данной сфере всегда и во всех странах прикованы интересы организованных преступных структур [15, p. 363-388; 16, p. 53-62], и чем выше могут быть криминальные доходы, тем мобильнее действуют преступники, используя в корыстных целях нерегламентированные (дефектно регламентированные) законом ниши кредитно-банковской, бюджетной, налоговой, внешнеэкономической, инвестиционной и другой, в том числе международной экономической деятельности. Возможность получения сверхдоходов является целью сплоченных мафиозных сообществ, торгующих наркотиками, оружием, людьми, государственной собственностью и др. При этом глобализация, сопряженная с различными геополитическими факторами, зачастую облегчает преступникам выход на международную арену и распространение, сращивание криминальных структур разных государств.

В обстановке санкционных мер, которые стали применяться с 2014 г. в отношении финансового, оборонного, энергетического секторов российской экономики и ответных мер Российской Федерации для национального правового пространства как никогда реальной стала опасность расширения преступного поля деятельности, причем, по большей части латентной, за счет распространения «обновленных» фактов контрабанды, уклонения от уплаты таможенных, налоговых платежей, отмывания денежных средств, увеличения количества незаконных операций с валютой, всевозможных валютных биржевых спекуляций, а это, в свою очередь, представляет реальную угрозу национальной безопасности.

Глобализация активизировала современные передвижения граждан по территориям разных государств, проводимые как законно, так и незаконно для осуществления неправомерной трудовой деятельности, совершения криминальных деяний и т.п. Современная миграционная ситуация в Российской Федерации характеризуется тем, что порядка 80% иностранных граждан приезжает в нашу страну из государств-членов СНГ, причем по большей части – из стран Средней Азии. Почти половина из них дислоцируются в мегаполисах Москва и Санкт-Петербург, а также Московской и Ленинградской областях.

Для таких мигрантов характерны проблемы слабой адаптации и интеграции в российское общество из-за глубочайших культурных и конфессиональных различий. Национальные ценности и поведенческие установки многих из них даже теоретически трудно совместимы с принятыми в Российской Федерации. Подавляющее большинство социально не устроены и финансово не благополучны. Более того, зачастую, мигранты сознательно демонстрируют нежелание следовать законам и правилам принявшего государства, активно стремятся к повсеместному установлению собственных обычаев. Ярким примером сказанного является помпезное проведение на территории Российской Федерации религиозных торжеств, нелегальное образование на территории Российской Федерации замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, противоречащей единому правовому и культурному полю страны.

Что касается Дальневосточных территорий и Сибири, то в настоящее время происходит их активное заселение мигрантами из Китая, которые пытаются всеми способами, в т.ч. криминальными и околокриминальными достичь оседлости или идентификации [11, с. 374]. Для этого чаще всего китайскими гражданами используется заключение фиктивных браков с гражданами Российской Федерации, представление заведомо ложных сведений о родстве с ними же, внедрение в бизнес, а ранее, до изменений миграционного законодательства, – и незаконное приобретение недвижимого жилого помещения с последующей регистрацией в нем. К сожалению, данные проблемы практически оставлены без внимания федеральными органами государственной власти. В противовес этому массовая китайская миграция основана на постулатах китайского правительства, выраженных еще в 2000 г. концепцией «Идти во вне», направленной на расширение рынка сбыта китайских товаров, увеличение поставок необходимых китайской промышленности сырьевых товаров, привлечение в Китай иностранных капиталов и результатов научно-технических достижений.

Серьезной проблемой, криминализирующей миграцию, является нелегальная и полулегальная экономическая деятельность мигрантов. Большинство из них дополняют местные трудовые ресурсы, не составляя им конкуренцию по причине занятости на неквалифицированных и низкооплачиваемых работах. Вместе с тем такая рабочая сила приносит выгоду исключительно теневому сектору экономики, продуцируя целый ряд проблем, связанных с нарушениями российского законодательства, трудностями получения иностранцами медико-социального обеспечения.

Особую опасность представляет создание этнических преступных структур, масштабно и открыто разграбляющих российские природные ресурсы, оказывающих криминальные услуги своим согражданам, ведущих нелегальную банковскую деятельность по финансовому обслуживанию национальных диаспор и преступных формирований.

Огромные масштабы современных незаконных миграционных процессов провоцируют межэтническую напряжённость и религиозную нетерпимость. В мае – июле 2013 г. агентством социальных технологий «Политех»

по инициативе комиссии Общественной палаты по межнациональным отношениям и свободе совести было выполнено исследование «Национальный вопрос в общественно-политической жизни». В ходе опроса установлено, что 37% русских чувствуют себя в униженном положении. Эксперты объясняют это тем, что «межэтнические отношения в России носят конфликтогенный характер». О негативной психологической ситуации в сфере межнациональных отношений свидетельствуют данные ежегодного мониторинга общественного мнения, проводимого с 2009 г. по заказу МВД России. Его результаты показывают крепнущее у граждан Российской Федерации чувство возможной опасности пострадать от криминальных проявлений со стороны нелегальных мигрантов. Если в 2011 г. утвердительно об этом высказались 39%, то в 2013 г. – уже 42%.

Согласно официальной статистике удельный вес преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, в общей структуре расследованных преступлений в среднем составляет порядка 3-4%, а преступлений, совершаемых в отношении указанных лиц – даже менее 1%. Вместе с тем данные официальной статистики не отражают реальной криминальной ситуации, участниками которой являются иностранные граждане и лица без гражданства. Латентность указанных преступлений очень высока. Это во многом обусловлено тем, что пострадавшие от противоправных действий мигранты не обращаются в соответствующие государственные органы, поскольку сами нарушают российские законы, нелегально находясь на территории страны пребывания.

Криминогенный потенциал незаконной миграции проявляется также в том, что она всегда сопровождается широчайшим спектром различных по тяжести противоправных деяний, наносящих вред или создающих угрозу такого вреда порядку управления в стране, общественной и экономической безопасности. Иностранные граждане и лица без гражданства выступают и субъектами названных деяний, и потерпевшими от них. Речь идет как об административных правонарушениях и общеуголовных преступлениях, так и об организации незаконной миграции, злоупотреблениях по службе, коррупции, криминальном отмывании денежных средств, торговле наркотиками, оружием, людьми.

Сильнейшей по силе криминогенного воздействия детерминантой является коррупция. Она проникла во все сферы жизни российского государства и, к сожалению, плотно там обосновалась. Криминальный лоббизм экономических интересов небольших групп социальных и политических элит, корыстный сговор должностных лиц, инвестирование коммерческих структур за счет бюджетных средств в ущерб общественным и государственным интересам, социально несправедливая передача государственного имущества в управление коммерческим структурам, незаконные внешнеэкономические операции, нелегальное участие госслужащих в коммерческих организациях, незаконное вмешательство в деятельность правоохранительных органов стали массовыми, системными и высоко латентными явлениями российской действительности.

По рейтингу коррумпированности чиновников и политиков наша страна находится в десятке наиболее неблагополучных стран мира [2, с. 44]. Опрос населения, проведенный Фондом Общественное Мнение, показывает, что 66% россиян оценивают уровень коррупции в стране как высокий, и 50% уверены в том, что он не меняется. Итоги исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения свидетельствуют о том, что почти половина респондентов (44%) относят коррупцию и бюрократизм к наиболее важным для страны проблемам. Зачастую, именно коррупция сводит на нет все благие начинания политической, экономической, социальной модернизации государства, которая, исходя из провозглашенных различными документами последнего времени положений, в том числе концептуального характера, должна сейчас активно проводиться.

Следует отметить, что период реформ вообще, как правило, сопровождается ослаблением контрольно-надзорной деятельности в силу сокращения кадрового состава реформируемых органов, передачей функций от одного ведомства другому, несвоевременной разработкой механизма правоприменения и массы иных причин. Именно в это время «расцветает» контроль криминальный, занимая освободившиеся от легального контроля, пусть даже на время, ниши экономической, политической жизни. Поэтому важно проводить криминологические экспертизы планируемых реформ и по их результатам заблаговременно принимать профилактические меры, направленные на недопущение разрастания преступности, в том числе и по большей части латентной.

Определяющее значение в структуре детерминант преступности имеет правовое сознание, отражающее отношение людей к праву. Как верно отмечает С.Л. Сергевнин, «национальная правовая система неизбежно «скрипит», не будучи воспринятой, признанной ее адресатами в качестве «своей»… Нормы, создающие здание национальной правовой системы, если они отторгаются – в том числе в силу юридико-культурных особенностей нации – субъектами права как адресатами соответствующих нормативных предписаний, – априори неэффективны!» [12].

Правовое сознание формируется под воздействием множества самых различных факторов, к числу которых относятся правовые, нравственные устои общества, условия жизнедеятельности конкретного индивида, распространенные в социальной среде каждого человека оценочные суждения о правозначимых явлениях, эффективность правоохранительной деятельности и т.п. Российское правосознание (общественное, индивидуальное, профессиональное) на разных этапах развития всегда характеризовалось неоднозначно. Особенно ярко его негативные качества стали проявляться после распада Советского Союза на фоне масштабной деградации духовного, нравственного развития [13, с. 248-249].

Именно такого качества оно присутствует у современников, трансформируясь даже в правовой нигилизм. Согласно исследованиям Фонда Общественное Мнение только 46% респондентов признают российские законы в целом хорошими, в то время как 27% считают их плохими. Вместе с тем по-

давляющее большинство опрошенных россиян (71%) полагают, что соблюдать законы нужно независимо от их качественной субъективной оценки. При этом совсем незначительное количество респондентов (11%) характеризуют законы как правильные и, соответственно, подлежащие соблюдению. Около трети опрошенных придерживаются мнения, что россияне соблюдают законы по привычке (37%) или из-за страха наказания (33%).

Зачастую различные отклонения в правосознании являются одновременно причиной и следствием агрессивно-насильственных поведенческих установок, правонарушающего и преступного поведения; способствуют виктимности, формированию терпимости к нарушениям закона; «питают» различные асоциальные явления и коррупцию. В то же время невысокая оценка общественностью действующих правовых регуляторов объясняется катастрофическим экономическим неравенством, нелигитимностью приобретения первоначальных капиталов многими успешными сегодня предпринимателями и политическими деятелями, в том числе путем социально несправедливого распределения постсоветской народной собственности, нестабильностью законов, избирательностью норм об ответственности и т.п.

В сложившейся ситуации в целях качественного улучшения отношения граждан к правовым нормам необходима правовая пропаганда и работа по правовому воспитанию. В формировании позитивного отношения к праву особый акцент следует делать на развитии правосознания на самых ранних этапах социализации личности, «уважение к закону должно внедряться, закладываться в сознание с ранних лет, при этом должны учитываться возрастные особенности подросткового мышления вообще и формирующегося правосознания в частности» [1, с. 254]. Заслуживает однозначного одобрения факт признания на высоком государственном уровне важности развития правосознания у молодежи и специфичности этой работы, который выразился в принятии Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации 28.04.2011 № Пр-1168. Вместе с тем, современные реалии диктуют необходимость широкого внедрения в правовое воспитание подростков и молодежи инновационных технологий, обеспечивающих «живое» познание мира права, использование методов онлайн образования, применение учебных игр на смартфонах, планшетах, иных электронных устройствах.

Формирование правосознания самым тесным образом связано с гражданско-патриотическим и духовно-нравственным воспитанием подростков и молодежи. Возможность полноценной самореализации молодежи, ее активное вовлечение в социально-экономическую, общественно-политическую сферы жизни является эффективным способом профилактики преступлений, агрессивности, национальной и религиозной нетерпимости, иных деструктивных процессов и, как следствие, способствует профилактике преступности на длительную перспективу. Это тем более актуально, поскольку, как свидетельствуют многочисленные криминологические исследования, именно лицам молодого возраста присуща значительная криминальная активность,

выражающаяся в совершении насильственных преступлений, краж, незаконных деяний в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Кроме того, на фоне продолжающегося с 2007 г. сокращения количества зарегистрированных преступлений отмечается стабильность количества расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (от 5,1% до 5,5% или каждое восемнадцатое – каждое двадцатое).

В целях преодоления различных деформаций правосознания необходима также открытая, объективная антикоррупционная деятельность в правоохранительных органах, судах, органах государственной власти, органах местного самоуправления, органах прокуратуры Российской Федерации. Реальное осуществление принципов объективности и законности в каждодневной работе правоохранителей, судейского корпуса, прокуроров, направленной на противодействие преступности и правонарушаемости, позволит повысить уровень правосознания граждан и будет способствовать реальной профилактике преступности. Пока же, согласно исследовательским данным Фонда Общественное Мнение, только 34% участвовавших в опросе россиян полагают, что правоохранительные органы хорошо «следят за соблюдением законов». Большинство (51%) считают, что данная работа выполняется плохо.

Существенную роль в детерминации преступности играют такие негативные социальные явления, как алкоголизм и наркомания. В последнее время приобрела устойчивость тенденция увеличения количества лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Если в 2010 г. лицами в состоянии алкогольного опьянения совершалось почти каждое шестое расследованное преступление (16,6%), то в 2011 г. – уже почти каждое пятое (20,1%), а в 2012, 2013 г. – почти каждое четвертое преступление (25,1% и 27,5%, соответственно). В 2014 г. уже почти каждое третье расследованное преступление (29,9%) было совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения.

Как обоснованно отмечает Г.Г. Заиграев, «…пьянство к началу XXI в. приобрело особенно болезненный для общества характер. Практически по всем свои параметрам – уровню потребления алкоголя, заболеваемости, смертности, преступности на почве злоупотребления спиртными напитками, степени подверженности алкоголизации подростковой и женской части населения, – оно достигло уровня, серьезно подрывающего социально-экономические, духовно-нравственные основы жизнедеятельности общества» [3, с. 69]. Современная государственная кампания по уменьшению потребления спиртных напитков населением за счет планомерного ежегодного повышения акцизов на алкоголь, введения запретов на его продажу несовершеннолетним лицам, в определенное время суток и ограниченных местах обусловила снижение в 2014 г. статистических данных по потреблению россиянами крепких спиртных напитков с 42% до 40,2% [10]. Однако, отмечен рост потребления пива и слабоалкогольных напитков, особенно среди подростков и женщин детородного возраста. Это ведет к развитию алкоголизма уже в юношеском периоде, снижению уровня средней продолжительности

жизни, активно способствует маргинализации некоторой части населения и совершению общеуголовных бытовых преступлений. При этом официальные сведения далеки от реальных масштабов алкоголизации населения, в том числе за счет распространения контрафактной продукции.

Стремительно нарастают проблемы, связанные с незаконным потреблением наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Официальная статистика о преступности демонстрирует устойчивый рост почти в три раза числа лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния в состоянии наркотического опьянения: в 2010 г. – 1% от оконченных расследованием преступлений; в 2011 г. – 1,4%; в 2012 г. – 2,1%; в 2013 г. – 2,3%; в 2014 г. – уже 2,8%.

В настоящее время более 60 000 человек ежегодно умирают от патологий жизненно важных органов из-за систематического употребления наркотиков [6]. Действующая же система профилактики и лечения больных не отвечает сложившимся угрозам. Так, на 8 млн. наркозависимых лиц приходится только 600 тыс. койко-мест медицинских учреждений. По официальным сведениям ежедневно 8 млн. наркопотребителей тратят на наркотики 4,5 млрд. рублей, выводя из ВВП страны в доход наркопреступников до 1,5 триллионов рублей ежегодно, что в 1,5 раза выше, чем бюджет Министерства обороны и в 3,5 раза бюджета Министерства здравоохранения [6].

Подытоживая сказанное, отметим, что приведенные детерминанты преступности не являются исчерпывающими. Проблема детерминации имеет сложный и масштабный характер. Криминальные деяния связаны со множеством явлений, состояний, процессов, проявляющимися иногда довольно неожиданно. Так, наука располагает статистическими наблюдениями о зависимости состояния преступности от времени года, климата, половозрастной структуры населения. Вместе с тем, нами были охарактеризованы только некоторые базисные детерминанты, продуцирующие преступность и оказывающие на нее практически постоянное влияние.

Список литературы

1. Алексеев, А.И., Герасимов, С.И., Сухарев, А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. [Текст]. – М., 2001. – 496 с.

2. Бондырев, В.Е. Разработка и принятие профилактических мер в борьбе с коррупцией [Текст] // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 5. – С. 44-48.

3. Заиграев, Г.Г. Пьянство в России как реальная угроза национальной безопасности [Текст] // Социс. – 2001. – № 11. – С. 69-76.

4. Колесников, В.В. Криминогенность современных моделей экономики – ключевой фактор детерминации мирового финансово-экономического кризиса [Текст] // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1 (18). – С. 163-191.

5. Колесников В.В., Модель национальной экономики, криминал и глобализация [Текст] // Ученые записки Международного банковского института. – 2014. – № 8-2. – С. 46-55.

6. Кузьмин, В. Преодолеть зависимость [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/11/20/medvedev-site.html.

7. Лейбниц, Г.В. Порядок есть в природе [Текст] // Лейбниц Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.

8. Львов, Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего [Текст] // Журнал экономической теории. – 2007. – № 1. – С. 5-17.

9. Матвиенко, В.И. Современные задачи политического, социального и экономического развития Российского государства [Текст] // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2012. – № 31 (474). – С. 4-13.

10. Миронов, В. Росстат: В РФ стали пить меньше водки, но больше пива [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/10/30/alcohol-site-anons.html.

11. Овчинникова, Г.В. Направления преступной деятельности, связанные с незаконной миграцией [Текст] // Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней / под ред. А.И. Долговой. – М., 2006. – С. 373-378.

12. Сергевнин, С.Л. Российское национальное правосознание: некоторые конституционно-правовые проблемы [Электронный ресурс] // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 5 // СП «Консультант плюс».

13. Сенин, И.Н. Правосознание, правовая культура и правовой менталитет [Текст] // Современные научные исследования: теория, методология, практика. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 243-254.

14. Яковлев, А.М. Преступность и социальная психология [Текст]. – М., 1971. – 248 с.

15. Adam Edwards and Michael Levi. Researching the organization of serious crimes [Текст] // Criminology and Criminal Justice. – November 2008. – Vol. 8, – pp. 363-388, – doi: 10.1177/1748895808097403.

16. George Dimofte, Gabriela Dimofte, Ionica Bolea. Economic and Financial Crime Management in the Context of International Financial Crisis – Opinions [Текст]. Journal of Accounting and Management. – Vol. 2, – № 1(2012), – pp. 53-62.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ САНКЦИЙ

Таилова А.Г.
зав. кафедрой юридических и гуманитарных дисциплин,
канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Избербаш, Россия, г. Избербаш

В статье анализируются законодательные связи санкций. Обращено внимание на то, что исследование санкций и законодательное определение ответственности связано с решением практических задач, имеющих большое социально-политическое значение. Анализируется законодательное определение санкций и влияние на них такого обстоятельства, что при помощи некоторых санкций охраняются обширные комплексы правовых норм различных отраслей права.

Ключевые слова: санкции, законодательная техника, содержание и социальное назначение, законодательное определение.

Способы законодательной связи санкций с охраняемыми ими правоположениями разнообразны. На первый взгляд данная проблема относится к законодательной технике, разрабатывающей наиболее простые способы указания на меры принуждения (санкции, ответственность), предусмотренные на случай нарушения правовых норм. С этой точки зрения предпочтительнее в нормативных актах, определяющих обязанности и запреты, указывать

санкции за их нарушение, а не отсылать к другим нормативным актам. Между тем в законодательстве преобладает именно отсылочный способ (в одних нормативных актах определяются права и обязанности участников общественных отношений, в других- санкции за их нарушение).

Это предопределяется прежде всего содержанием и социальным назначением подавляющего большинства нормативных актов, направленных не на борьбу с правонарушениями, а на регулирование и развитие общественных отношений. Цели таких нормативных актов обусловливают именно и только отсылочный способ определения ответственности (санкций) за нарушения содержащихся в них положений.

Попытка дать в отдельных нормативных актах перечень видов их возможных нарушений и санкций за каждый из них привела бы не только к их информационной перегрузке, что само по себе плохо, но и перегрузке лишней, отвлекающей внимание от содержания Законов, не соответствующей их главным социально-правовым функциям. В таком перечне нет надобности и по той причине, что ответственность за нарушения обязанностей, предусмотренных этими нормативными актами, либо уже определены ранее принятыми законами (дисциплинарная, уголовная и иные виды ответственности), либо такое определение предполагается дать в других нормативных актах, принятие которых относится к компетенции того же или иных государственных органов.

В большинстве законов, кодексов и других нормативных актов, направленных на регулирование и развитие общественных отношений, ответственности посвящен специальный раздел. В нем, как правило, обозначаются виды правонарушений, возможных только в пределах соответствующей сферы правового регулирования, и определяются либо специфические меры ответственности за такие нарушения.

На законодательное определение санкций влияет также то обстоятельство, что при помощи некоторых санкций охраняются обширные комплексы правовых норм различных отраслей права. Таковы нормы о дисциплинарной ответственности, которыми охраняются от нарушения нормы трудового, административного, процессуального и ряда других отраслей права. Они носят настолько всеобщий «охранительный» характер, что включение их в законодательные акты соответствующих отраслей вообще невозможно. Таковы также нормы Гражданско-процессуального кодекса, регулирующие исполнительное производство. Они, как санкция, корреспондируют ряду норм гражданского, трудового, брачно-семейного, административного, уголовного права. Общий характер (по отношению ко всему гражданскому праву) имеет норма об ответственности в виде возмещения убытков. Поэтому общие нормы об ответственности должны быть сформулированы в общей части гражданского законодательства, а не в разделе об обязательствах.

На формы законодательной связи санкции и охраняемого ею правила существенно влияет также строгость санкции, соответствующая степени общественной вредности или опасности правонарушения. Чем больший объем правоограничений определен санкцией, тем жестче она привязана к описа-

нию караемого ею правонарушения, вплоть до конструкций норм Особенной части Уголовного кодекса, где детальное изложение состава преступления сопровождается точным определением рамок соразмерного ему наказания. И наоборот, менее строгие взыскания за нарушение трудовой дисциплины излагаются в общем перечне без определения составов проступков, за которые они применяются, исключая увольнение за грубое или систематические нарушения. Этим обеспечивается режим законности: более строгие меры ответственности применяются за точно определенные правонарушения, причем свобода усмотрения государственных органов и должностных лиц ограничена не только верхним пределом санкции, но и необходимостью мотивировать выбор в ее пределах конкретной меры взыскания (наказания) либо назначение менее строгой меры, чем определено низшим пределом санкции.

Названные факторы (непосредственные цели, социально-правовые функции нормативных актов, универсальность ряда норм об ответственности, необходимость точно сформулировать составы правонарушений, влекущих применение наиболее строгих санкций) относятся к числу тех, которые обусловливают специализацию в системе законодательства. Наконец, метод отсылок к специальным нормативным актам, определяющим санкции за правонарушения и порядок применения санкций (ответственность), необходим еще и по той причине, что система санкций и ответственности не неизменна. Она находится в состоянии движения, развития, перестройки, закономерно меняется с развитием общества, причем процесс этих изменений обусловлен поиском наиболее эффективных санкций, совершенствованием их содержания и порядка применения.

КОНЦЕПЦИЯ «ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Таилова А.Г.
зав. кафедрой юридических и гуманитарных дисциплин,
канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Избербаш, Россия, г. Избербаш

В статье проведен анализ охранительных отношений в рамках уголовного правоотношения, основанного на крайне ограниченных представлениях о правах лица, совершившего преступление и обвиняемого в этом.

Предпринята попытка доказать, что при возникновении уголовно- правовых отношений преступник не сам несет ответственность, а должен быть обнаружен и привлечен к ней, что обвиняемый не обязан, а вправе, не отвечать, а защищаться от обвинения, не подвергнуть себя наказанию, а добиваться истины по делу.

Ключевые слова: охранительные отношения, уголовно- правовые отношения, преступление, ответственность.

Исследование ответственности в связи с правовыми отношениями имеет социально-политическое значение, поскольку подчеркивает прочные правовые основания государственного принуждения в обществе, концентрирует

внимание на правовом положении правонарушителя, который является не объектом государственно-правового воздействия, а именно субъектом правоотношения.

Понятием охранительного отношения предполагалось охватить правовые последствия и гражданского правонарушения, и преступления. Между тем эти последствия не одинаковы. Если причинение имущественного вреда непосредственно порождает обязанность правонарушителя возместить этот вред (отношения имущественной ответственности), то правовым результатом преступления или проступка является обязанность соответствующих государственных органов и должностных лиц привлечь виновного к ответственности. Это отличие не учитывается в литературе об ответственности, возникновение которой (в том числе штрафной, уголовной) нередко связывается с моментом правонарушения.

Такое предположение вызывает ряд возражений. Распространенная аналогия уголовно-правового отношения с обязательствами, возникающими из причинения имущественного вреда, неудачна по той причине, что обязанность возместить причиненный вред (полностью или в определенных законом пределах) вполне конкретна и, главное, может быть выполнена самим правонарушителем, к чему он понуждается рядом дополнительных санкций (возложение судебных расходов, расходов по исполнению и др.).

До сих пор, однако, не подвергалось сомнению, что смысл и назначение юридической обязанности (предписанная правом необходимость определенного поведения) в том, что она – регулятор волевого и сознательного поведения участника общественных отношений и ее исполнение не может быть ничем иным, кроме как собственными действиями обязанного лица. Поэтому предполагаемая обязанность правонарушителя не соответствует общепризнанному понятию юридической обязанности противоречит ему.

Общепризнано, что жизненность и обоснованность любой теоретической модели проверяется практикой. Для правоведения существенно важны такие критерии истинности теоретического построения, как, во-первых, возможность воплотить его в законодательстве, во-вторых, влияние на практику применения закона. Никто, насколько известно, не предлагает дополнить законодательство указанием на обязанность правонарушителя «отвечать» или «подвергнуть себя наказанию». Эти стержневые идеи наиболее распространенного варианта идеи уголовно-правового отношения не нашли и не могут найти воплощения в законе.

Если лицо, совершившее преступление, обязано отвечать и подвергнуться наказанию, но на вопросы следователя не отвечает или меняет показания, отрицает вину, оспаривает обвинение, заявляет ходатайства, то почему бы на одном лишь этом основании не изменить ему меру пресечения на более строгую? К сожалению, такой и другие способы подкрепления незаконной санкцией несуществующей обязанности отвечать на практике имеют место (например, допрос виновного как свидетеля, т. е. под угрозой уголовной – ответственности за отказ от дачи показаний или за ложные показания).

С этими нарушениями законности ведется борьба, но их трудно иско-

ренить, если приписывать правонарушителю обязанности, не предусмотренные законом. Аналогичные ошибки существуют и в судебной практике.

Идея уголовного правоотношения основана на крайне ограниченных представлениях о правах лица, совершившего преступление и обвиняемого в этом. Виновный, по этой идее, вправе требовать лишь того же самого, что требует обвинитель, – наказания в пределах санкции нарушенной нормы. Между тем весь уголовный процесс, вне которого невозможно применение уголовного закона, пронизан демократическими и гуманными нормами и институтами, обеспечивающими обвиняемому право на защиту не только от несоразмерного наказания, но и от наличного обвинения.

Вопреки распространенному варианту идеи уголовного правоотношения мы стремимся доказать, что преступник не сам несет ответственность, а должен быть обнаружен и привлечен к ней; что обвиняемый не обязан, а вправе, не отвечать, а защищаться от обвинения; не подвергнуть себя наказанию, а добиваться истины по делу; и когда в результате этого устанавливается, что он совершил преступление, наказание применяется законно и обоснованно, на основе права, нравственности, справедливости.

Можно возразить, что меры государственного принуждения, предназначенные правонарушителю, иногда по ошибке применяются к невиновному и, наоборот, правонарушитель может быть освобожден от этих мер. Но между этими вариантами разница громадная. Если к ответственности по ошибке привлечен невиновный – за этим должны следовать оправдание, реабилитация, моральная и материальная компенсация; правонарушитель же освобождается от ответственности и наказания лишь по не реабилитирующим основаниям, а проще говоря – может рассчитывать только на милость и снисхождение, но никак не на оправдание.

Все его (уголовного правоотношения) дальнейшее развитие опосредствуется нормами уголовно-процессуального, а затем уголовно- исполнительного права, регулирующими осуществление уголовной ответственности. Сняв с этой теоретической конструкции цивилистическую схему «материального (уголовного) правоотношения», истолкование которого оторвалось от действующего закона и пришло с ним в противоречие, мы получаем уголовную ответственность в ее реальном, осязательном виде.

ОСОБЕННОСТИ ОТКРЫТОГО АУКЦИОНА КАК ФОРМЫ ТОРГОВ

Уваров А.А.
аспирант кафедры гражданского права,
Кубанский государственный аграрный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются правовые особенности открытого аукциона в электронной форме. Автор исследует правовые особенности электронного аукциона, связь правового регулирования электронного аукциона с правовым регулированием поставки для государственных и муниципальных нужд, а также процедуру проведения электронного аукциона.

Ключевые слова: торги; открытый аукцион в электронной форме; электронный аукцион; государственный и муниципальный контракт; договор поставки для государственных и муниципальных нужд.

Гражданско-правовое регулирование отношений в области заключения договора на торгах носит довольно разветвленный характер. Во многом это законодательство носит комплексный характер и в настоящее время постоянно находиться в процессе реформирования, на что неоднократно указывалось в литературе [1, с. 52]. Стоит отметить, что введение обязательных электронных торгов, является передовой в сфере организации закупок для публичных компаний в целях удовлетворения государственных и муниципальных нужд [4, с. 68].

Действующая ст. 447 ГК РФ предусматривает, что торги (в том числе электронные) проводятся в форме аукциона, конкурса или в *иной форме*, предусмотренной законом. В связи я этим, представляется целесообразным проанализировать, что понимается в науке под формой торгов.

Большинство исследователей склонны рассматривать торги как особый конкурентный способ заключения договора. Одновременно торги в гражданском праве могут рассматриваться в двух аспектах: как способ заключения гражданско-правового договора и как самостоятельный вид гражданско-правового договора. Как способ заключения гражданско-правового договора – это особая процедура поиска контрагента, в котором основной акцент смещен на принцип состязательности. Вместе с тем состязательность сама по себе может быть присуща и другим способам заключения договора. Такие способы также следует именовать конкурентными процедурами заключения договора. Права А.А. Диденко в том, что современное понятие «торги», являющиеся основным способом заключения государственных и муниципальных контрактов, не охватывает все существующие на сегодняшний день конкурентные способы заключения договора [2, с. 18.].

Торги также рассматриваются и как самостоятельный вид гражданско-правового договора. Институт торгов характеризует публичный конкурс в соответствии с главой 57 ГК РФ. Таким образом, торги как публичный конкурс представляют собой производное явление от торгов как способа заключения договора.

Закрепление в действующем гражданском законодательстве определенной юридической процедуры торгов, нужно признать в качестве специального приема правового регулирования соответствующих общественных отношений. В гражданском праве этот прием выражается в том, что для цели удовлетворения и частных, и публичных интересов законодатель специально устанавливает в правовых нормах юридическую процедуру. Например, процедуру торгов, итогом которой выступает заключение договора [3, с. 1150.].

В целом юридическая процедура торгов может рассматриваться как:

– закрепленная в праве последовательность определенных действий по заключению договора;

– сложный юридический факт, влекущий заключение договора;

– совокупность действий организаторов и участников торгов.

Выделение двух этапов юридической процедуры торгов (этап организации торгов (подготовительный этап) и этап проведения торгов и их оформления) в наибольшей степени отвечает существу складывающихся фактических отношений по поводу заключения договора на торгах. Вместе с тем, несомненно, можно разграничивать второй этап на такие действия как подведение итогов торгов и оформление их результатов.

Предложенные классификации торгов показали сложность и комплексность данного правового института. По нашему мнению, термином «торги» не должны охватываться иные конкурентные способы заключения договора, имеющие самостоятельное значение и свою собственную сферу применения. Таким образом, открытый конкурс следует рассматривать как форму торгов. Одновременно особенностью открытого конкурса для целей заключения государственного заказа выступает его электронная форма. Следует также поддержать существующее деление всех торгов на две формы (п. 4 ст. 447 ГК РФ) – аукционы и конкурсы. Состязательность в различных ее проявлениях может быть присуща не только торгам, но и другим механизмам заключения договора.

Список литературы

1. Диденко, А.А. Понятие гражданского законодательства с позиции системного метода исследования [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 1. – С. 52.

2. Диденко, А.А. К вопросу о моделях заключения гражданско-правовых договоров в сфере государственных закупок [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2013. – № 3 (15). – С. 72.

3. Диденко, А.А., Артемов, А.В. Понятие и формы торгов в гражданском праве [Текст] : / А.А. Диденко, А.В. Артемов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 110. – С. 1135-1151.

4. Диденко, А.А. Публичная компания как организационно-правовая форма юридического лица [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 2 (18). – С. 68-74.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА

Халиков Р.М.

соискатель кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Россия, г. Казань

В статье установлен смысл законодательной формулы обособления ответственности товарищества собственников недвижимости (далее – ТСН) в части общего имущества. Поскольку общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме остаётся в их долевой собственности, на него не может распространяться взыскание по долгам товарищества. Этим объясняется законодательная формула по обособленности ответственности товарищества и его членов. Поэтому при недостаточности имущества ТСН для погашения задолженности общее имущество в многоквартирном доме не включается в «конкурсную массу».

Ключевые слова: товарищество собственников жилья; юридическое лицо; организационно-правовая форма; управление общим имуществом; договор.

Отсутствие у ТСН права собственности на общее имущество в многоквартирном доме обосновывается вовсе не особым характером долевой собственности и специальным порядком распоряжения имущественными объектами, а ограниченными полномочиями товарищества. Главной функцией ТСН является управление многоквартирным домом, включая управление объектами общего пользования [1, с. 208]. Сама по себе категория «управление» применительно к материальным ресурсам предполагает у управляющего субъекта достаточно широкие правомочия, внешне напоминающие правомочия собственника [5, с. 20].

Товарищество, выступая субъектом управления, наделено правом владения, пользования и распоряжения данным имуществом, однако говорить о полном господстве над ним невозможно. Указанные правомочия, несмотря на их тождественность правомочиям собственника, всегда реализуются в пользу интересов собственников жилых помещений, т.е. носят ограниченный характер [3, с. 129]. Это предопределяет специальную правоспособность ТСН. Создавая товарищество, собственники жилых помещений поручают ему данную функцию по реализации своих прав, но не передают все свои права на общее имущество в многоквартирном доме [4, с. 138]. Напротив, собственность всегда предполагает полное доминирование над имущественным объектом, что означает реализацию соответствующих правомочий исключительно в собственных интересах [2, с. 20].

Из этих соображений не может производиться взыскание на общее имущество в доме по долгам товарищества, что имеет под собой законодательный подтекст. Так, в силу п. 6 ст. 135 Жилищного Кодекса РФ члены ТСН не несут имущественной ответственности по долгам товарищества, равно как и товарищество отвечает перед кредиторами исключительно в пределах собственного имущества. Соответственно, при его недостаточности для погашения задолженности общее имущество в многоквартирном доме не включается в «конкурсную массу» ТСН.

Гражданское и жилищное законодательство довольно подробно регламентирует признаки, по которым определяется имущество общего назначения, т.е. объект управления со стороны ТСН. Так, п. 1 ст. 290 Гражданского Кодекса РФ называет, помимо помещений общего пользования, несущие конструкции дома, а также любое оборудование технического характера и вне зависимости от его расположения (внутри или за пределами дома), если оно имеет обслуживающее предназначение для нескольких квартир. В п. 1 ст. 36 Жилищного Кодекса РФ содержится конкретизация данной гражданско-правовой нормы. В частности, объектами общего назначения считаются межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы), а также крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в

данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения, земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства и иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома объекты, расположенные на указанном земельном участке.

Поддержание общего имущества в многоквартирном доме сопровождается рядом обязательств технического характера. Например, ТСН должно обеспечить постоянную готовность инженерных коммуникаций, приборов учета и другого оборудования, необходимых для процесса предоставления коммунальных услуг. Это требование вытекает из другого акта Правительства РФ, регламентирующего порядок оказания гражданам коммунальных услуг [6]. Также установлена обязанность поддерживать архитектурный облик дома, что должно следовать из его проектной документации, составляемой в случае строительства или реконструкции дома, в рамках которого функционирует ТСН.

Указанные обязанности применительно к сделкам, совершаемым товариществом, являются по существу условиями их исполнения. Однако в подзаконных актах предусматриваются и обстоятельства, характеризующие предмет обязательных для ТСН сделок. Так, в соответствии со ст. 11 Правил содержания общего имущества [7] товарищество обязано обеспечить проведение осмотра имущественных объектов с целью выявления отклонений в его хозяйственном состоянии. Осуществление этого действия напрямую возложено на должностных лиц органов управления ТСН.

Предметом договорных обязательств, реализуемых товариществом, также выступает освещение место общего пользования, обеспечения нормативно установленных температуры и влажности в помещения общего назначения, их уборка и санитарно-гигиеническая очистка, сбор и вывоз бытовых отходов, а также отходов от хозяйственной деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, которые пользуются на договорных условиях нежилыми помещениями в рамках данного многоквартирного дома. ТСН обязано заниматься обеспечением мер противопожарной безопасности, озеленение и благоустройство придомовой территории, осуществлять текущий и капитальный ремонт, подготовку к сезонной эксплуатации и содержание общего имущества в многоквартирном доме.

Аналогичным образом совершается текущий ремонт общего имущество, решение по производству которого принимается общим собранием членов ТСЖ. Что касается капитального ремонта, то этот вопрос выведен из свободы волеизъявления товарищества. Законодательство прямо обязывает ТСН осуществлять все необходимые действия по его совершению, вне зависимости от финансовых возможностей, если имеются нарушения установленных предельно допустимых характеристик надежности и безопасности, а также при необходимости замены элементов общего имущества, в том числе ограждающих несущих конструкций многоквартирного дома, лифтов и другого оборудования [7].

Исходя из обязательства обеспечивать сохранность общего имущества, одновременно у товарищества возникает обязанность вести техническую документацию на многоквартирный дом, которая состоит из документов о приемке результатов проделанных работ по подрядным договорам, документов технического учёта жилищного фонда, включая акты осмотра, проверки состояния инженерных коммуникаций, приборов учета, механического, электрического, санитарно-технического и иного оборудования, обслуживающего более одного помещения в многоквартирном доме, конструктивных частей многоквартирного дома на соответствие их эксплуатационных качеств установленным требованиям.

Вместе с тем, это далеко не полный перечень документов, которые обязано вести ТСН [7]. Так, в целях управления имуществом общего пользования товарищество обязано иметь копию кадастрового плана земельного участка, выписку из реестра недвижимости с указанием объектов недвижимого имущества общего назначения, копия градостроительного плана, заверенная органами местного самоуправления, документы об ограниченных имущественных правах на объекты общего пользования, проектную документацию на многоквартирный дом. Законодательно данный перечень документов не является исчерпывающим, поэтому иными нормативно-правовыми актами он может существенно дополняться.

Список литературы

1. Афанасьева А. Проблемы собственности в товариществе собственников жилья и пути их решения // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2011. № 3. С. 205-210.

2. Гарипов Р.Ф. Деликтоспособность юридических лиц // Право: теория и практика. №9 (122). 2009. С. 17-22.

3. Мухажинова Л.Ш. Правовой механизм развития товарищества собственников жилья // Власть Закона. – 2011. – № 1 (5). – С. 126-134.

4. Фомина Ю.А., Фомин Э.В. Эффективное управление жильем на основе товариществ собственников жилья // В сборнике: Теория и практика социального государства в Российской Федерации: научно-производственный потенциал и социальные технологии материалы II Всероссийской научно-практической конференции. редактор: В.Д. Авилов [и другие]. – 2012. – С. 135-142.

5. Цахоев А.Н. Об определении понятия «Управление многоквартирными домами» // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 19-21.

6. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 "О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 22. – ст. 3168.

7. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (ред. от 06.05.2011) "Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность".

ПОНЯТИЕ ПРИНОСЯЩЕЙ ДОХОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Шайдуров И.В.
доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Кубанский государственный аграрный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются последние изменения ст. 50 Гражданского кодекса РФ и действующего законодательства применительно к осуществлению некоммерческими организациями приносящей доход деятельности. Автор делает выводы о возможности осуществления некоммерческими организациями предпринимательской деятельности и тенденциях развития правового регулирования указанных отношений.

Ключевые слова: юридические лица, коммерческие организации, некоммерческие организации, классификация юридических лиц, предпринимательская деятельность.

Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие является классическим для науки гражданского права и во многом выступает следствием системного характера гражданского законодательства, о чем неоднократно писали современные юристы [1, с. 52]. Основным классификационным критерием в указанной классификации стала возможность извлекать прибыль и распределять ее между участниками юридического лица. С 1 сентября 2014 года ГК РФ в отношении некоммерческих организаций закрепляет возможность занятия ими приносящей доход деятельности, а не предпринимательской деятельности, что подчеркивает непредпринимательскую направленность указанных организаций. Некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям.

В этой связи появление нового термина «приносящая доход деятельность» требует более тщательного анализа с точки зрения его соотношения с более привычным и устоявшимся в цивилистической науке и судебной практике термина «предпринимательская деятельность». На наш взгляд, новое название предпринимательской деятельности некоммерческих организаций не поменяет экономическую суть такой деятельности.

Итак, извлечение прибыли является основной целью не только коммерческой деятельности, но и предпринимательской деятельности. Сам термин «коммерческая деятельность» традиционно рассматривается как вид предпринимательской, хозяйственной, экономической деятельности, связанный с торговлей, товарооборотом [2, с. 144]. Представляется, что следует понимать приносящую доход деятельность некоммерческих организаций – как содержательно более широкое понятие, чем предпринимательская деятельность. При определении содержания и признаков приносящей доход деятельности некоммерческих организаций важно отметить такое ее сущностное отличие

от предпринимательской деятельности, как отсутствие систематического получения прибыли. Стоит также отметить и сложности, связанные с определением содержания понятий «прибыль» и «доход», обусловленные многогранным содержанием и выполнением различных экономических функций.

Важно подчеркнуть, что законодатель использует термин «извлечение прибыли» для характеристики основной цели деятельности коммерческой организации. Ю.Г. Лескова отмечает, что «...предпринимательская деятельность направлена именно на получение прибыли. Следовательно, деятельность учреждений, приносящая доход, не во всех случаях может быть рассмотрена как предпринимательская. Не случайно законодатель в ч. 2 ст. 298 ГК РФ не отождествляет рассматриваемую деятельность с предпринимательской» [3, с. 27]. Таким образом, некоммерческим организациям не запрещается осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности и стремиться к извлечению прибыли от общественно полезных видов деятельности. Например, публично-правовая компания исходя из того, что она отнесена к некоммерческим юридическим лицам, в своей деятельности не должна преследовать цели извлечения прибыли. Она вправе осуществлять деятельность, приносящую доходы, постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана. В качестве таких задач можно обозначить осуществление государственной политики, оказание государственных услуг, управление государственным имуществом и др. [4, с. 70] .

С целью исключения существования на практике некоммерческих организаций, по сути являющихся коммерческими, и было предложено в уставах таких организаций определять направления приносящей доход деятельности, которые должны соответствовать целям создания юридического лица и основным видам его деятельности [5, с. 1308].

Список литературы

1. Диденко, А.А. Понятие гражданского законодательства с позиции системного метода исследования [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 1. – С. 52.

2. Лескова, Ю.Г. К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах [Текст] : / Ю.Г. Лескова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 144

3. Лескова Ю.Г. Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций [Текст] : / Ю.Г. Лескова // Цивилист. – 2009. – № 2. – С. 27-30.

4. Диденко, А.А. Публичная компания как организационно-правовая форма юридического лица [Текст] : / А.А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 2 (18). – С. 68-74.

5. Дудченко, А.Ю. К вопросу о понятии «обычной хозяйственной деятельности» в корпоративном законодательстве [Текст] : / А.Ю. Дудченко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 92. – С. 1306-1320.

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Якименко П.И.
студент 4 курса Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Беланова Г.О.
доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н.,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В данной статье рассматривается вопрос о легитимности решений, принимаемых Европейским судом по правам человека, на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный суд РФ, судебная система, постановление, Европейский суд по правам человека, политика.

В июле 2015 года Конституционным Судом РФ было принято постановление о том, что решения Европейского суда по правам человека могут не исполняться в случае их противоречия Конституции РФ. Данное решение породило ряд дискуссий среди экспертов и юристов. Прежде чем начать предметно рассматривать данный вопрос, стоит упомянуть о постулатах, которые закреплены в Конституции Российской Федерации. К таковым относятся положения статей 15 и 46, а также глава 7 – «Судебная власть и прокуратура». Часть 4 статьи 15 Конституции РФ говорит о верховенстве норм международных договоров, над российским законодательством [1]. А исходя из пункта 3 статьи 46 «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [2].

В феврале 1996 года Россия подписала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а также ряд протоколов к ней. Ратифицировав эти соглашения, наша страна признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и обязалась исполнять его решения. Соответствующие положения впоследствии были внесены в ряд законов и кодексов, что сделало постановления ЕСПЧ основанием для пересмотра ранее вынесенных судебных решений. Граждане РФ получили право обращаться в Европейский суд по правам человека, образованный в соответствии с протоколом N 11 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это означает, что гражданин РФ, который обжаловал судебный акт, но так и не добился справедливого, по его мнению, решения, получает возможность обратиться в Европейский суд по правам человека для защиты своих прав и свобод. А, например, юридические лица, которые связаны со сферой энергетики, должны обращаться в третейский суд в Гааге. Но, как

отметил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, комментируя «Дело ЮКОСа», «по вопросам и делам подобного рода Гаагский арбитражный суд имеет компетенцию только в отношении тех стран, которые подписали и ратифицировали Европейскую энергетическую хартию. Россия не ратифицировала ее, поэтому мы не признаем юрисдикцию этой судебной инстанции» [3].

Чтобы перейти к предметному анализу вышеупомянутого Постановления Конституционного суда РФ, обратимся к предпосылкам возникновения вопроса. Так, в декабре 2013 года Депутат партии «Единая Россия» Евгений Федоров предлагал отменить превосходство международных норм права над национальным законодательством, мотивируя это тем, что данное положение, помимо Конституции России, есть только у проигравших в мировых войнах Австрии и Германии, а это означает, что законодательство России производно от факта поражения и это следует признать недопустимым [4]. Переломным политическим моментом принято считать события марта 2014 года, когда территория Российской Федерации увеличилась за счёт двух новых субъектов. 21 марта 2014 Совет Федерации РФ ратифицировал «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» [5], в результате чего политика Российской Федерации была подвержена осуждению, а в отношении российских граждан последовали санкции со стороны США и стран Европы. В отношении Российской Федерации применялись и иные методы воздействия. Так, ЕСПЧ стал все чаще выносить постановления, которые вступают в противоречие с основным законом нашей страны. Широкий резонанс вызвало решение ЕСПЧ по делу ЮКОСа, согласно которому, Российская Федерация обязана выплатить сумму в размере 1,86 млрд. евро. Более того, существует и решение Гаагского суда о взыскании 50 млрд. евро. В июне 2015 года Минюст РФ также заявил о преждевременности исполнения решений международных судов по делу «ЮКОС против России». Сразу после этого Франция и Бельгия арестовали активы Российской Федерации по иску бывших акционеров ЮКОСа. Однако если у Гаагского суда существуют механизмы принудительной реализации его решений (арест имущества в Бельгии и Франции), то подобных полномочий у ЕСПЧ просто нет. В феврале 2015г. было снова предложено исключить из Конституции РФ нормы о приоритете международного права (п.4 ст.15 Конституции РФ), но уже председателем Следственного комитета РФ Александром Бастрыкиным. Невозможность исключения данного положения из Конституции РФ, заключалась в том, что в главе 9 этой же Конституции указано, что положения глав 1, 2 и 9 могут быть пересмотрены в случае созыва Конституционного Собрания, которого в РФ нет [6]. Однако, данный законопроект был внесён в Государственную Думу РФ 2 сентября 2015 года [7], хотя Правительство РФ не поддержало такую инициативу [8].

Перейдем к анализу Постановления Конституционного Суда РФ по делу о применимости решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) на территории России от 14 июля 2015 № 21-П. В соответствии с этим постановлением Россия в порядке исключения вправе отступить от исполнения возлагаемых на нее обязательств, если такое отступление является единственным возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов. Следовательно, согласно позиции Конституционного Суда РФ, Конвенция о защите прав и свобод человека подлежит реализации лишь с учетом верховенства Конституции. Де-факто Конституционный Суд РФ получил исключительную компетенцию в принятии решений о соответствии/несоответствии решений ЕСПЧ российской Конституции, а значит, именно он принимает решение о том, будет ли исполнено решение Европейского суда или нет. Де-юре Конституционный суд РФ является конечной инстанцией в решении вопроса о возможности исполнения судебных решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации. Необходимо указать, что сравнительно недавно, в 2010 году, в процессуальном законодательстве было закреплено положение о том, что установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и вынесенное им об этом решение, является основанием для пересмотра постановлений российских судов по новым обстоятельствам (п.4 ч.4 ст.392 ГПК РФ). Теперь, видимо, ситуация изменится кардинальным образом.

Указанное постановление Конституционного Суда РФ было подвергнуто серьезной критике. Тем не менее, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в высших судебных инстанциях Михаил Барщевский высказался в поддержку решения, мотивируя свою позицию тем, что все международные договоры, включая присоединение к конвенциям, в России ратифицируются путем принятия федерального закона, который находится ниже Конституции по юридической силе, и напомнил, что подобный подход о верховенстве национального законодательства над решениями ЕСПЧ применяется в 4 странах: Германии, Австрии, Италии и Великобритании [9].

Говоря юридическим языком, в соответствии со статьей 4 Конституции Российской Федерации, она (Конституция) и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. В соответствие с ч.1 статьи 15 Конституции РФ она обладает высшей юридической силой, прямым действием и применяется на всей территории страны. Законы и иные правовые акты, принимаемые в России, не должны противоречить Конституции [10]. При этом, никто не отменял положений части 4 статьи 15 о приоритете норм и принципов международного права над нормами национального законодательства, однако ниже по статусу, нежели Конституция.

Из этого следует, что Конституционный Суд РФ при толковании закона должен опираться на требования ЕСПЧ, но не в ущерб национальному зако-

нодательству. При этом, ни в коем случае нельзя забывать формулировку, которая содержится в обсуждаемом постановлении о том, что «участие Российской Федерации в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ не могут отменять приоритет Конституции» [11].

Подводя итоги, нужно сказать, что Конституционный Суд РФ своим постановлением попытался преодолеть возникший конфликт национальных и международных правовых норм. Конечно, есть ещё один путь разрешения этой проблемы – выход России из Совета Европы, который лишит граждан РФ права обращаться в ЕСПЧ, прекратит действие моратория на смертную казнь и приведёт к иным последствиям. В начале 2015 года «выход России из Совета Европы» массово тиражировался в СМИ, но Спикер Госдумы Сергей Нарышкин и член партии «Единая Россия» Алексей Пушков заявили о нежелательности [12] и невысокой вероятности [13] выхода России из Совета Европы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

2. Там же

3. «Путин заявил о неправомочности решения по иску бывших акционеров ЮКОСа» // Режим доступа: http://lenta.ru/news/2015/06/20/putin/

4. «Решения ЕСПЧ перестанут быть обязательными для российских судов» // Режим доступа: http://izvestia.ru/news/563034

5. «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/copy/20605

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

7. Законопроект № 874565-6 «О Конституционном Собрании Российской Федерации» // Режим доступа:
http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=874565-6

8. «Правительство не поддержало законопроект Федорова о Конституционном собрании» // Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/09/02/n_7545395.shtml

9. «Конституционный суд России постановил сегодня, что решения Европейского суда по правам человека должны исполняться в нашей стране с учетом верховенства Конституции РФ» // Режим доступа: http://echo.msk.ru/news/1584866-echo.html

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы"

12. «Нарышкин назвал нежелательным выход России из Совета Европы» // Режим доступа: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5597ba219a7947333685ba61

13. «Пушков назвал невысокой вероятность выхода России из Совета Европы» // Режим доступа: http://www.interfax.ru/russia/447049

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам VI Международной научно-практической
конференции

г. Белгород, 30 сентября 2015 г.

В десяти частях
Часть VII

Подписано в печать 09.10.2015. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ 182
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а